

100

M-60

100 ~~1155~~
M-60 - Минувъ № 11772
о свободе 2р

11772

Джонъ Стюартъ Милль.

347

100

M-60

Служебный
каталог

✓

100
M-60

ПБФ

О СВОБОДѢ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО

М. И. ЛОВЦОВОЙ.

ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ.

р. 416

ФУНДАМЕНТАЛЬНОЕ
ОТДЕЛЕНИЕ
СЕНАТОВСКОЙ
ОБЛАСТНОЙ
БИБЛИОТЕКИ ИМ. Н. В. ГОГОЛЯ
№ 11772

Собственное
отделение
ГОГО
ФУНДАМЕНТАЛЬН
отделение

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ИЗДАНИЕ В. И. ГУБИНСКАГО.
1906.

862

Дорогой и вѣчно оцѣняемой мною памяти той, которая была вдохновительницею и частью авторомъ всего, что есть наиболѣе цѣннаго въ моихъ литературныхъ трудахъ; другу моему и жемчугу, высокое понятіе которой объ истинѣ и справедливости служило мнѣ наиболѣе сильнымъ поощреніемъ въ этихъ трудахъ и одобреніе которой было для меня высшею наградою—я посвящаю это сочиненіе. Какъ и все то, что было мною написано въ теченіе многихъ лѣтъ, такъ и этотъ трудъ настолько же принадлежитъ ей, какъ и мнѣ, но въ настоящемъ своемъ видѣ онъ является въ свѣтъ уже лишенный неопредѣляемаго преимущества—ея просмотра. Составляя эту книгу, я имѣлъ намѣреніе нѣкоторыя существенныя части ея подвергнуть болѣе тщательной провѣркѣ подъ ея руководствомъ, но намѣренію этому не суждено было осуществиться. Если бы я могъ повѣдать міру хотя бы половину тѣхъ возвышенныхъ мыслей и благородныхъ чувствъ, которыя сокрыты вмѣстѣ съ нею въ ея могилѣ, то я имѣлъ бы право считать, что принесъ больше пользы всему человѣчеству, нежели когда либо могу надѣяться принести тѣмъ, что можетъ еще выйти изъ подъ моего пера уже безъ внушенія и содѣйствія ея несравненной мудрости.

ГЛАВА I.

Введеніе.

Предметомъ предлагаемаго трактата служить не такъ называемая свобода воли, столь неудачно противопоставляемая ошибочно именуемой доктринѣ философской необходимости, а свобода гражданская или социальная, т. е. свойства и предѣлы той власти, силою которой общество полноправно управляетъ отдѣльными индивидами. Этотъ вопросъ хотя затрогивался лишь весьма рѣдко и въ общемъ почти не изслѣдованъ, тѣмъ не менѣе, однако, своимъ едва замѣтнымъ участіемъ весьма сильно повліялъ на практическое рѣшеніе спорныхъ вопросовъ нашего времени и по важности своего значенія все болѣе и болѣе становится жизненнымъ вопросомъ будущаго. Вопросъ этотъ не новъ: можно сказать даже, что онъ въ нѣкоторомъ смыслѣ уже съ самыхъ отдаленныхъ временъ посѣялъ несогласія среди людей; но при той степени прогресса, какой достигла въ настоящее время наиболѣе цивилизованная часть общества, этотъ вопросъ представляется уже при иныхъ условіяхъ и требуетъ совершенно особаго и болѣе основательнаго обсуждения.

Борьба свободы съ властью является отличительною чертой той отдаленной отъ насъ эпохи исторіи человечества, съ которой намъ приходится прежде всего знакомиться, въ особенности же исторіи Греціи,

Рима и Англии. Но въ древнія времена борьба велась преимущественно между подданными или, вѣрнѣе, нѣкоторыми классами подданныхъ и правительствомъ. Свобода понималась тогда какъ защита противъ тирании государственныхъ властелиновъ. На властелиновъ смотрѣли (за исключеніемъ нѣкоторыхъ извѣстныхъ правителей Греціи) какъ на людей, занимающихъ, въ силу неизбѣжно сложившихся обстоятельствъ, положеніе враговъ управляемаго ими народа. Власть находилась въ рукахъ одного правителя или въ рукахъ цѣлаго поколѣнія или касты правителей, облеченныхъ властью или въ силу правъ наслѣдія или же въ силу своихъ завоевательныхъ правъ; во всякомъ случаѣ, эти властелины занимали свое положеніе не по волѣ управляемаго ими народа и хотя подданные не отрицали ихъ права на главенство отчасти изъ чувства страха, отчасти изъ нежеланія переменъ, но считали необходимымъ принимать мѣры для защиты себя отъ злоупотребленій этой власти. Власть правителей признавалась необходимою, но вмѣстѣ съ тѣмъ способною возбуждать крайнія опасенія; она признавалась оружіемъ, которое властелины могли по своему желанію употреблять противъ своихъ подчиненныхъ съ не меньшимъ правомъ какъ и противъ вѣншихъ враговъ. Съ цѣлю же защитить слабыхъ членовъ общества отъ всякихъ хищническихъ козней признавалось необходимымъ, чтобы во главѣ обществъ находился одинъ хищникъ, настолько сильный и полновластный, чтобы могъ держать въ страхѣ и повиновеніи всѣхъ остальныхъ хищниковъ. Но такъ какъ и самъ царь этихъ хищниковъ могъ бы оказаться не менѣе ихъ склоннымъ напасть на свое же собственное стадо, то

признавалось необходимымъ держаться постоянно въ оборонительномъ положеніи противъ его страшнаго клюва и его когтей. Поэтому истинные патріоты постоянно стремились ограничить власть властелиновъ надъ своими подданными и это стремленіе къ ограниченію власти они называли свободой. Они пытались добиться этой свободы двумя путями. Во-первыхъ, признаніемъ иѣкоторыхъ неиркосновенныхъ установленій, извѣстныхъ подъ названіемъ политическихъ правъ или льготъ, нарушеніе которыхъ со стороны властителя считалось нарушеніемъ его обязанностей правителя, такъ что въ случаѣ такого нарушенія извѣстное противодѣйствіе ему или всеобщее возстаніе противъ его власти признавалось вполне законными. Второе средство къ ограниченію власти правителей, введенное уже въ позднѣйшія времена, заключалось въ установленіи конституціонныхъ постановленій, которыми требовалось, чтобы выполненіе наиболѣе важныхъ государственныхъ дѣлъ правящею властью могло совершаться не иначе какъ съ согласія общины или какого-либо учрежденія, являвшагося представителемъ интересовъ этой общины. Первому изъ указанныхъ способовъ ограниченія власти должны были болѣе или менѣе подчиниться властители большинства европейскихъ государствъ. Но со вторымъ средствомъ ограниченія власти дѣло обстоитъ иначе и введеніе этого средства или расширеніе предѣловъ его тамъ, гдѣ оно уже было въ извѣстной мѣрѣ установлено, всегда служило главною задачею всѣхъ истинныхъ борниковъ свободы. Пока человечество довольствовалось тѣмъ, чтобы обуздывать покушенія однихъ своихъ враговъ помощью другихъ враговъ и соглашалось быть управляемымъ од-

нимъ властелиномъ при условіи, что оно будетъ болѣе или менѣе ограждено отъ его тираніи, человѣчество и не шло въ своихъ стремленіяхъ дальше этой цѣли.

Наступило, однако, время, когда человѣчество, двигаясь впередъ по пути прогресса, пришло къ сознанію, что нѣтъ никакой необходимости въ томъ, чтобы ихъ властелины обладали независимую властью, интересы которой были бы противоположны интересамъ ихъ подданныхъ. Люди признали болѣе цѣлесообразнымъ, чтобы представители различныхъ государственныхъ учрежденій являлись ихъ уполномоченными или избранниками народа, которые, по его же усмотрѣнію, могли бы быть или же и устранимы. Люди полагали, что единственно только благодаря этому способу управленія государствомъ они могли быть вполне увѣрены въ томъ, что представители власти не будутъ злоупотреблять своею властью въ ущербъ интересамъ народа. Постепенно это вновь возникшее притязаніе имѣть избранныхъ и временныхъ правителей сдѣлалось главною цѣлью, къ которой стремились народныя партіи, гдѣ таковыя существовали, и эта цѣль въ значительной степени заслонила собой прежнія усилія народа ограничить власть правителей. Но мѣръ того, какъ усиливалась борьба за установленіе власти правителей, которые бы избирались періодически управляемымъ народомъ, нѣкоторые члены общества стали склоняться къ мнѣнію, что ограниченію власти правителей придавали раньше слишкомъ много значенія. Ограниченіе это (какъ казалось) могло дѣйствительно служить средствомъ противофѣйствія такимъ правителямъ, интересы которыхъ были противоположны интересамъ народа. При вновь возникшемъ взглядѣ казалось необходимымъ только то, чтобы правители, такъ

сказать, сливался съ народомъ, чтобы интересы и желанія правителей были-бы тождественны съ интересами и желаніями народа. Народъ при этихъ условіяхъ уже не нуждался въ охранѣ отъ своихъ же избранниковъ. Не было надобности опасаться, что народъ сдѣлается своимъ же собственнымъ притѣснителемъ. Казалось, что если правители будутъ дѣйствительно отвѣтственны передъ народомъ, что если народу будетъ дано право немедля смѣнять правителей, тогда народъ будетъ въ состояніи вѣрять правителямъ такую власть, предѣлы которой будутъ опредѣляться самимъ же народомъ. Въ такомъ случаѣ власть правителей окажется въ сущности властью самого же народа, сосредоточенною въ одномъ лицѣ и облеченною въ форму, наиболѣе пригодную для примѣненія на дѣлѣ. Такое мнѣніе или, можетъ быть правильнѣе, сознаніе преобладало среди позднѣйшаго поколѣнія европейскихъ либераловъ и кажется и до сихъ поръ является преобладающимъ на европейскомъ континентѣ. Тѣ люди, которые допускаютъ ограниченіе власти правительствъ—исключая такія правительства, которымъ, по ихъ мнѣнію, вовсе не слѣдовало бы существовать—являются блестящими исключеніями среди политическихъ мыслителей континента. Подобный взглядъ на это дѣло преобладалъ бы, по всей вѣроятности, въ настоящее время также и въ Англій, если бы оставались въ неизмѣнности условія, которыя въ теченіи нѣкотораго времени благоприятствовали этому воззрѣнію.

Въ политическихъ и философскихъ теоріяхъ, однако, какъ и въ частныхъ дѣлахъ отдѣльныхъ личностей, достигнутый успѣхъ въ извѣстномъ дѣлѣ раскрываетъ иногда такія ошибки или промахи, которыя при неудачѣ оставались бы совершенно скрытыми отъ на-

блюденія. Миѣніе, что народу будто бы иѣтъ надобности ограничивать власть правителей, избранныхъ имъ же самимъ, могло бы считаться неопровержимою истинной только въ то время, когда народное правленіе было недосыгаемой мечтой или пока о немъ читали въ книгахъ какъ о чемъ то, существовавшемъ въ давно уже прошедшіи времена. Этотъ взглядъ не былъ даже окончательно поколебленъ временными уклоненіями, какъ, напр., французской революціей, крайніи мѣры которой исходили отъ небольшого числа узурпаторовъ и произошли не вѣлѣдствіе установившихся народныхъ постановленій, а были лишь внезапной и судорожной вспышкой, направленной противъ монархическаго деспотизма и деспотизма аристократіи. Между тѣмъ демократическая республиканская форма правленія стала уже распространяться въ большей части земнаго шара и проявила себя какъ одна изъ наиболѣе могущественныхъ изъ числа всѣхъ существующихъ въ различныхъ націяхъ формъ правленія. Выборная и ответственная форма правленія стала вмѣстѣ съ тѣмъ предметомъ обсужденій и критики; къ ней стали относиться какъ къ осуществившемуся факту. Тогда пробудилось сознаніе, что такіи выраженія какъ: „Самоуправленіе“ и „Народное самоуправленіе“ не выражаютъ истиннаго положенія дѣла. „Народъ“, на которомъ лежатъ обязанности отправления власти, не всегда составляетъ одно цѣлое съ тѣмъ народомъ, на котораго простирается власть, и что такъ называемое „Самоуправленіе“ не означаетъ права каждаго лица управлять своею собственною личностью, а право каждаго лица управлять всѣми остальными членами общества. Народная воля, кромѣ того, представляетъ собой въ

дѣйствительности только волю болѣе многочисленной или болѣе дѣятельной *части* народа, волю большинства или волю такихъ людей, которымъ удастся заставить признать себя за большинство. Народная власть можетъ, слѣдовательно, быть направлена къ угнетенію известной части своихъ же сочленовъ; поэтому предупредительныя мѣры такъ же точно необходимы противъ власти народа, какъ необходимы и противъ злоупотребленій всякой другой власти. Ограниченіе правительственной власти по отношенію къ единичнымъ личностямъ, слѣдовательно, несколько не утрачиваетъ своего значенія когда власть имущіе, т. е. наиболѣе могущественная партія, несутъ передъ обществомъ определенную отвѣтственность за свои дѣйствія. Подобное воззрѣніе встрѣтило многочисленныхъ приверженцевъ какъ среди мыслителей, такъ и среди тѣхъ вліятельныхъ классовъ европейскаго общества, дѣйствительные или мнимые интересы которыхъ противоположны интересамъ демократіи, и въ политическихъ взглядахъ „тиранія большинства“ относится вообще къ числу такихъ воль, которыхъ общество должно остерегаться.

Было время, когда тиранія большинства, какъ и всякая другая тиранія, возбуждала сильныя опасенія, которыя еще и по сіе время раздѣляются многими не свѣдущими людьми главнымъ образомъ потому, что эта тиранія проявляется черезъ посредство образа дѣйствій государственной власти. Мыслящіе люди замѣтили, однако, что когда само общество, общество въ цѣломъ своемъ составѣ, является тираномъ надъ отдѣльными личностями, изъ которыхъ состоитъ общество, то средства тираніи не ограничиваются только тѣми дѣйствіями, которыя общество можетъ выполнять черезъ

посредство своихъ должностныхъ лицъ. Общество можетъ и само приводить въ исполненіе свои собственныя постановленія и дѣйствительно приводитъ ихъ въ исполненіе, и если оно издастъ, напр., постановленія неправильныя, вмѣсто правильныхъ, или вообще какія либо постановленія по дѣламъ, въ которыя оно вовсе не должно было бы вмѣшиваться, то этимъ оно проявляетъ общественную тиранию, болѣе тяжкую, нежели всякія иныя политическія притѣшенія потому именно, что если она и не влечетъ за собой столь строгія кары, какими сопровождаются послѣднія, тѣмъ не менѣе, однако, предоставляетъ меньше средствъ къ выходу изъ затруднительнаго положенія, несравненно глубже вторгается въ мелкія обстоятельства жизни людей и закабаляетъ даже самую ихъ душу. Поэтому одной охраны отъ тирании правительственныхъ лицъ еще недостаточно; необходима еще защита отъ тирании господствующихъ мнѣній и симпатій, отъ склонности общества, не прибѣгая къ карательнымъ мѣрамъ, свои собственные мнѣнія или свой образъ дѣйствій насильно навязывать тѣмъ людямъ, которые держатся противоположныхъ взглядовъ, отъ склонности общества препятствовать развитію и, если возможно, даже пресѣкать въ самомъ зародышѣ проявленіе всякой индивидуальности, если она идетъ въ разрѣзъ со взглядами и поступками общества, и требовать, чтобы характеры людей вырабатывались согласно желательному для общества образцу. Существуютъ предѣлы, за которые законное вмѣшательство общественнаго мнѣнія въ личную независимость не должно переступать, и установить эти предѣлы и защищать ихъ отъ всякаго посягательства столь же необходимо для поддержанія обще-

ственного благополучія какъ необходима охрана общества отъ политическаго деспотизма.

Хотя это утверженіе едва ли можетъ быть вообще оспариваемо, тѣмъ не менѣе, однако, практической вопросъ о томъ, гдѣ именно должны быть проведены упомянутыя границы—гдѣ именно провести надлежащую грань между свободою личности и общественнымъ контролемъ—является вопросомъ, къ разрѣшенію котораго почти еще вовсе не приступали. Все тѣ условія, которыя дѣлаютъ жизнь наиболѣе цѣнной для человѣка, находятся въ прямой зависимости отъ ограниченія свободы дѣйствій окружающихъ людей. Поэтому должны быть установлены обязательныя для людей особыя жизненныя правила прежде всего черезъ посредство законодательства, а по нѣкоторымъ вопросамъ, которые нельзя подвести подъ законъ, при посредствѣ общественнаго мнѣнія. Въ чемъ именно должны заключаться эти правила, — это составляетъ главный вопросъ человѣческаго благополучія, вопросъ, разрѣшенію котораго, однако, если исключить нѣкоторое весьма ограниченное число отдѣльных случаевъ, всего меньше подвинулось впередъ на пути къ своему разрѣшенію. Едва ли можно указать хотя бы на два столѣтія или на двѣ страны, которыя рѣшали бы этотъ вопросъ въ одинаковомъ смыслѣ, и рѣшеніе, къ которому приходили въ какую либо эпоху и въ какой-либо странѣ, всегда возбуждало удивленіе въ послѣдующихъ эпохахъ и въ другихъ странахъ свѣта. Тѣмъ не менѣе, однако, люди известной страны или известнаго вѣка относятся къ этому вопросу такъ, какъ будто бы для его рѣшенія не представляется никакихъ затрудненій

и какъ будто разрѣшеніе его никогда не служило предметомъ разногласій во мнѣніяхъ людей.

Правила, которыя устанавливаются какой либо одной страной, кажутся людямъ этой страны какъ-бы не подлежащими никакому сомнѣнію или опроверженію по своей очевидности и цѣлесообразности. Эта, почти всеобщая, иллюзія, въ которую впадаетъ человѣчество, можетъ служить примѣромъ волшебной силы привычки, которая есть не только, какъ гласитъ пословица, вторая натура, но постоянно въ людскихъ понятіяхъ даже считается уже самою натурой. Вліяніе привычки при устраненіи какихъ-либо сомнѣній относительно нарушеній общепринятыхъ правилъ обнаруживается тѣмъ сильнѣе, что люди вообще не считаютъ нужнымъ въ данныхъ случаяхъ приводить въ оправданіе себя какія либо доказательства. Люди привыкли полагать и даже какъ-бы встрѣчаютъ подтвержденіе своихъ воззрѣній со стороны нѣкоторыхъ лицъ, мнящихъ себя философами, что при рѣшеніи подобнаго рода вопросовъ чувства играютъ болѣе важную роль, нежели указанія разума, и что эти указанія даже излишни. Практическимъ руководствомъ для установленія жизненныхъ правилъ у людей служитъ въ сущности желаніе, глубоко вкоренившееся въ умахъ людей, чтобы каждый человѣкъ былъ обязанъ поступать такъ, какъ поступаютъ они сами и какъ люди одинаковыхъ съ нимъ убѣжденій, желали бы, чтобы онъ поступалъ въ жизни. Никто не сознаетъ, что мѣриломъ его сужденія служитъ его же собственное желаніе; тѣмъ не менѣе, однако, мнѣніе объ извѣстномъ образѣ дѣйствій, не подкрѣпленное разумными основаніями, есть въ сущности не болѣе какъ пристрастное личное мнѣніе, и если для подтвержденія его указы-

вается въ видѣ доказательства на подобное же пристрастное отношеніе къ извѣстному вопросу другихъ людей, то тогда эти доводы оказываются лишь тоже пристрастнымъ отношеніемъ къ дѣлу уже многихъ людей вмѣсто одного только лица. Для человѣка средняго уровня его собственное мнѣніе является не только вполне удовлетворительнымъ но даже единственнымъ доводомъ, на который онъ можетъ сослаться для подкрѣпленія своихъ убѣжденій и понятій о нравственности, о склонностяхъ, объ обязанностяхъ, не вошедшихъ прямо въ кругъ его религіозныхъ вѣрованій; эти же личные доводы служатъ главными руководителями для него даже и для истолкованія самаго его вѣрованія. Поэтому человѣческія понятія о томъ, что достойно похвалы или заслуживаетъ порицанія существующимъ образомъ обуславливаются тѣми безчисленными обстоятельствами, которыя вліяютъ на требованія, предъявляемая людьми по отношенію поступковъ другихъ людей; требованія эти столь же разнородны какъ и тѣ требованія, которыя могутъ у нихъ зародиться совершенно произвольно и по отношенію ко всякимъ другимъ предметамъ. При этомъ люди руководятся иногда своимъ разсудкомъ, иногда же тутъ играютъ роль ихъ предразсудки или суетвѣрія; часто ихъ общественныя симпатіи и нерѣдко ихъ антипатіи, ихъ зависть или ревность, надменность или презрѣніе, въ большинствѣ же случаевъ ихъ личные требованія или опасенія за личную безопасность, ихъ справедливыя или несправедливыя стремленія къ соблюденію собственной выгоды. Тамъ, гдѣ существуетъ главенствующій классъ людей, правила нравственности страны вырабатываются по большей части согласно интере-

самъ именно этого класса общества. Понятія о нравственности среди сартанцевъ и плотовъ, среди плантаторовъ и негровъ, среди владѣтельныхъ князей и подданныхъ, среди дворянъ и людей низшаго класса, среди мужчинъ и женщинъ въ большинствѣ случаевъ созидались на основаніи этихъ же интересовъ и влеченій главенствующихъ классовъ общества; этими же чувствами, возникшими подъ вліяніемъ этого класса общества, при ихъ обратномъ дѣйствіи на нравственные чувства членовъ вышнихъ классовъ общества руководствуются въ своихъ взаимныхъ отношеніяхъ и представители вышшаго круга общества. Съ другой же стороны опять-таки, тамъ, гдѣ выдающійся классъ общества утратилъ свое преимущество, или тамъ, гдѣ этотъ классъ не пользуется популярностью, преобладающія нравственные чувства общества часто носятъ характеръ враждебной нетерпимости ко всякаго рода превосходству. Другимъ важнымъ рѣшающимъ двигателемъ общественныхъ правилъ какъ равно по отношенію дѣйствій людей, такъ и ихъ уклоненій отъ дѣйствій, предписываемыхъ имъ закономъ или общественнымъ мнѣніемъ, является раболѣзство людей передъ увлеченіями или антипатіями ихъ временныхъ властителей или идоловъ. Это раболѣзство хотя и неходитъ изъ чувства эгоизма, но оно не лицемерно. Оно способно порождать чувства ненормальнаго и крайняго ожесточенія; движимые этимъ чувствомъ, люди жгли на кострахъ колдуновъ и еретиковъ. Среди столь многихъ низменныхъ вліяній общераспространенные и явные интересы общества, само собою разумѣется, всегда играли значительную роль въ направленіи нравственныхъ чувствъ общества, основываясь при этомъ, од-

нако, не столько на указаніяхъ разума или на нача-
лахъ самой нравственности, сколько на тѣхъ симпа-
тіяхъ или антипатіяхъ, которыя они порождали—сима-
патіяхъ и антипатіяхъ, которыя хотя и имѣли мало
общаго или вовсе ничего общаго не имѣли съ инте-
ресами общества, тѣмъ не менѣе, однако, необычайно
сильно повліяли на установленіе нравственныхъ зако-
новъ общества.

Такимъ образомъ оказывается, что симпатіи и ан-
типатіи всего общества или какой либо преобладающей
части его являютя главнымъ стимуломъ, который пра-
ктически опредѣлилъ предначертанныя для всеобщаго
соблюденія правила общественной нравственности, на-
рушеніе которыхъ влекло за собою кары закона или
общественнаго мнѣнія. Вообще люди, стоявшіе выше
общаго уровня по своему уметственному развитію и ду-
шевнымъ качествамъ, въ принципѣ подчинялись такому
порядку общественнаго строя, хотя въ частныхъ слу-
чаяхъ не считали себя обязанными подчиняться ему.
Они занимались гораздо болѣе изслѣдованіемъ вопроса
о томъ, къ чему болѣе должны быть направлены
склонности или нерасположенія общества, нежели раз-
рѣшеніемъ вопроса о томъ, должны ли эти склонности
или нерасположенія служить закономъ для каждой от-
дѣльной личности. Они предпочитали стремиться къ
тому, чтобы отклонять симпатіи челоувѣчества отъ тѣхъ
вопросовъ, къ которымъ лично они сами относились
еретически, нежели проповѣдывать свободу выраженія
еретическихъ мнѣній наравнѣ съ другими мнѣніями.
Единственные исключительные случаи, когда нѣко-
торые люди въ разныя эпохи и въ разныхъ странахъ
свѣта въ силу принципа выдвигались впередъ надъ

17

№ 1 17
ОБЩЕСТВЕННАЯ ПЕЧАТНИЦА
СЕМПАЛАТИНСКОЙ
ОБЛАСТНОЙ
БИБЛИОТЕКИ И ЧТЕНИЯ

общимъ уровнемъ и вполнѣ послѣдовательно и упорно отстаивали свои убѣжденія, относятся къ вопросамъ религіи и вѣры. Этотъ случай весьма поучителенъ во многихъ отношеніяхъ, въ особенности же въ томъ отношеніи, что представляетъ собой разительный примѣръ шаткости такъ называемой нравственности, является весьма яркимъ опроверженіемъ непогрѣшимости этого же, такъ называемаго высоконравственнаго чувства, такъ какъ *odium theologicum* у искренно-убѣжденныхъ религіозныхъ фанатиковъ служить весьма недвусмысленнымъ подтвержденіемъ этого факта. Тѣ люди, которые первые освободились отъ ига церкви, именующей себя „всемирной“ (католической), были вообще столь же мало, какъ и сама эта церковь, склонны допускать какое либо уклоненіе въ религіозныхъ убѣжденіяхъ. Когда же ожесточенность борьбы нѣсколько поутихла, не предоставивъ побѣды ни одной изъ борющихся сторонъ, и каждая отдѣльная церковь или секта должна была ограничиться единственно только упованіями на то, чтобы удержать за собою отвоеванную ими почву, то меньшинство борющихся, сознавая свое безсиліе одержать верхъ надъ большинствомъ, оказалось вынужденнымъ заботиться лишь только о томъ, чтобы тѣ, которыхъ имъ не удалось склонить на свою сторону, проявляли по отношенію терпимость къ ихъ отступнической вѣрѣ. Слѣдовательно, права единичныхъ личностей по отношенію къ обществу были возведены въ принципъ на болѣе или менѣе широкихъ основаніяхъ почти единственно только на религіозной почвѣ; право же общества преслѣдовать людей за разногласія въ вѣрованіяхъ было открыто опровергнуто. Великіе писатели, которымъ свѣтъ обязанъ всею тою религіоз-

ной свободой, которую онъ обладаетъ, всегда предъявляли право на неприкосновенность свободы совѣсти и рѣшительно отрицали, чтобы люди были обязаны отдавать кому либо отчетъ въ своихъ религіозныхъ убѣжденіяхъ. Однако, человѣку столь свойственно чувство нетерпимости ко всему, въ особенности же къ тому что всего ближе его касается, что права людей на свободу вѣрованія почти нигдѣ не установились надѣль, за исключеніемъ лишь тѣхъ государствъ, гдѣ люди, равнодушные къ вопросамъ религіи, не желавшіе, чтобы ихъ спокойствіе было нарушено богословскими распрями, этимъ самымъ содѣйствовали преусиѣнію этихъ правъ. Всѣ религіозные люди даже въ странахъ, отличающихся наибольшей вѣротерпимостью, признають обязательной свободу вѣроисповѣданія лишь съ извѣстными условными ограниченіями. Одни склонны терпѣть различіе во взглядахъ относительно церковныхъ обрядовъ, но не допускають подобнаго снисхоженія по отношенію догматическихъ вопросовъ; другіе соглашаются терпѣть всѣхъ иновѣрцевъ, но только не папистовъ или унитаріанцевъ; третьи благосклонно относятся къ каждому, который вѣруетъ въ Откровеніе; нѣкоторые, наконецъ, распространяють свою любовь къ ближнему еще шире и относятся благосклонно ко всякому, при условіи лишь, чтобы онъ вѣровалъ въ Бога и загробную жизнь. Однимъ словомъ, повеюду гдѣ только преобладаетъ среди людей искреннее и сильное религіозное чувство, тамъ оно и до сихъ поръ также настоятельно, какъ и въ былое время, предъявляетъ свои права на господствованіе надъ людьми.

Въ Англіи, влѣдствіе особыхъ условій государственнаго развитія, нго общественнаго мнѣнія гораздо болѣе

ощутительно, что же законодательства менѣе тягостно, нежели въ большинствѣ другихъ европейскихъ странъ. Въ Англіи наблюдается сильная неприязнь противъ всякаго рода прямого вмѣшательства закона или администраціи въ частную жизнь человѣка; эта неприязнь возникла не столько влѣдствіе должнаго уваженія къ неприкосновенности свободы личности, сколько отъ неискоренившейся еще до сихъ поръ отъ старыхъ временъ привычки считать правительство всегда враждебнымъ интересамъ общества. Большинство еще не прониклось сознаніемъ, что власть правительства представляетъ собою власть этого же большинства и что мнѣнія правительства представляютъ собою вмѣстѣ съ тѣмъ и мнѣнія представителей общества. Когда люди придутъ къ такому сознанію, тогда, какъ надо полагать, правительство будетъ столь же часто посягать на личную свободу человѣка, какъ теперь на эту свободу посягаетъ общественное мнѣніе. До настоящаго же времени всякія попытки со стороны закона подчинить отдѣльныя личности своей опека въ дѣлахъ, которыя раньше вове не подвергались такому контролю, всегда встрѣчаютъ сильное сопротивленіе со стороны каждаго гражданина и это сопротивленіе проявляется даже независимо отъ того, подлежитъ ли извѣстное дѣло сферѣ контроля закона или нѣтъ; это сопротивленіе власти, въ общемъ весьма благотворное, въ отдѣльныхъ случаяхъ, однако, примѣняется часто по основательной причинѣ какъ и совершенно безъ всякаго основанія. Собственно говоря, такого общепризнаннаго принципа, которымъ оправдывалось бы или отрицалось право вмѣшательства правительства, въ дѣйствительности не существуетъ. Люди въ этомъ случаѣ обыкновенно су-

дять по ихъ собственному личному влеченію. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, когда предстоитъ совершить какое либо дѣло благотворительности или предотвратить какое либо зло, многіе охотно предоставляютъ это дѣло вѣдѣнію правительства; другіе же, опять, предпочитаютъ терпѣть всякіе соціальныя недуги, лишь бы только оградить себя отъ излишняго вмѣшательства правительства въ какія либо отрасли общественныхъ интересовъ. Въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ люди становятся на ту или иную сторону, руководствуясь при этомъ общимъ направленіемъ ихъ личнаго сочувствія или смотря по тому, въ какомъ именно дѣлѣ было бы желательно для нихъ вмѣшательство правительства, или же, наконецъ, смотря по тому, насколько они надѣются на то, что правительство поступитъ согласно ихъ образу и духу мыслей. Лишь весьма рѣдко люди становятся въ этихъ случаяхъ на одну какую либо сторону въ силу опредѣленнаго, установившагося взгляда на то, что именно должно быть предоставлено вѣдѣнію правительства и что—нѣтъ. И мнѣ кажется, что вслѣдствіе подобнаго отечетствія у людей какого либо опредѣленнаго правила или какого либо принципа, которыми бы они руководствовались, весьма часто одна изъ сторонъ бываетъ столь же неправа, какъ и другая сторона. Ко вмѣшательству правительства почти также часто обращаются безъ должнаго основанія, какъ неосновательно отвергають это вмѣшательство тогда, когда оно было бы дѣйствительно весьма желательно.

Цѣль этого трактата состоитъ въ томъ, чтобы содѣйствовать установленію того простаго принципа, на которомъ должно безусловно основываться приведеніе въ дѣйствіе мѣръ ограниченія и контроля общества.

надъ отдѣльными личностями независимо отъ того, будутъ ли къ нимъ примѣняться мѣры физической власти въ видѣ административныхъ преслѣдованій или въ данномъ случаѣ отдѣльныя личности будутъ подвергаться нравственной карѣ по приговору общественнаго мнѣнiя. Принципъ этотъ состоитъ въ слѣдующемъ: единственная цѣль, ради которой человечество, единолично или сообща, имѣетъ право вмѣшиваться въ свободу дѣйствиiи своего же сочлена, есть самозащита; единственная причина, въ силу которой можетъ быть проявлена власть противъ какого либо представителя цивилизованнаго общества вопреки его воли, заключается въ томъ, чтобы этимъ насиліемъ предупредить причиненіе вреда другому лицу. Его собственное физическое или нравственное благо въ этомъ случаѣ не представляется достаточно основательною причиною для вмѣшательства въ его дѣйствиiя. Нельзя приневоливать человѣка къ тому, чтобы онъ поступалъ извѣстнымъ образомъ, или къ тому, чтобы онъ воздержался отъ извѣстнаго дѣйствиiя, основываясь только на томъ, что, по мнѣнiю другихъ, такой образъ его поведенiя будетъ разумнѣе или справедливѣе, или на томъ, что, поступи такъ или иначе, человѣкъ будетъ способствовать своему же благу или способствовать своему счастью. Вышеизложенныя причины дѣйствительно совершенно основательны для того, чтобы дѣйствовать на него путемъ увѣщеванiя, убѣжденiя, уговариванiя или упрощиванiя его, но никоимъ образомъ не путемъ принужденiя; тѣмъ менѣе въ подобныхъ случаяхъ должно подвергать его какому либо наказанiю или причинять ему вредъ въ томъ случаѣ, если онъ поступитъ по своему усмотрѣнiю. Наказанiя въ подобномъ случаѣ могли бы быть

оправдываемы только тогда, когда извѣстные поступки чловѣка, отъ которыхъ хотять его предотвратить, были бы явно разечитаны на то, чтобы нанести вредъ другому лицу. Чловѣкъ отвѣтственъ за свои поступки передъ обществомъ единственно лишь постолько, поскольку образъ его дѣйствій касается другихъ лицъ. До тѣхъ же поръ, пока образъ дѣйствій чловѣка касается только лично самого его, свобода его дѣйствій должна по закону считаться неограниченною. Чловѣкъ есть неограниченный властелинъ надъ самимъ собой, надъ своимъ тѣломъ и своею душой.

Едвали необходимо присовокуплять, что все вышесказанное относится лишь къ людямъ, обладающимъ вполне зрѣлыми душевными способностями. Мы говоримъ не о дѣтяхъ или молодыхъ людяхъ, которые не достигли того возраста, который установленъ закономъ для совершеннолѣтнихъ. Тѣ же, которые находятся еще въ такомъ возрастѣ, когда приходится другимъ заботиться объ нихъ, должны быть такъ же бдительно охраняемы отъ своихъ собственныхъ поступковъ, какъ охраняють ихъ отъ вишнихъ золь. По той же самой причинѣ изъ общаго правила исключаются тѣ отсталыя по своему развитію общества людей, когда народъ какъ бы переживаетъ еще періоды несовершеннолѣтія. Первоначальные шаги такого народа на пути самостоятельнаго прогресса всегда сталкиваются съ такими тормазами, что для преодоленія ихъ приходится прибѣгать къ крайнимъ средствамъ; поэтому рвеніе правителей, стремящихся къ просвѣщенію подобнаго народа можетъ быть оправдываемо даже и въ такомъ случаѣ, если оно ради достиженія своей цѣли прибѣгаетъ къ крайнимъ средствамъ, лишь бы они оказались дѣйствитель-

ными. Деспотизмъ является совершенно законнымъ образомъ правленія надъ варварскимъ народомъ въ томъ случаѣ, когда дѣло касается распространенія просвѣщенія среди этого народа и въ такомъ случаѣ мѣры оправдываются дѣйствительно достигнутою цѣлью. Въ принципѣ свобода не можетъ быть примѣнена тамъ, гдѣ человѣчество еще настолько недозрѣло, что не способно къ саморазвитію путемъ свободнаго и единодушнаго сознанія его блага. До тѣхъ же поръ человѣчеству приходится только безусловно подчиняться какому либо Акбару или Карлу Великому, если ему посчастливится пріобрѣсти себѣ подобныхъ властелиновъ. Лишь только человѣчество, однако, достигаетъ такой степени развитія, когда становится способнымъ къ саморазвитію путемъ ли собственаго сознанія или убѣжденій (періодъ, котораго уже давно достигли всѣ народы, которые имѣются здѣсь въ виду), то всякое принужденіе, непосредственное ли или въ формѣ кары или наказанія за противодѣйствіе, не можетъ быть оправдываемо хотя бы даже какъ средство для собственаго блага народа, а оправдывается единственно какъ средство для охраненія безопасности другихъ лицъ.

Здѣсь будетъ умѣстно замѣтить, что я преднамѣренно избѣгаю приводить какія-либо доказательства въ пользу тѣхъ доводовъ, какіе могли бы быть замѣтованы мною изъ отвлеченнаго понятія о правѣ, независимо отъ понятія о пользѣ. Лично я считаю, что забота о пользѣ для человѣчества можетъ служить мѣриломъ при рѣшеніи всѣхъ вопросовъ этики, но я разумѣю здѣсь пользу въ самомъ широкомъ смыслѣ, основанную на продолжительномъ благополучіи человѣка

какъ существа, способнаго къ дальнѣйшему развитію. Попытки къ достиженію этого блага, какъ и полагаю, волюнтаріи оправдываютъ подчиненіе личной воли человѣка постороннему контролю по отношенію тѣхъ его поступковъ, которые затрогиваютъ интересы другихъ лицъ. Если кто-либо совершаетъ дѣяніе, причиняющее вредъ другимъ, то а prima facie подлежитъ или наказанію черезъ посредство закона или же, въ тѣхъ случаяхъ когда наказаніе по закону оказывается непримѣнимымъ, черезъ посредство общественнаго осужденія даннаго поступка. Существуетъ извѣстный рядъ положительныхъ дѣйствій, клонящихся къ пользѣ другихъ, къ которымъ люди могутъ быть съ полнымъ правомъ принуждаемы закономъ, какъ, напр., подача свидѣтельскихъ показаній на судѣ, принятіе участія въ общей защитѣ страны или другія дѣла, относящіяся къ благу общества, подъ охраной котораго онъ самъ находится; наконецъ, принятіе на себя извѣстной доли участія въ оказаніи благодѣяній, какъ, напр., при спасеніи жизни своего ближняго или заступничество за беззащитнаго человѣка отъ причиняемыхъ ему какихъ-либо притѣсеній—все это суть дѣянія, исполненіе которыхъ составляетъ прямую обязанность человѣка и за неисполненіе которыхъ власти вправе сдѣлать его ответственнымъ передъ обществомъ. Нанести вредъ своему ближнему можно не только своими дѣйствіями, но и бездѣйствіемъ, когда во власти человѣка принести пользу другому, и какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ человѣкъ долженъ быть по справедливости ответвенъ за причиненный своему ближнему вредъ. Само собой разумѣется, что случаи втораго рода требуютъ гораздо болѣе осмотрительности при примѣненіи принудительныхъ мѣръ, не-

жели случаи перваго рода. Дѣлать человека отвѣтственнымъ за вредъ, причиненный другимъ—есть правило; сдѣлать же его отвѣтственнымъ за то, что онъ не предупредилъ вреда, отъ котораго могли пострадать его ближніе, это есть, говоря сравнительно, исключеніе изъ правила. Существуетъ, однако, много такихъ случаевъ, достаточно очевидныхъ и вѣскихъ по своимъ послѣдствіямъ, которые вполне оправдываютъ примѣненіе этого исключенія. Во всѣхъ дѣлахъ, касающихся внѣшнихъ отношеній отдѣльнаго лица, люди *de jure* должны быть отвѣтственны передъ тѣми лицами, интересы которыхъ они затрогиваютъ, и въ случаѣ необходимости—отвѣтственны и передъ обществомъ, какъ передъ защитникомъ этихъ интересовъ. Часто могутъ оказатся вѣскія основанія къ тому, чтобы не возлагать на людей подобной отвѣтственности, но эти основанія должны вытекать изъ особой цѣлесообразности данного случая; если, напр., дѣло касается случая, въ которомъ есть вѣроятіе предполагать, что отдѣльныя личности, будучи предоставлены своей волѣ, поступятъ болѣе цѣлесообразно, нежели чѣмъ тогда, когда онѣ будутъ находиться подъ какимъ бы то ни было контролемъ общества; или же въ тѣхъ случаяхъ, когда попытка контроля надъ отдѣльными личностями можетъ повлечь за собою худшее зло, нежели то, которое хотятъ предупредить. Если существованіе такихъ основательныхъ причинъ исключаетъ необходимость примѣненія принудительныхъ мѣръ относительно отвѣтственности отдѣльныхъ личностей, тогда сознаніе долга должно заступить у нихъ мѣсто судьи въ дѣлахъ, касающихся ихъ отвѣтственности передъ людьми, и побудить этихъ лицъ къ охранѣ тѣхъ интересовъ другихъ членовъ общества, которые лишены

иной виѣшней защиты, причѣмъ эти лица обязаны тѣмъ строже относиться къ самосуду надъ своими поступками, что упомянутые случаи суть именно случаи такого рода, которые не допускаютъ вмѣшательство и не подлежатъ суду общества.

Существуетъ, однако, такая сфера человѣческой дѣятельности, которая вовсе не касается интересовъ общества или же касается ихъ лишь только косвеннымъ образомъ, разумѣя въ этомъ случаѣ общество какъ нѣчто отличное отъ индивидовъ. Эта область обнимаетъ собой все тѣ стороны жизни и дѣятельности людей, которыя касаются или только ихъ собственной личности или если и касаются другихъ людей, то безъ всякаго виѣшняго принужденія, на основаніи доброй ихъ воли, съ ихъ сознательнаго согласія и при ихъ непосредственномъ участіи. Когда я говорю: касаются „только его собственной личности“, то разумѣю главнымъ образомъ непосредственно его личность и такъ какъ то, что касается его самого, можетъ черезъ него касаться и другихъ, то и возраженія, которыя могутъ быть предъявлены на основаніи этого осложненія вопроса, будутъ еще разсмотрѣны мною при дальнѣйшемъ изложеніи моихъ воззрѣній на трактуемый предметъ. Слѣдовательно, область индивидуальной свободы ограничивается человѣческою личностью. Эта область обнимаетъ, во-первыхъ, всю внутреннюю сферу сознанія человѣка, требуетъ свободы совѣсти въ самомъ обширномъ значеніи этого слова, свободы мысли и чувства, безусловной свободы мнѣній и симпатій относительно всѣхъ вопросовъ практическихъ и умозрительныхъ или относящихся къ области религіи. Свобода выражать свои мнѣнія и обнародовывать ихъ подпадаетъ, какъ съ перваго

взгляда это может показаться, подъ иной принципъ, такъ какъ принадлежитъ къ той области поступковъ чело-вѣка, которая касается другихъ людей; но такъ какъ она представляетъ для индивида почти такое же важное значеніе какъ и свобода мысли и во многомъ въ своихъ основахъ совершенно тождественна съ нею, то и въ дѣйствительности неразрывно съ нею связана. Во вторыхъ, этотъ принципъ личной свободы предпо-лагаетъ свободу личныхъ наклонностей и занятій, пред-полагаетъ свободу образа жизни, согласующагося съ личными требованіями характера того или иного лица, свободу поступать такъ, какъ мы сами желаемъ, какія бы отъ того ни произошли послѣдствія для насъ; сво-боду дѣйствовать, не встрѣчая никакихъ къ тому пре-пятствій со стороны нашихъ ближнихъ, пока мы не причиняемъ имъ вреда, не смотря на то, считаютъ ли они наши поступки безразсудными, ошибочными или неправильными.

Ни одно общество, въ которомъ вышеназванныя основныя права каждаго чело-вѣка не уважаются, не можетъ считаться вполне свободнымъ, кака-я бы ни существовала у него форма правленія; сверхъ того, ни одно общество не можетъ считаться вполне свобод-нымъ, если въ немъ эти права чело-вѣческой свободы не признаются безусловно и безъ всякаго ограниченія. Единственная свобода, которая достойна этого названія, это—та свобода, при которой мы имѣемъ возможность домогаться своего собственнаго блага, слѣдуя по тому пути, который мы сами себѣ избираемъ, при томъ, однако, условіи, что мы не лишаемъ своихъ ближнихъ возможности достиженія той же цѣли или не препятствуемъ имъ въ ихъ стремленіи къ пріобрѣтенію тѣхъ

же благъ. Каждый человекъ долженъ быть своимъ собственнымъ охранителемъ своего собственного здоровья, своего тѣлеснаго, умственнаго или нравственнаго благосостоянія. Человѣчество выиграетъ гораздо больше, если оно предоставитъ каждому свободу жить по собственному его разумѣнію, нежели если будетъ принуждать каждаго жить по разумѣнію другихъ.

Хотя это основное правило далеко не ново и можетъ показаться избитою истиной, тѣмъ не менѣе, однако, едва ли найдетея другое какое-либо ученіе, которое бы болѣе рѣшительнымъ образомъ шло въ разрѣзъ съ общимъ направленіемъ общественнаго мнѣнія и въ дѣйствительной жизни, нежели эта доктрина. Общество употребило не меньше усилій на попытки согласнаго его разумѣнію подчинить отдѣльныхъ личностей его собственнымъ понятіямъ о нравственномъ совершенствѣ, нежели оно потратило съ тою же цѣлью на поднятіе уровня всего общественнаго строя. Древнія республики считали себя вправе устанавливать подробныя правила, касающіяся частной жизни своихъ гражданъ, основываясь на томъ, что государства сильно заинтересованы какъ въ физическомъ, такъ и въ умственномъ воспитаніи каждаго изъ своихъ гражданъ; такого же мнѣнія придерживались и древніе философы. Подобное вмѣшательство отчасти объясняется условіями, въ какихъ находились маленькія, окруженныя со всѣхъ сторонъ врагами республики, которымъ постоянно угрожала опасность погибнуть отъ набѣговъ вѣншнаго врага или отъ внутреннихъ смутъ и для которыхъ даже временное ослабленіе силъ и самообладанія могло сдѣлаться столь роковымъ, что этимъ республикамъ не представлялось возможнымъ ждать пока обнаружатся благодѣтельные плоды утвер-

дившейся на прочномъ основаніи свободы. Въ новѣйшія времена, вельдствіе расширившихся размѣровъ государствъ, а главнымъ образомъ вельдствіе отдѣленія духовной власти отъ свѣтской (благодаря чему направленіе дѣлъ, касающихся человѣческой нравственности, перешло къ инымъ лицамъ, независимо отъ тѣхъ, которымъ ввѣрялся надзоръ за свѣтскими дѣлами) было положенъ конецъ такому всестороннему вмѣшательству въ подробности частной жизни отдѣльныхъ личностей. Но зато были предприняты еще болѣе рѣшительныя мѣры къ ограниченію свободы совѣсти, противъ отступленія отъ господствующихъ вѣрованій отдѣльныхъ личностей, нежели даже противъ общественныхъ золь, такъ какъ религія, всегда служившая наиболѣе могущественнымъ рычагомъ для направленія нравственности, почти повсюду была подвластна или честолюбивымъ замысламъ іерархіи, присвоившей себѣ право вмѣшательства въ частную жизнь отдѣльныхъ личностей, или же духу Пуританизма.

Нѣкоторые же изъ новѣйшихъ реформаторовъ, которые вступали въ ожесточенную борьбу противъ религіозныхъ традицій, въ своихъ стремленіяхъ къ признанію духовныхъ правъ человѣческой личности были не менѣе деспотичны въ своихъ требованіяхъ, нежели церковныя власти или сектанты. Это въ особенности относится къ О. Конту, который въ своемъ сочиненіи „*Système de Politique Positive*“ силится водворить (болѣе путемъ нравственныхъ, нежели административныхъ, мѣръ) такую систему деспотизма надъ обществомъ, которая далеко заходитъ за предѣлы политическаго идеала, о какомъ никогда не мечтали самые

строгіе дисциплинаторы изъ числа древнихъ философовъ.

Не только отдѣльные мыслители, но человѣчество вообще все болѣе и болѣе проявляетъ склонность къ чрезмѣрному расширенію власти общества надъ отдѣльными личностями какъ со стороны общественнаго мнѣнія, такъ и со стороны законодательства. А такъ какъ цѣлью всѣхъ совершающихся на свѣтѣ переворотовъ въ существующихъ направленіяхъ всегда служитъ стремленіе къ укрѣпленію общественнаго строя и къ ограниченію власти отдѣльнаго лица, то это ложное стремленіе общества шконмъ образозмъ нельзя считать такимъ зломъ, которое можетъ легко само собою исчезнуть; оно, наоборотъ, становится все болѣе и болѣе опаснымъ. Наклонность людей, какъ правящаго класса общества, такъ и обыкновенныхъ представителей общества во чтобы то ни стало навязывать остальнымъ людямъ ихъ собственыя воззрѣнія и предписывать людямъ въ видѣ жизненнаго правила, къ чему они должны стремиться и чему должны сочувствовать—эта склонность, встрѣчаетъ столь сильную поддержку какъ въ нѣкоторыхъ наиболѣе возвышенныхъ чувствахъ людей, такъ и въ худшихъ свойствахъ человѣческой природы, что если она еще не вполне подчинила своей власти человѣчество, то только развѣ потому, что не обладаетъ достаточными средствами для достиженія своей цѣли.

Но такъ какъ эта деспотическая склонность общества не только не ослабѣваетъ, а скорѣе усиливается въ своемъ проявленіи, то слѣдуетъ ожидать, что если противъ этого пагубнаго порабощенія людей не будетъ

воздвигнута сильная преграда, основанная на нравственныхъ убѣжденіяхъ, то при данныхъ условіяхъ мы должны ожидать, что это порабощеніе будетъ все болѣе распространяться.

Доказательства этого факта будутъ яснѣе всего для насъ, если мы, не входя въ разсмотрѣніе общаго положенія этого вопроса, прежде всего ограничимся изслѣдованіемъ одной изъ отраслей его, въ которой упомянутый здѣсь принципъ, если не всецѣло, то до извѣстной степени, можно считать общепризнаннымъ фактомъ. Отрасль эта — свобода мысли, отъ которой никоимъ образомъ нельзя отдѣлять еродную ей свободу устного и печатнаго слова. Хотя и та и другая свобода входятъ въ кругъ гражданской нравственности въ довольно значительной степени во всѣхъ странахъ, пользующихся религіозной вѣротерпимостью и свободными учрежденіями, тѣмъ не менѣе, однако, какъ политическія, такъ и практическія основы той и другой свободы едва ли достаточно понятны для большинства людей и едва ли должнымъ образомъ оцѣниваются даже самими руководителями общественнаго мнѣнія. При болѣе правильномъ пониманіи этихъ основъ онѣ могли бы быть примѣнены въ значительно болѣе обширной степени и не къ одной отрасли занимающаго насъ предмета, и основательное изслѣдованіе этой части вопроса послужитъ наилучшимъ введеніемъ къ изслѣдованію остальныхъ его частей. Это обстоятельство, поэтому, должно служить мнѣ извиненіемъ передъ тѣми моими читателями, для которыхъ все то, о чемъ я хочу говорить далѣе, не представляетъ чего либо новаго, а также извиненіемъ въ томъ, что я рѣшился прибавить еще одно новое разсужденіе по поводу пред-

мета, который столь часто подвергался обсужденію въ теченіе уже не менѣе трехъ столѣтій.

ГЛАВА II.

О свободѣ мысли и слова.

Должно надѣяться, что уже прошли тѣ времена, когда нужно было защищать „свободу печати“ какъ оборонительное средство противъ деспотизма правительствъ. Мы можемъ признать, что въ наше время совершенно излишне приводить какіе либо доводы въ доказательство того, что ни законодательной, ни административной власти, въ томъ случаѣ, когда интересы ея не согласуются съ интересами народа, не должно быть ввѣряемо право предписывать народу какихъ именно убѣжденій онъ долженъ придерживаться и опредѣлять какія ему ученія и доводы выслушивать дозвоительно, какіе—нѣтъ. Эта сторона вопроса при томъ такъ часто и столь блистательно обсуждалась предшествовавшими мнѣ писателями, что не требуетъ уже здѣсь обстоятельнаго обсужденія. Хотя англійскіе законы о печати въ наши дни (1859) отличаются почти тою же раболѣпною, какъ и законы временъ Тюдоровъ, тѣмъ не менѣе, однако, вридь ли слѣдуетъ опасаться, чтобы они могли быть въ наше время примѣнены на дѣлѣ къ ограниченію свободы рѣчи, иначе какъ развѣ только въ случаѣ наступленія временной паники, когдѣ изъ опасенія народнаго возстанія ми-

нистры или судьи сочтутъ необходимымъ прибѣгнуть къ принятію крайнихъ мѣръ *).

Вообще можно сказать, что конституціонныя правительства, являюся ли они вполне отвѣтственными передъ народомъ или нѣтъ, рѣдко пытаются учреждать контроль надъ свободнымъ выраженіемъ мнѣній, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда ихъ вынуждаетъ прибѣгать къ этой мѣрѣ всеобщая нетерпимость народа. Если предположить, напр., что правительство находится въ полномъ единомысліи съ народомъ и вовсе не склонно проявлять принудительную власть, кромѣ случаевъ, когда оно признаетъ это необходимымъ въ видѣ уступки требованію такъ назыв. гласа народа, то я, тѣмъ не менѣе все-таки отрицаю, что народъ имѣетъ право проявлять власть надъ свободою слова самостоятельно или черезъ посредство своего правительства, такъ какъ подобная власть сама по себѣ противозаконна. Самое лучшее правительство имѣетъ на такое насиліе не больше права, нежели дурное правительство. Это стѣсненіе свободы рѣчи пагубно даже тогда, когда оно примѣняется въ согласіи съ общественнымъ мнѣніемъ

*) Едва я окончилъ писать эти строки, какъ бы въ опроверженіе высказанному, начались преслѣдованія свободы печати (въ 1858 г.). Это неразумное посягательство на свободу гласнаго обещанія не понудило меня, однако, измѣнить хотя бы одно слово изъ написаннаго мной текста и никоимъ образомъ не ослабило моего убѣжденія, что, исключая время паники, для Англіи прошло время преслѣдованія и наказаній людей за политическія пренія. Тѣмъ болѣе я остаюсь при своемъ мнѣніи, что, во первыхъ, эти преслѣдованія свободы были кратковременны, а во вторыхъ, это не было политическое преслѣдованіе въ прямомъ смыслѣ этого слова.

и еще болѣе пагубно, когда примѣняется правительствомъ вопреки общественному мнѣнію. Если бы, напр., все человѣчество, за исключеніемъ только одного лица, придерживалось одного опредѣленнаго убѣжденія, а это одно лицо—противоположнаго, то человѣчество было бы настолько же неправо, если бы заставило замолчать этого одного человѣка, какъ былъ бы неправъ этотъ одинъ человѣкъ, если бы, имѣя на то власть, заставилъ бы замолчать человѣчество. Если бы извѣстное убѣжденіе было личною собственностью, которая имѣла бы цѣнность только для его обладателя и запрещеніе пользоваться имъ причинило бы только частный, личный вредъ, то это запрещеніе отразилось бы лишь на извѣстномъ ограниченномъ числѣ людей; но особыя свойства вреда отъ стѣсненія свободы мнѣній заключаются именно въ томъ, что этимъ стѣсненіемъ какъ бы наносится ущербъ всему человѣческому роду, одинаково, какъ потомству, такъ и настоящему поколѣнію; наносится ущербъ, какъ тѣмъ, которые могли бы примкнуть къ этимъ мнѣніямъ, такъ еще болѣе тѣмъ, которые не раздѣляютъ этихъ мнѣній. Если означенное мнѣніе заключало бы въ себѣ непреложную истину, то черезъ подобное стѣсненіе люди лишаются возможности отличать заблужденіе отъ истины; если же мнѣніе ложно, то люди лишаются не менѣе важнаго преимущества, т. е. болѣе яснаго пониманія и болѣе глубокаго усвоенія истины, пронетекающихъ отъ столкновеній истины съ заблужденіемъ. Необходимо разсматривать эти гипотезы въ отдѣльности, т. к. каждая изъ нихъ обладаетъ соотвѣтствующею особою отраслью доказательности. Мы никогда не можемъ быть увѣрены въ томъ, что мнѣніе, которое мы стараемся подавить, есть непременно

миѣніе ошибочное, ложное; но и даже въ случаѣ полной увѣренности все-таки это подавленіе было бы зломъ. Во первыхъ: миѣніе, которое мы хотимъ насильственно подавить, можетъ быть вполне правильнымъ. Тѣ, которые желаютъ подавить такое миѣніе, само собою разумѣется, утверждаютъ, что оно ложное, но и они, вѣдь, могутъ ошибаться. Они не имѣютъ права рѣшать вопросъ за все человѣчество и отнимать у другихъ средства къ составленію ими своего собственнаго сужденія. Не желать выслуживать миѣніе только потому, что мы сами считаемъ его несомнѣнно ложнымъ, это все равно, что признавать, что наша *собственная* несомнѣнность есть уже *абсолютная* несомнѣнность. Всякое подавленіе какого либо миѣнія предполагаетъ признаніе непогрѣшимости собственнаго миѣнія. Какъ ни кажется просто это доказательство, оно тѣмъ не менѣе несколько не утрачиваетъ отъ этого своего значенія и на немъ вполне возможно основать порицаніе всякаго стѣсненія свободы убѣжденій. Къ несчастью для здраваго смысла, непогрѣшимость человѣчества въ рѣшеніи вопросовъ на практикѣ далеко не имѣетъ того значенія, какой ей постоянно приписываютъ въ теоріи. И хотя каждый человѣкъ въ отдѣльности признаетъ, что онъ непогрѣшимъ, но только очень немногіе люди считаютъ нужнымъ остерегаться своей же собственной погрѣшимости или соглашаются допустить, чтобы какое либо кажущееся имъ вполне безошибочнымъ миѣніе могло бы дѣйствительно оказаться однимъ изъ тѣхъ заблужденій, въ которыя они, по ихъ собственному признанію, легко могутъ сами впасть. Властелины и вообще люди, привыкшіе къ тому, чтобы другіе покорялись ихъ власти, обыкновенно питаютъ подобное безграничное довѣріе

къ своимъ собственнымъ мнѣніямъ обо всѣхъ почти безъ исключенія предметахъ. Люди, поставленные въ болѣе благоприятныя въ этомъ отношеніи условія, которымъ приходится иногда выслушивать возраженія на свои мнѣнія, и люди, сколько нибудь склонные выслушивать возраженія на ихъ мнѣнія, безусловно вѣрятъ въ свою неоспоримую правоту въ данномъ вопросѣ лишь въ такомъ случаѣ, если ихъ мнѣнія раздѣляются окружающими ихъ лицами или тѣми лицами, которымъ они привыкли довѣрять. Такимъ образомъ, люди, не довѣряющіе своему собственному сужденію, предоставляютъ рѣшеніе какого либо вопроса на усмотрѣніе всего „міра“, безусловно довѣряя непогрѣшимости его сужденія обо всемъ. И для каждаго отдѣльнаго человѣка „весь міръ“ означаетъ на самомъ дѣлѣ лишь ту часть людей, съ которой онъ приходитъ въ общеніе: его партію, его секту, его церковь, членовъ его общества; того же человѣка, который идетъ дальше этого и у котораго слово „весь міръ“ означаетъ отечество и современный ему вѣкъ, можно было бы по сравненію съ первымъ назвать либеральнымъ и свободомыслящимъ человѣкомъ. Замѣчательно, что довѣріе человѣка къ подобному собирательному авторитету, каковъ „весь міръ“, ни малѣйшимъ образомъ не колеблется отъ сознанія, что въ другія времена, въ другихъ странахъ, сектахъ, церквахъ, классахъ обществъ и партіяхъ придерживались и придерживаются и нынѣ совершенно противоположныхъ взглядовъ. Онъ слагаетъ на тотъ кругъ свѣта, въ которомъ, вращается, отвѣтственность за правильность тѣхъ взглядовъ, съ которыми находятся въ противорѣчій взгляды людей другихъ круговъ свѣта; и онъ нисколько не смущается тѣмъ, что лишь

простая случайность рѣшаетъ, который изъ этихъ круговъ свѣта будетъ вліять на его убѣжденія и что тѣ же самыя причины, которыя въ Лондонѣ сдѣлали его послѣдователемъ Англиканской вѣры, могли бы въ Пекинѣ обратить его въ послѣдователя Будды или Конфуція. При этомъ, однако, фактъ, что различныя вѣка бываютъ не болѣе непогрѣшимыми, какъ и индивиды, на столь очевиденъ уже самъ по себѣ, что никакія доказательства не могли бы усилить эту очевидность. Въ каждомъ вѣкѣ преобладало множество такихъ убѣжденій, которыя въ послѣдующіе вѣка считались не только ошибочными, но даже безразсудными. Точно также не подлежитъ никакому сомнѣнію, что многія убѣжденія, которыя преобладаютъ въ настоящее время, будутъ въ будущихъ вѣкахъ опровергнуты, подобно тому, какъ многія мнѣнія, которыя когда-то были всеобщими, отвергаются въ наше время. Возраженія, которыя могли бы быть приведены противъ этого аргумента, заключались бы, вѣроятно, приблизительно въ слѣдующемъ: „при воспрещеніи распространенія ложныхъ взглядовъ предъявляется не больше притязаній на непогрѣшимость сужденія, чѣмъ въ другихъ дѣлахъ, которыя рѣшаются общественною властью согласно съ я собственнымъ сужденіемъ и которыя падаютъ на ея ответственную отвѣтственность. Способность разсуждать дана каждому человѣку для того, чтобы онъ пользовался ею. Если люди иногда ошибаются въ своихъ сужденіяхъ, то изъ этого еще не слѣдуетъ заключать, то они не должны пользоваться этою способностью. Напрещая то, что они считаютъ зловреднымъ, люди не присваиваютъ себѣ право на непогрѣшимость, а лишь исполняютъ предстоящую имъ обязанность, не смотря

на возможную погрѣшимость ихъ мнѣній, дѣйствовать согласно ихъ добросовѣстному убѣжденію. Если бы мы рѣшились никогда не поступать по собственнымъ убѣжденіямъ только потому, что таковыя могли бы оказаться ложными, то намъ пришлось бы отказаться отъ всякихъ заботъ о своихъ интересахъ, оставить невыполненными все наши дѣла и все наши обязанности. Возраженіе, которое можетъ оказаться примѣнимымъ къ общему образу нашихъ дѣйствій, не можетъ послужить удовлетворительнымъ возраженіемъ противъ какого либо одного образа дѣйствій. Какъ правительство, такъ и каждый отдѣльный человекъ обязаны выработать для себя возможно правильныя сужденія, выработать ихъ тщательно и не настаивать на томъ, чтобы другіе подчинялись имъ, если сами не убѣждены въ правильности этихъ сужденій. Но если они будутъ убѣждены въ ихъ правильности (могутъ возразить), то можно считать не исполненіемъ долга, а скорѣе малодушіемъ, если правительство и отдѣльныя личности будутъ опасаться дѣйствовать согласно своимъ убѣжденіямъ и допустить безпрятетвенное распространеніе ученій, которыя они по совѣсти считают пагубными для блага человечества и не будутъ препятствовать этому распространенію только на томъ основаніи, что въ менѣе просвѣщенные эпохи преслѣдовали мнѣнія, которыя въ наше время признаются истинными.

„Предоставьте намъ право (могутъ сказать) озаботиться о томъ, чтобы мы не впали въ такую же ошибку. Правительства и народы дѣлали промахи въ дѣлахъ, рѣшеніе которыхъ безпрятетвенно предоставлялось ихъ власти: они устанавливали тяжкіе налоги, вели несправедливыя войны. Неужели же на этомъ основаніи не

слѣдуетъ вовсе устанавливать налоговъ или, вопреки всякимъ вызовамъ, не вести больше войнъ? Люди и правительства должны дѣйствовать такъ, какъ они по совѣсти и по крайнему своему разумнiю считаютъ за лучшее. Абсолютной достовѣрности не существуетъ, но есть известная увѣренность въ правоту, которой вполнѣ достаточно для цѣлей человѣческой жизни. Мы имѣемъ право и должны считать наши мнѣнiя правильными, чтобы руководиться ими въ нашихъ поступкахъ, и дальше этого мы не идемъ въ своихъ притязанiяхъ въ тѣхъ случаяхъ, когда мы пренятствуемъ злонамѣреннымъ людямъ развращать общество распространенiемъ такихъ мнѣнiй, которыя мы признаемъ ошибочными и вредными“. Я же отвѣчу на вышеприведенное, что въ этихъ выраженiяхъ предъявляются притязанiя на иѣчто значительно болѣе серьезное. Большая разница въ томъ, считаемъ ли мы наше мнѣнiе правильнымъ потому, что оно, хотя бы легко могло быть опровергнуто, никакъ не оспаривается, или же мы придерживаемся известнаго мнѣнiя, не допуская на него никакого возраженiя. Полная свобода опровергать и оспаривать наше мнѣнiе является единственнымъ условiемъ, которое оправдываетъ признанiе нами правильности нашего мнѣнiя съ цѣлью примѣненiя его къ нашему образу дѣйствiя и ни при какихъ другихъ условiяхъ человѣкъ, одаренный всеми своими способностями, не можетъ быть увѣреннымъ, что его мнѣнiя правильны.

Когда мы прослѣдимъ исторiю проявленiя различныхъ мнѣнiй или обычныхъ поступковъ людей въ жизни, то невольно является вопросъ, чему приписать то, что мнѣнiя людскiя и ихъ поступки не хуже, чѣмъ они суть на самомъ дѣлѣ? Разумѣется, не

врожденной силѣ человеческого разума. Такъ какъ если собрать мнѣнія о любомъ предметѣ, если только онъ не является самъ по себѣ очевиднымъ, то окажется, что на одного человѣка, который способенъ судить о немъ правильно, приходится девяносто девять человѣкъ, которые этого сдѣлать не въ состояніи; причемъ способность этого одного изъ ста будетъ имѣть лишь сравнительное значеніе, такъ какъ большинство выдающихся по своему уму людей каждаго предшествовавшаго поколѣнія придерживалось многихъ такихъ убѣжденій, которыя въ наше время считаются ошибочными, и дѣлали или оправдывали то, чего въ наши дни никто не могъ бы оправдывать. Чѣмъ же, поэтому, объясняется тотъ фактъ, что въ общемъ въ человѣчествѣ наблюдается перевѣсъ на сторонѣ благо-разумныхъ мнѣній и разумныхъ дѣйствій? И если такой перевѣсъ дѣйствительно существуетъ—что необходимо должно во всякомъ случаѣ допустить, такъ какъ иначе нужно было бы допустить и то, что чело-вѣчество всегда находилось и находится въ настоящее время почти въ безнадежномъ состояніи,—то этимъ мы обязаны только тому благодѣтельному свойству чело-вѣческаго разума, которое служитъ источникомъ всего, что есть наиболѣе достойнаго въ человѣкѣ, какъ существа разумнаго и нравственнаго, то есть свойству сознавать и исправлять свои заблужденія. Человѣкъ способенъ исправить свои заблужденія путемъ обсужденія и опыта; но одного только опыта еще не достаточно; необходимо еще обсужденіе съ цѣлью уяснить, какъ должны быть истолкованы результаты опыта. Ошибочныя мнѣнія и дѣйствія постепенно отступаютъ передъ фактомъ и доказательствами; но фактъ и доказа-

тельства должны быть предъявлены уму, чтобы произвести какое либо влияние на него. Весьма немногих таких фактовъ, которые уже сами по себѣ, даже безъ истолкованія ихъ значенія, уясняютъ дѣло. Поэтому если вся сила и вся цѣнность человѣческаго сужденія зависить только отъ одного того условія, что это сужденіе можетъ быть исправлено, если окажется ошибочнымъ, то обличь довѣремъ это сужденіе можно лишь тогда, когда средства для исправленія его будутъ всегда находиться подъ рукой. Если взять для примѣра чловѣка, сужденіе котораго дѣйствительно внушаетъ полное довѣріе, то спрашивается, какимъ образомъ его сужденіе стало именно таковымъ. Потому, что онъ подвергалъ свои мнѣнія и свой образъ дѣйствій критикѣ своего разума; потому, что онъ старался прислушиваться ко всему, что могли ему возражать, старался извлекать изъ этого пользу для себя, если находилъ эти возраженія справедливыми, и уяснялъ самъ себѣ, а при случаѣ и постороннимъ людямъ, то, что казалось ему ошибочнымъ въ его мнѣніяхъ. Потому, что онъ сознавалъ, что единственный путь, слѣдуя которому, чловѣкъ можетъ дойти до полнѣйшаго пониманія какого либо предмета, состоитъ въ томъ, чтобы выслушивать все, что имѣютъ сказать въ данномъ случаѣ люди, придерживающіеся самыхъ противоположныхъ мнѣній, стараясь при этомъ изучать дѣло со всевозможныхъ точекъ зрѣнія людей самыхъ различныхъ мнѣній. Всякій мудрый чловѣкъ могъ только исключительно этимъ путемъ пріобрѣсти мудрость, и по самому свойству чловѣческаго ума чловѣку невозможно достигъ мудрости какимъ либо инымъ путемъ. Привычка постоянно исправлять и

совершенствовать свои сужденія, сравнивая ихъ съ мнѣніями другихъ людей, не только не порождаетъ въ человѣкѣ сомнѣнія или колебательности при примѣненіи своихъ мнѣній на дѣлѣ, но, наоборотъ, служитъ единственной прочной основой для выработки справедливаго довѣрія къ правильности его мнѣній. Такъ какъ только тотъ человѣкъ, который хорошо осведомленъ обо всемъ томъ, что можно было бы привести въ видѣ опроверженія его мнѣній, который сталъ на твердую почву для отраженія своихъ противниковъ, человѣкъ, сознающій, что онъ скорѣе прямо шелъ на встрѣчу возраженіямъ и затрудненіямъ, а не избѣгалъ ихъ, что онъ некалъ выхода къ свѣту, съ какой бы стороны этотъ свѣтъ ни исходилъ, для прозрѣнія истины, только такой человѣкъ имѣетъ право признать, что его сужденія правильнѣе, нежели сужденія другаго лица или множества лицъ, которыя не подвергали своихъ сужденій подобному процессу проверки.

Нельзя назвать чрезмѣрнымъ требованіе, чтобы то условіе, которое даже самые мудрые люди, т. е. люди, имѣющіе наибольше правъ довѣрять своему собственному сужденію, считаютъ необходимымъ для проверки правильности этого сужденія, имѣло бы одинаковое значеніе и для той разнородной толпы, которая состоитъ изъ небольшого числа ученыхъ людей и изъ огромнаго числа невѣждъ, слывущей подъ названіемъ публики. Даже самая нетерпимая изъ церквей, — римско-католическая, — при исполненіи обряда причисленія къ лику святыхъ терпѣливо выслушиваетъ признаваемого ею „адвоката дьявола“. Самый святой человѣкъ, какъ оказывается, не можетъ быть признанъ таковымъ, прежде, чѣмъ все то, что можетъ сказать

противъ него дьяволъ, не станетъ извѣстно и не будетъ подвергнуто обсужденію. Если допустить, напр., что было бы воспрещено подвергать сомнѣнію ученіе Ньютона, то человѣчество не имѣло бы того полного довѣрія къ истинности этого ученія, которымъ оно теперь пользуется. Самымъ вѣрнымъ ручательствомъ достовѣрности нашихъ убѣжденій служитъ именно тотъ фактъ, что всѣмъ намъ предоставляется возможность подвергать ихъ провѣркѣ другихъ людей. Если же этотъ вызовъ, обращенный къ всему свѣту, не принимается имъ во вниманіе или если свѣтъ принимаетъ его, но не въ силахъ поколебать твердость нашихъ убѣжденій, то все-таки мы будемъ еще далеко не увѣрены въ ихъ правильности, хотя въ такомъ случаѣ будемъ все-таки сознавать, что, по крайней мѣрѣ, сдѣлали съ своей стороны все, что только могли сдѣлать по нашему крайнему разумѣнію, что употребляли всѣ усилія къ тому, чтобы предоставить истинѣ возможность проникнуть до насъ.

Въ томъ случаѣ, когда правильность нашего убѣжденія остается подъ сомнѣніемъ, мы все-таки должны питать надежду, что если существуетъ другая истина, болѣе правильная, нежели та, въ которую вѣруемъ мы сами, то она раскроется тогда, когда человѣческій умъ будетъ въ состояніи постичь ее; до тѣхъ же поръ при вышеупомянутыхъ условіяхъ мы будемъ имѣть возможность, по крайней мѣрѣ, успокоить себя сознаниемъ, что приблизились къ истинѣ, насколько это было возможно въ данное время. Здѣсь кончается граница возможнаго для человѣческаго ума познанія достовѣрности истины, и указанный путь можно считать единственнымъ, по которому должно идти для достиженія истины.

Весьма странно, что люди, признавая волишь силу доказательствъ, приводимыхъ въ пользу свободы убеждений, въ то же время возстаютъ противъ того, чтобы высказываемыя убѣжденія доводились до крайности. При этомъ, однако, упускается изъ виду, что если доведенные до крайности выводы не доказательны для крайнихъ случаевъ, то они и вовсе не доказательны для какого бы то ни было случая.

Странно также, что люди полагаютъ, будто бы не предъявляютъ притязаній на непогрѣшимость своихъ мнѣній, коль скоро они допускаютъ необходимость свободного убежденія всѣхъ вопросовъ, которые могутъ быть сомнительными, и въ то же время полагаютъ, что извѣстные принципы или ученія не должны быть вовсе подвергаемыму обсужденію, т. к. они несомнѣнно достоверны, т. е. потому, что эти люди сами увѣрены въ несомнѣнной достоверности этихъ принциповъ и ученій. Если мы будемъ полагать, что извѣстное утвержденіе достоверно, въ то время какъ есть основаніе предполагать, что можетъ найтись кто-либо, который будетъ оспаривать эту достоверность, если бы это ему было дозволено, но не оспариваетъ потому, что этого ему не позволяютъ, то это будетъ равносильно тому, чтобы признавать себя самихъ и тѣхъ, которые держатся одинаковыхъ съ нами мнѣній, судьями надъ достоверностью извѣстнаго убѣжденія и судьями, которые изрекаютъ свой приговоръ, не выслушавъ доводовъ противной стороны.

Въ нашъ вѣкъ, прозванный вѣкомъ невѣрія, „по и боязни скептицизма“, когда люди, хотя и сомнѣваются въ правотѣ своихъ убѣжденій, но боятся отречься отъ нихъ изъ опасенія потерять подъ собою почву, люди,

требующіе, чтобы извѣстныя мнѣнія были охраняемы отъ нападокъ гласнаго обсужденія, основываютъ это требованіе не на безусловной правотѣ этихъ мнѣній, а на томъ, что извѣстныя мнѣнія имѣютъ слишкомъ важное значеніе для общества, чтобы ихъ подвергать нападкамъ. Существуютъ извѣстныя вѣрованія, какъ утверждаютъ, столь полезныя, чтобы не сказать неотъемлемыя для блага человѣчества, что правительство обязано поддерживать ихъ столь же стойко, какъ и всякіе другіе интересы общества. Въ такомъ серьезномъ вопросѣ, какъ охрана вѣрованій, имѣющемъ важнѣйшее значеніе для блага всего человѣчества, правительству должно быть предоставлено не только право, но должно быть вѣнено ему прямо въ обязанность охранять извѣстныя обще-распространенныя мнѣнія. Часто также открыто утверждаютъ, а еще чаще думаютъ, что только одни злонамѣренные люди могутъ желать ослабить эти благотворныя вѣрованія, причемъ многіе вовсе не считаютъ несправедливымъ, если обуздываютъ такихъ людей и пренятствуютъ имъ распространять ихъ зловредныя мнѣнія. Такой взглядъ на дѣло, однако, ставить вопросъ о правѣ на ограниченіе свободы слова въ зависимость не отъ истинности извѣстныхъ ученій, а отъ ихъ полезности для общества и даетъ право надѣяться такимъ способомъ избѣжать отвѣтственности за притязаніе быть непогрѣшимымъ судьей при оцѣнкѣ мнѣній людей. Но тотъ, кто довольствуется подобнымъ рѣшеніемъ вопроса объ ограниченіи свободы слова, упускаетъ изъ виду, что при этомъ вопросъ о непогрѣшимости не разрѣшается окончательно, а только перемѣщается съ одного пункта на другой.

Полезность известнаго мнѣнія, однако, является уже сама по себѣ не менѣе спорнымъ вопросомъ, подлежащимъ разслѣдованію и требующимъ такого же обсужденія, какъ и самое мнѣніе. Для рѣшенія вопроса о зловредности известнаго мнѣнія необходимъ такой же непогрѣшимый судья, какъ и для рѣшенія вопроса о неправомерности мнѣнія, если только правильность обсуждаемаго мнѣнія не оказывается до того сама по себѣ очевидной, что говорить сама за себя и не требуетъ ничьей защиты.

Сверхъ того, не можетъ быть и рѣчи о томъ, чтобы еретнику дозволялось доказывать полезность или безвредность своихъ убѣжденій и въ то же время запрещалось бы ему защищать ихъ истинность. Истинность убѣжденія составляетъ уже часть его полезности. Если мы захотимъ знать, желательно ли, чтобы люди увѣровали въ известное мнѣніе или нѣтъ, то развѣ мы не примемъ прежде всего въ соображеніе истинно оно или нѣтъ? Но мнѣнію многихъ достойныхъ уваженія людей, никакое вѣрованіе, противорѣчающее истинѣ, не можетъ быть дѣйствительно полезнымъ. На этомъ основаніи невозможно воспретить такимъ людямъ приводить именно этотъ фактъ какъ доводъ въ ихъ пользу, когда ихъ обвиняютъ въ отрицаніи какого-либо ученія, которое имъ предлагается принять только потому, что оно полезно, тогда какъ они считаютъ его ложнымъ. Тѣ, которые придерживаются общепринятыхъ мнѣній, всегда пользуются доводомъ полезности мнѣнія съ цѣлью извлечь изъ этого довода возможную для себя выгоду; но нельзя считать, что они трактуютъ вопросъ о полезности известнаго ученія такъ, какъ будто этотъ вопросъ о полезности можно было бы обособить отъ во-

проса объ истинности этого ученія; наоборотъ, они главнымъ образомъ опираются въ своихъ доводахъ на „истинности“ своего ученія и на основаніи этого довода считаютъ столь необходимымъ и важнымъ изученіе его и вѣрованіе въ него. Если такой положительный доводъ, какъ вопросъ о полезности известнаго ученія допускается приводить только одной стороной, но не допускается другой, то въ такомъ случаѣ не можетъ воспослѣдовать правильнаго обсужденія вопроса о полезности. И дѣйствительно, въ тѣхъ случаяхъ, когда законъ или общественное мнѣніе воспрещаютъ обсужденіе вопроса объ истинности известнаго убѣжденія, то проявляютъ такую же нетерпимость какъ и въ томъ случаѣ, когда не допускаютъ, чтобы отрицалась его полезность. Самое большее, что они допускаютъ, это— не настаивать на безусловной необходимости ученія или на положительной преступности его отрицанія.

Съ цѣлью представить болѣе ясное доказательство того вреда, который проистекаетъ отъ запрещенія свободнаго обмѣна мнѣній только на томъ основаніи, что мы находимъ ихъ зловредными, я считаю необходимымъ перенести вопросъ съ общей почвы обсужденія на частный случай. Для этого я преднамѣренно выбираю здѣсь случаи, которые для меня наименѣе благоприятны, т. е. такіе случаи, въ которыхъ аргументъ противъ свободы мнѣній оказывается самымъ убѣдительнымъ какъ съ точки зрѣнія истинности, такъ и съ точки зрѣнія полезности этихъ мнѣній. Предположимъ, что затрѣгиваемый вопросъ будетъ касаться вѣры въ Бога и въ загробную жизнь или вѣры въ какое-либо общепринятое ученіе о нравственности. Споръ на этой почвѣ весьма затруднителенъ потому, что даетъ боль-

шія преимущества недобросовѣстному противнику, такъ какъ онъ, безъ сомнѣнія, скажетъ (а многіе, желая оставаться добросовѣстными, только подумаютъ): „Неужели вы признаете исчисленныя вами ученія настоль недоказательными, что считаете необходимымъ ставить ихъ подъ защиту закона? Развѣ вѣра въ Бога, по вашему мнѣнію, также принадлежитъ къ разряду тѣхъ убѣжденій, которыя нельзя признавать неопровержимыми на томъ основаніи, что это значило бы, по вашему мнѣнію, признать это убѣжденіе неоспоримымъ?“ Я позволю себѣ, однако, замѣтить, что я не называю притязаніемъ на непогрѣшимость убѣжденіе въ истинности какой-либо вѣры; я называю притязаніемъ на непогрѣшимость присвоеніе себѣ права рѣшать этотъ вопросъ за *другихъ* людей, лишая ихъ даже возможности выслушивать доводы, которые могли бы быть приведены противной стороной. И я готовъ протестовать противъ такого притязанія и порицать его даже и въ такомъ случаѣ, если бы это притязаніе примѣнялось для защиты моихъ кровныхъ убѣжденій. Какъ бы кто ни былъ твердо убѣжденъ не только въ ошибочности, но даже во вредныхъ послѣдствіяхъ, и не только во вредныхъ послѣдствіяхъ, но (употребляя здѣсь выраженія, которыя я осуждаю) въ безираветвенности и неблагочестивости извѣстнаго убѣжденія; тѣмъ не менѣе, однако, если кто, согласуясь ли со своимъ личнымъ убѣжденіемъ или опираясь на общепринятое убѣжденіе его страны или его современниковъ, ставитъ препятствія къ тому, чтобы люди противоположныхъ взглядовъ могли высказывать свободно свои мнѣнія въ защиту своего ученія, то такой человекъ предъявляетъ притязаніе на непогрѣшимость своего сужденія. Такое

притязаніе на непогрѣшимость не только не менѣе предосудительно и не менѣе опасно въ томъ случаѣ, если убѣжденіе считается безирравственнымъ или неблагочестивымъ, но, напротивъ, оказывается въ этомъ случаѣ еще болѣе пагубнымъ по своимъ послѣдствіямъ, чѣмъ въ какихъ-либо иныхъ случаяхъ. Именно въ случаяхъ, подобныхъ вышеприведенному, люди извѣстнаго поколѣнія впадали въ тѣ наводящія ужасъ ошибки, которыя приводили въ изумленіе и негодованіе послѣдующія поколѣнія. Къ такого рода фактамъ относятся тѣ достопамятные въ исторіи примѣры, когда властью закона пользовались для того, чтобы насильственно губить достойнѣйшихъ людей и искоренять благороднѣйшія ученія; подобныя насилія съ достойной сожалѣнія послѣдовательностью вполнѣ достигали своей цѣли когда они примѣнялись къ людямъ; что же касается подвергавшихся гоненію ученій, то нѣкоторые изъ нихъ пережили эти гоненія и продолжаютъ существовать и нынѣ, чтобы служить (какъ бы въ видѣ наемъники) фактомъ, на который ссылаются въ защиту подобныхъ же мѣръ преслѣдованія противъ тѣхъ людей, которые не согласны съ этими же ученіями или общепринятыми толкованіями этихъ ученій.

Весьма необходимо какъ можно чаще напоминать людямъ о томъ, что нѣкогда на свѣтѣ существовалъ человекъ по имени Сократъ, убѣжденія котораго навлекли на него достопамятное гоненіе какъ со стороны власти закона, такъ и со стороны общественного мнѣнія, господствовавшаго среди его современниковъ. Родившійся въ такое время и въ такой странѣ, которыя изобиловали людьми выдающимся своимъ индивидуальнымъ величіемъ, этотъ человекъ былъ, по свидѣтельству лю-

дей, близко знавшихъ его самого и ту эпоху, въ которой онъ жилъ, самымъ добродѣтельнымъ человѣкомъ своего времени; и въ наше время онъ признается главою и прототипомъ всѣхъ послѣдующихъ за нимъ проповѣдниковъ нравственности; его ученіе признается источникомъ какъ возвышенныхъ вдохновеній Платона, такъ и ученія объ утилитаріанизмѣ Аристотеля „i maestri di color che sano“,—двухъ главныхъ основателей этической и всякой иной философіи. Этотъ общепризнанный учитель всѣхъ выдающихся мыслителей, которые появлялись послѣ него, учитель, слава котораго даже и теперь, спустя болѣе двухъ тысячъ лѣтъ послѣ его смерти, все еще растетъ и затмѣваетъ собою славу всѣхъ другихъ мыслителей, прославившихъ его отечество,—этотъ человѣкъ былъ приговоренъ къ смерти за нечестіе и безнравственность своими же согражданами; за нечестіе—потому, что онъ отрицалъ признанныхъ государствомъ боговъ; причемъ его обвинитель даже увѣрялъ (смотри Анологію), что онъ вообще не вѣритъ въ боговъ; за безнравственность—потому, что онъ, какъ утверждали, по своимъ ученіямъ и наставленіямъ былъ „развратителемъ юности“. На основаніи этихъ обвиненій судъ, руководствуясь, какъ мы имѣемъ право предполагать, нескрещеннымъ убѣжденіемъ, призналъ его виновнымъ и осудилъ человѣка, наидостойнѣйшаго изъ всѣхъ своихъ современниковъ, какъ преступника на смерть.

Но мы можемъ указать еще на одинъ примѣръ проявленія судебного беззаконія, единственный въ исторіи, еще болѣе вопіющій по своей несправедливости, нежели приговоръ надъ Сократомъ. Мы говоримъ о событіи, которое имѣло мѣсто болѣе чѣмъ тысячу во

семьсотъ лѣтъ тому назадъ на Голгоѣѣ, когда былъ приговоренъ къ позорной казни Благодѣтель всего человѣчества, оставившій въ памяти всѣхъ тѣхъ, кто были свидѣтелями Его жизни и ученія, столь неизгладимое впечатлѣніе о Его нравственномъ совершенствѣ, что всѣ поколѣнія послѣдовавшихъ затѣмъ восемнадцати вѣковъ преклоняются передъ Нимъ какъ передъ Всемогущимъ. Его не только не признавали за благодѣтеля человѣчества, но считали Его ученіе совершенно противоположнымъ тому, чѣмъ оно было на самомъ дѣлѣ, и обвиняли Его въ безбожїи, т. е. именно въ томъ, въ чемъ позднѣе обвиняли и по сіе время обвиняють Его гонители за Его осужденіе. Чувство негодованія, съ какимъ люди относятся къ этимъ печальнымъ событіямъ и въ особенности къ послѣднему изъ приведенныхъ событій, способствуетъ тому, что люди въ высшей степени несправедливо осуждаютъ виновниковъ этихъ событій. Судя по многимъ даннымъ, однако, это были вовсе не дурные люди, были нисколько не хуже многихъ другихъ; скорѣе, напротивъ, это были люди, искренно и даже до крайней степени проникнутые религіозными, нравственными и патріотическими чувствами, какія преобладали въ ихъ время и среди ихъ современниковъ; это были такіе люди, которые во всѣ времена, не исключая и нашего времени, проходятъ свой вѣкъ безупречно и пользуются общимъ уваженіемъ. Первосвященникъ, разорвавшій свою одежду послѣ того какъ были произнесены слова, которыя по общему воззрѣнію его современниковъ составляли самое тяжкое обвиненіе, какое только можно было привести противъ кого-либо, былъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, столь же чистосердечно обуреваемъ такимъ-

же чувствомъ ужаса, какое только можетъ испыты-
вать въ наше время большинство достойныхъ уваже-
нія и благочестивыхъ людей въ порывѣ увлеченія
своими нравственными и религіозными чувствами. И
большинство тѣхъ людей, которые нынѣ ужасаются
поступкомъ этого первосвященника, поступили бы со-
вершенно такимъ же образомъ, какъ поступилъ и онъ,
если бы жили въ тѣ времена и были бы евреями.
Правовѣрные христіане, склонные полагать, что люди,
которые избили камнями первыхъ мучениковъ, были
неизмѣримо болѣе жестокіе люди, чѣмъ они сами, не
должны забывать, что среди преслѣдователей этихъ
мучениковъ былъ и Св. Павелъ.

Здѣсь можно привести еще одинъ фактъ заблужде-
нія, особенно поразительный, если измѣрять его сте-
пенью мудрости и добродѣтели человѣка, вивагаго въ
это заблужденіе. И дѣйствительно, если когда либо
существовалъ человѣкъ, стоящій во главѣ власти, ко-
торый имѣлъ основаніе считать себя самымъ лучшимъ
и просвѣщеннымъ изъ всѣхъ своихъ современниковъ,
то такимъ человѣкомъ былъ Маркъ Аврелій. Будучи не-
ограниченнымъ властелиномъ всего образованнаго міра
тогдашняго времени, онъ при этомъ въ продолженіе всей
своей жизни оставался не только безусловно справедли-
вымъ человѣкомъ, но сохранилъ въ высшей степени чув-
ствительное сердце, чего можно было меньше всего ожи-
дать, имѣя въ виду его стоическія убѣжденія. Тѣ немногіе
недостатки, въ которыхъ его укоряють, происекали
единственно отъ его снисходительности къ людямъ; со-
чиненія же его, будучи несовершеннѣйшимъ этическимъ
продуктомъ античнаго духа, едвали чѣмъ либо отли-
чаются, если только вообще отличаются, отъ наиболѣе

изъ характерическихъ учений Христа. И этотъ человекъ — наилучшій христіанинъ во всѣхъ отношеніяхъ (если исключить догматическій смыслъ этого слова), изъ всѣхъ прославленныхъ христіанскихъ правителей, которые стояли во главѣ власти во имя него, были притѣснителемъ христіанства. Этотъ человекъ, стоя на высотѣ всѣхъ, когда либо достигнутыхъ до него чело­вѣчествами познаний, одаренный открытими, безпристрастными природными умомъ и высокообразованными качествами ума, давшими ему возможность возвыситься въ его нравственныхъ соображеніяхъ до идеала христіанства, чело­вѣкъ этотъ, не смотря на то, что былъ глубоко проникнутъ сознаніемъ своего долга передъ своимъ народомъ, все-таки не дошелъ до сознанія, что христіанство было не зломъ, а благодѣяніемъ для чело­вѣчества. Онъ глубоко сознавалъ, что тогдашнее общество находилось въ высшей степени *аристократическомъ* состояніи, но, сознавая это, онъ былъ твердо убѣжденъ, или во всякомъ случаѣ ему это казалось такъ, что только поддерживать веру въ общепризнанныя божества и почитаніемъ ихъ можно еще было охранять общество отъ окончательнаго распада и отъ перехода въ еще худшее состояніе. Какъ правитель своего народа онъ считалъ своею обязанностью не допускать, чтобы общество распалось, и не хотѣлъ предугадывать, какъ общество могло бы быть вновь сплочено, если бы подорвались главные его основы. А такъ какъ новая религія явно стремилась въ тому, чтобы разрушить эти основы, то Маркъ Аврелій, выходя невозможнымъ соединиться въ этой новой религіи, считалъ своею обязанностью всѣми мѣрами поддѣлывать стремленіе къ ней. Основы христіанскаго ученія кажутся

ему не истинными и не божественного происхождения, и такъ какъ онъ считалъ исторію о распятіи Божьей и невѣроятною и потому не заслуживающею довѣрія и такъ какъ система, основанная на такихъ началахъ, которыми онъ не признавалъ вѣрными, не могла, по его мнѣнію, обладать тою обновляющею силой, которую она, тѣмъ не менѣе, однако, не смотря на всѣ претерпѣваемыя ея недуги, дѣйствительно проявила, то по всѣмъ этикъ причинамъ этотъ благороднѣйшій и самый чистосердечный изъ всѣхъ существовавшихъ до него философъ и правитель, руководствуясь самими искренними сознаніемъ долга, превратился въ гонителя христіанства. По моему мнѣнію, этотъ фактъ представляетъ собой одинъ изъ самыхъ трагическихкихъ случаевъ во всей исторіи човѣчества. Невольно дѣлаешь сопоставленіе и съ горечью принужденъ сознаться, что христіанство всего міра во многихъ отношеніяхъ выиграло бы, если бы было введено въ Римской Имперіи подъ покровительствомъ Марка Аврелія, а не въ царствованіе Константина. Было бы, однако, столь же несправедливо по отношенію самого Марка Аврелія, какъ и по отношенію истинн., отрицать, что Маркъ Аврелій имѣлъ почти такіа же основанія для преслѣдованія христіанства, какія могли бы быть представлены для оправданія преслѣдованія противно-христіанскаго ученія. Ни одинъ истинный христіанинъ не можетъ быть болѣе твердо убѣжденъ въ томъ, что атланы—ложное ученіе, которое влечетъ за собой распаденіе общественныхъ основъ, какъ было убѣжденъ Маркъ Аврелій въ томъ, что вѣрнѣе христіанства было пагубно для общества,—человѣкъ, который очевидно болѣе нежелалъ кто либо изъ современниковъ былъ бы способенъ ослѣпить по

достоинству христіанское ученіе. Всѣ тѣ, которые отстаиваютъ необходимость преслѣдованій антихристіанскихъ убѣжденій, если только они не считаютъ себя болѣе умными и болѣе добродѣтельными, чѣмъ былъ Маркъ Аврелій, если только не полагаютъ, что они глубже проникнуты всею мудростью своего вѣка, если только не считаютъ себя стоящими по уму во главѣ самыхъ передовыхъ людей своего вѣка, считаютъ себя болѣе, нежели онъ, ревностными въ стремленіи къ истинѣ или чистосердечными въ преданности къ усвоенной ими истинѣ—такіе люди должны были бы воздерживаться сами и удерживать остальныхъ людей отъ того притязанія на непогрѣшимость, какое проявилъ Маркъ Аврелій—притязанія, повлекшаго за собою столь пагубныя послѣдствія.

Убѣдившись въ невозможности привести въ защиту примѣненія карательныхъ мѣръ съ цѣлью подавленія противорелигіозныхъ мнѣній какіе либо доводы, которые вмѣстѣ съ тѣмъ не могли бы служить оправданіемъ для Марка Аврелія, враги религіозной свободы, когда имъ ничего больше не остается сказать въ свою защиту, обыкновенно соглашаются съ этимъ доводомъ и подобно д-ру Джонсону утверждаютъ, что преслѣдователи христіанства были вынуждены поступать такъ, какъ они поступали; что преслѣдованіе есть лишь испытаніе чрезъ которое должна пройти истина и всегда успѣшно проходила и, наконецъ, что если кары законовъ оказывались безцельными противъ истины, то иногда оказывались и благотѣльными средствами противъ пагубныхъ заблужденій. Этотъ доводъ въ пользу религіозной нетерпимости настоль достопримѣчателенъ, что его нельзя обойти молчаніемъ.

Теорія, которая признаетъ, что преслѣдованіе истины можетъ быть оправдываемо, такъ какъ это преслѣдованіе не можетъ принести вреда, не можетъ считаться преднамѣренно враждебною противъ допущенія другихъ новыхъ истинъ; но мы не можемъ признать ее великодушною по отношенію къ тѣмъ лицамъ, которымъ чело- вѣчество обязано за введеніе новыхъ истинъ. Раскрыть передъ всѣмъ міромъ то, что глубоко затрагиваетъ его и что раньше вовсе было неизвѣстно міру, доказать свѣту, что онъ находится въ глубокомъ заблужденіи относи- тельно какого либо въ высшей степени важнаго вопроса, касающагося духовныхъ или мірекихъ интересовъ—это самая важная услуга, какую только можетъ оказать какой-либо чело-вѣкъ своимъ собратьямъ, а въ нѣкоторыхъ слу- чаяхъ, какъ въ приведенномъ выше примѣрѣ изъ вре- мени первыхъ христіанъ и реформаторовъ, единомыш- ленники д-ра Джонсона считаютъ оказанную этими ре- форматорами услугу всему чело-вѣчеству драгоценнѣй- шимъ изъ всѣхъ благъ, какіе только можно было даро- вать чело-вѣчеству. Если людей, оказавшихъ столь неоцѣ- нимыя благодѣянія чело-вѣчеству вознаграждаютъ въи- цомъ мучениковъ, если обращаются съ ними какъ съ са- мыми закоренѣлыми преступниками, то, съ выше приве- денной точки зрѣнія, такая награда за благодѣяніе ока- зывается во все не печальнымъ заблужденіемъ, вовсе не позоромъ, о которомъ чело-вѣчество должно было бы пе- чалиться, осыпавъ главу свою пепломъ, а самымъ обы- ковленнымъ и законнымъ порядкомъ вещей. Основы- ваясь на этой теоріи слѣдовало бы заключить, что тотъ, кто возвѣщаетъ новую истину, долженъ былъ бы, какъ по законамъ Локриды въ всякій, пытавшійся ввести но- вый законъ, стоять передъ народомъ съ веревкой во-

крутъ шен, что бы можно было ею тотчас же его удавить, если бы собраніе, выслушавъ его доводы въ пользу предложеннаго имъ закона, не пожелало бы тутъ же на мѣстѣ принять его предложеніе. Отъ людей, способныхъ поощрять подобное обращеніе съ своими благодѣтелями, нельзя ожидать, чтобы они особенно высоко цѣнили эти благодѣванія. Мы кажется также, что подобное воззрѣніе преимущественно раздѣляется такими людьми, которые полагають, будто введеніе новыхъ мѣръ было когда-то желательно, но что теперь мы въ таковыхъ больше уже не нуждаемся.

Въ дѣйствительности, однако, выраженіе, что истинны всегда восторжествуютъ, не смотря на гоненіе, есть лишь одно изъ тѣхъ самообманчивыхъ заблужденій, которыя переходять изъ устъ въ уста людей, пока наконецъ не пріобрѣтутъ изъ вѣдущую истину, которая, однако, опровергается жизненнымъ опытомъ. История изобилуетъ примѣрами того, какъ переговоры, шпірались преслѣдованіями. И если ее не удается вовсе искоренить, то все-таки обнаруживае ея легко можно задержать на долгій срокъ, пока не пройдетъ можетъ быть ивѣстность ивѣковъ. Если коснуться польды однихъ, религиозныхъ убѣжденій, то достаточно указать на слѣдующіе факты: полнѣи изъ введенію реформации обнаруживались, но крайней шѣрь, развѣ двадцать еще до Лютера, при чемъ эти полнѣи были постоливо подавляемы: Арнольдъ Брейнвикій были, подвергнуть полнѣю; Фридриху были, подвергнуть полнѣю; Сивилролла были, подвергнуть полнѣю; Альбидой были, подвергнуть полнѣю; та же участь постигла Дюлардонъ и Гуситовъ. Дале послѣ Лютера преслѣдованіе, ишѣ бы оно ни проявлялось, всегда дѣйствовало усильно. Въ Искан-

ни, Италия, Фландрия, Австрия протестантизмъ былъ вовсе искорененъ и очень вѣроятно, что то же самое случилось бы и въ Англіи, если бы королева Марія прожила дольше или если бы королева Елизавета умерла раньше. Преслѣдованіе за убѣжденія всегда успѣшно достигало своей цѣли, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда еретики составляли столь сильную партію, что преслѣдованіе было не въ силахъ ее побороть. Ни одинъ разсудительный человѣкъ не будетъ сомнѣваться въ томъ, что христіанская религія въ Римской Имперіи могла бы быть искоренена; тѣмъ не менѣе, однако, она распространилась тамъ и сдѣлалась господствующею религіею потому, что гоненія имѣли лишь случайный характеръ и продолжались лишь короткое время, чередуясь съ продолжительными промежутками почти непрерывной пропаганды христіанской религіи. Было бы лишь пустымъ разсужданіемъ утверждать, будто истина, потому только что она истина, обладаетъ какою то особой, присущей ей одной, силой, которой лишено заблужденіе и которая можетъ устоять противъ насильственнаго заточенія въ тюрьмахъ или противъ приговоровъ къ сожженію на кострахъ. Люди проявляютъ отнюдь не больше рвенія въ своихъ стремленіяхъ къ истинѣ, нежели весьма часто и въ своихъ стремленіяхъ къ заблужденіямъ, и обыкновенно бываетъ достаточно шельмованнаго прамѣшенія карательныхъ мѣръ, усиліями законодателя или даже обществомъ, для того, чтобы поставить преграды распространенію какъ истины, такъ одиознаго и заблужденія. Дѣйствительное преимущественно истины заключается въ томъ, что извѣстное убѣжденіе, если оно истинно, то, не смотря на то, что оно будетъ неоднократно подвер-

гаться гоненію, все-таки съ теченіемъ времени найдеть приверженцевъ, которые оишь начинаютъ распространять это убѣжденіе, пока, наконецъ, оно вновь возрождается именно въ такое время, когда благоприятныя условія спасаютъ его отъ новаго преслѣдованія и даютъ ему возможность настолько укрѣпиться, чтобы противостоять всѣмъ послѣдующимъ попыткамъ къ его искорененію.

Мы могутъ замѣтить, что мы въ настоящее время не осуждаемъ людей на смерть за распространеніе ими новыхъ убѣжденій. Мы не уподобляемся нашимъ предкамъ, которые избивали своихъ пророковъ; мы даже воздвигаемъ имъ надгробные памятники. Несомнѣнно, что въ наше время мы не приговариваемъ еретиковъ къ смерти и что тѣ карательныя мѣры, которыя нынѣшнее общество соглашается допустить даже противъ самыхъ ненавистныхъ ему убѣжденій, оказываются едва ли достаточно дѣйствительными для искорененія такихъ убѣжденій; тѣмъ не менѣе, однако, мы не должны льстить себя надеждою, что мы навсегда отрѣшились отъ позорнаго для человѣчества преслѣдованія людей за ихъ убѣжденія даже и на законномъ основаніи. Наказанія за убѣжденія, или, по крайней мѣрѣ за открытое выраженіе ихъ еще допускаются закономъ и примѣненіе наказаній даже и въ наши дни вовсе не столь безпримѣрно, чтобы можно было вообще предполагать, что введеніе ихъ въ полной силѣ уже составляетъ нѣчто совершенно невысказанное въ наше время. Лѣтомъ 1857 года, во время засѣданія суда присяжныхъ въ графствѣ Корнваллисѣ, былъ приговоренъ къ 21 мѣсячному тюремному заключенію одинъ злополучный человѣкъ, въ общемъ воплотившій примѣрнаго поведенія, единственно только за то, что

онъ позволилъ себѣ сказать и написать на входныхъ воротахъ какого-то зданія нѣсколько оскорбительныхъ для религій словъ. Спустя мѣсяць послѣ этого въ Лондонской тюрьмѣ и судѣ присяжныхъ (Old Bailey) два лица были на двухъ послѣдовательныхъ засѣданіяхъ отстранены отъ исполненія обязанностей присяжныхъ засѣдателей, при чемъ одно изъ этихъ лицъ даже подверглось грубому оскорбленію со стороны судьи и одного изъ членовъ суда только потому, что эти люди честно признались, что они невѣрующіе; а третье лицо, иностранецъ, на томъ же самомъ основаніи, не могло добиться правосудія противъ завѣдомаго вора. Этотъ отказъ въ правосудіи основывался на томъ правилѣ закона, что никто не имѣетъ права давать свидѣтельскія показанія на судѣ, если не вѣруетъ въ Бога (при чемъ необязательно вѣрить именно въ христіанскаго Бога) и въ загробную жизнь; это правило закона равносильно тому, чтобы признавать подобныхъ лицъ виѣ покровительства закона и защиты судебной власти; такіе люди могутъ быть не только безнаказанно ограблены или оскорблены дѣйствіемъ, если свидѣтелями на судѣ явятся они сами или люди одинаковаго съ ними образа мыслей, но и всякое иное лицо можетъ быть безнаказанно оскорблено дѣйствіемъ и ограблено, если свидѣтелями содѣяннаго явятся люди, придерживающіеся вышеупомянутыхъ убѣжденій. Это правило закона основывается на томъ, что присяга лица, невѣрующаго въ Бога, не заслуживаетъ довѣрія; правило это, однако, указываетъ на полнѣйшее незнаніе исторіи его сторонниками (такъ какъ исторически установлено, что большая часть невѣрующихъ людей въ различныя эпохи отличалась замѣчательною правдивостью и честностью); сверхъ того, это правило

не могло бы считаться законнымъ, если бы люди имѣли хотя бы малѣйшее представленіе о томъ, сколь много есть лицъ, извѣстныхъ всему міру какъ по своимъ добродѣтелямъ, такъ и по своимъ познаніямъ, которые по крайней мѣрѣ своими ближними признаются за невѣрующихъ.

Впрочемъ, правило это оказывается гибельнымъ и для самого себя и подрываетъ свои собственные основанія. Подъ предлогомъ того, что атенеты суть лжецы, это правило допускаетъ свидѣтельство тѣхъ атенетовъ, которые соглашаются лгать, и отклоняетъ свидѣтельство только тѣхъ, которые предпочитаютъ смѣло объявить себя невѣрующими и этимъ навлечь на себя презрительное мнѣніе людей, нежели произнести ложь. Правило, которое само по себѣ прямо свидѣтельствуетъ о своей безмысленности по отношенію къ предполагаемой цѣли его установленія, можетъ имѣть силу только какъ признакъ ненависти, какъ эмблема остатка существовавшего раньше преслѣдованія за убѣжденія, преслѣдованія, которое имѣетъ еще ту особенность, что ему подвергаются тѣ люди, которые явно его не заслуживаютъ, Правила и теорія, которыя это преслѣдованіе обнимаютъ, являются не менѣе обидными для вѣрующихъ, какъ и для невѣрующихъ. Такъ какъ если тотъ, кто не вѣритъ въ загробную жизнь, лжетъ по необходимости, то изъ этого слѣдуетъ, что вѣрующіе боятся лжи—если они вообще ее боятся—только изъ опасенія ужасовъ ада.

Мы не хотимъ обижать ни установителей, ни защитниковъ этого правила предположеніемъ, что это представленіе о христіанской добродѣтели они составили на основаніи ихъ собственныхъ убѣжденій совѣсти.

Въ сущности это только остатки прежнихъ преслѣдованій за убѣжденія и не столько доказываютъ желаніе преслѣдовать людей, сколько служатъ примѣромъ столь часто проявляемой въ Англіи отсталости мнѣній, побуждающей людей стремиться къ тому, чтобы упорно придерживаться извѣстнаго даже завѣдомо отсталаго и дурнаго принципа, хотя сами люди уже настоль подвинулись впередъ въ своемъ нравственномъ развитіи, что уже не могутъ сочувствовать ему въ такой степени, чтобы желать примѣненія этого принципа на дѣлѣ. Однако, къ несчастью, направленіе общественнаго мнѣнія таково, что далеко не представляетъ ручательства въ томъ, что ослабленіе этихъ прискорбныхъ по своей крайности мѣръ законнаго преслѣдованія, проявившееся въ теченіе уже цѣлаго вѣка, будетъ продолжаться и впредь.

Въ наше время рутинна жизни столь же часто приводится въ колебаніе отъ попытокъ вернуться къ давно прошедшему злу, какъ и отъ введенія новыхъ благодѣтельныхъ мѣръ. То, что въ наше время прославляется какъ возрожденіе религіи, то у людей недалъновидныхъ и необразованныхъ есть столь же возрожденіе религіи, какъ и возрожденіе фанатизма. И тамъ, гдѣ въ чувствахъ народа царитъ сильное и постоянное стремленіе къ нетерпимости, которая всегда служитъ отличительною чертою средняго класса общества въ Англіи, тамъ не требуется многого, чтобы побудить людей къ примѣненію мѣръ преслѣдованія противъ лицъ, которыхъ они неизмѣнно считаютъ за людей, подлежащихъ преслѣдованію за убѣжденія *).

*) Весьма поучительнымъ предостереженіемъ для насъ можетъ служить фактъ проявленія страсти къ преслѣдованію,

т. е. въ тѣхъ мѣнѣяхъ, которыя преобладаютъ у людей и въ тѣхъ чувствахъ, съ которыми они относятся къ лицамъ, отрицающимъ важнѣйшія въ ихъ глазахъ вѣрованія, и кроется главная причина того, что Англію еще нельзя назвать страной умственно свободной. Еще съ давнихъ поръ главное зло преслѣдованій закона коренится въ томъ, что они обнаруживаютъ сильное давленіе на общественный приговоръ. Именно этимъ приговоромъ общество, дѣйствительно, накладываетъ на людей извѣстное клеймо и притомъ столь неизгладимое, что въ Англіи страшатся открытаго выраженія своихъ убѣжденій, если они осуждаются обществомъ, гораздо болѣе нежели въ другихъ странахъ страшатся открытаго выраженія даже и такихъ убѣжденій, которыя подлежатъ

которая обнаруживалась во время возстанія Сипаевъ и давшая просторъ самымъ дурнымъ наклоностямъ англійскаго національнаго характера. Можно относиться болѣе или менѣе снисходительно къ бреднямъ фанатиковъ-проповѣдниковъ или шарлатановъ, но дѣло принимаетъ совершенно иной оборотъ, когда лица, стоящія во главѣ евангелической партіи, возводятъ въ принципъ при управленіи надъ Индусами и Магометанами, что ни одна изъ ихъ школъ, въ которой не обучаютъ Библии, не будетъ содержаться на средства правительства, что, слѣдовательно, какъ вытекающее изъ этого поступленія слѣдствіе—единственно только хрістіане или, по крайней мѣрѣ, выдающіе себя за таковыхъ, могутъ занимать правительственныя должности. Въ отчетѣ о рѣчи, обращенной къ избирателямъ, (12 ноября, 1857 г.) одного государственнаго лица, приведены слѣдующія слова: „Терпимость Великобританскаго правительства къ вѣрѣ мѣстныхъ жителей (т. е. къ вѣрѣ ста-милліоннаго населенія Великобританскихъ подданныхъ) или, вѣрнѣе, къ тому, суевѣрію, которое они называютъ своею религіей, эта терпимость послужила только тормазомъ къ успѣшному притію въ странѣ англійскаго духа, а также и препятствіемъ къ благотворному рас-

по закону судебному преслѣдованію. За исключеніемъ лицъ, которыя по своему матерьяльному положенію не находятся ни въ какой зависимости отъ произвола окружающихъ, приговоръ общественнаго мнѣнія, тяготеетъ на людяхъ такъ же сильно, какъ тяготѣлъ бы приговоръ закона; тюремное заключеніе, однако, для человѣка вовсе не тягостнѣе, чѣмъ лишеніе его возможности добывать себѣ насущный хлѣбъ. Тотъ, кто обезпеченъ денежными средствами и не нуждается въ благосклонности ни власть имущихъ, ни корпорацій или толпы, тому нечего опасаться открыто выразить какое бы то ни было личное убѣжденіе, или опасаться, что о немъ будутъ думать или говорить дурное; а для того, чтобы переносить подобные толки, человѣку не

пространенію въ ней христіанства. Вѣротерпимость всегда служила краеугольнымъ камнемъ, на которомъ зиждилась религіозная свобода въ этой странѣ, но этимъ драгоценнымъ словомъ — терпимость — не слѣдуетъ злоупотреблять. Подъ словомъ „вѣротерпимость“ ораторъ подразумѣвалъ полную свободу каждаго жителя страны, свободу отправленія религіозныхъ обрядовъ среди *христіанъ, исповѣдующихъ христіанскую религію, основанную на христіанскомъ догматѣ*; подразумѣвалъ вѣротерпимость по отношенію ко всемъ есектамъ и разрядамъ *христіанъ вѣрующихъ въ Писаніи*... Я позволю себѣ указать на фактъ, что заслуженный человѣкъ, занимающій высокій постъ въ министерствѣ этой страны, управляемой либеральнымъ правительствомъ, заявляетъ, что всѣ тѣ, которые не признаютъ Божественнаго происхожденія Христа, будутъ считаться изъятыми изъ предѣла, до котораго можетъ простираться вѣротерпимость правительства. Спрашивается, возможно ли послѣ подобнаго безсмысленнаго красноречія питать надежду на то, что миновало время религіозныхъ преслѣдованій? Можно ли быть вполнѣ увѣреннымъ въ томъ, что оно уже никогда болѣе не вернется?

нужно обладать особымъ геройствомъ. Такіе люди не нуждаются для своей защиты въ обращеніи къ милосердію. Если мы теперь не караемъ такъ строго, какъ въ прежнія времена, людей за то, что ихъ убѣжденія несогласуются съ нашими убѣжденіями, то тѣмъ не менѣе, однако, весьма возможно, что мы и нынѣшнимъ своимъ обращеніемъ съ такими людьми причиняемъ самимъ себѣ не менѣе вреда, чѣмъ и въ былое время. Сократъ былъ приговоренъ къ смерти, но Сократово ученіе возсіяло какъ солнце на небѣ и озарило своимъ свѣтомъ весь умственный міръ человѣчества. Христіанъ бросали львамъ на растерзаніе, но христіанская церковь выросла какъ крѣпкое, широко разстилающее свои вѣтви дерево, которое переросло всѣ старыя и менѣе крѣпкія деревья и вынудило ихъ зачахнуть подъ сѣнью своихъ вѣтвей. Наша же общественная нетерпимость никого не убиваетъ, не искореняетъ ничьихъ убѣжденій, но способствуетъ лишь тому, что люди стараются скрывать эти убѣжденія или отказываются отъ всякихъ дѣятельныхъ попытокъ къ распространенію ихъ. Еретическія убѣжденія у насъ завоевываютъ почву и не утрачиваютъ ее съ каждымъ новымъ десятилѣтіемъ или съ каждымъ новымъ поколѣніемъ; они не проливаютъ своего свѣта на далекія и широкія пространства, но тлѣютъ въ тѣсномъ кругу мыслителей и людей пытливаго ума, среди которыхъ они зарождаются, не озаряя ни истиннымъ, ни обманчивымъ свѣтомъ общій ходъ людскихъ дѣяній. Такимъ образомъ поддерживается порядокъ, которымъ удовлетворяются многіе люди, потому что, не прибѣгая ни къ какимъ неприятнымъ мѣрамъ насилія надъ людьми—обложеніемъ ихъ денежнымъ штрафомъ, лишеніемъ ихъ свободы — этотъ порядокъ

поддерживаетъ по наружному виду ненарушимость господствующихъ общественныхъ мѣнѣй и въ то же время не накладываетъ абсолютнаго запрета на умственную дѣятельность отщепенцевъ, одержимыхъ недугомъ свободомыслія.

Это, конечно, очень удобный порядокъ вещей для сохраненія общаго согласія въ умственномъ мірѣ и въ то же время для поддержанія всего общественнаго строя въ такомъ же строгомъ порядкѣ, въ какомъ онъ находится. Но ради достиженія этого умственнаго спокойствія жертвуется нравственнымъ достоинствомъ человѣческаго самосознанія.

Такой порядокъ вещей, при которомъ значительное число людей дѣятельнаго и пытливаго ума находится вынужденнымъ ради собственной безопасности утаивать въ своемъ сердцѣ коренныя правила и основы своихъ убѣжденій и стараться, когда они что либо предають гласности, насколько возможно принаравливать собственные выводы къ тѣмъ выводамъ, отъ которыхъ они внутренно давно уже отреклись,—такой порядокъ вещей не можетъ способствовать развитію открытыхъ, неустрашимыхъ характеровъ, послѣдовательныхъ, непоколебимыхъ умовъ, какіе нѣкогда служили украшеніемъ всего мыслящаго міра. При вышеупомянутыхъ условіяхъ можно только ожидать, что люди будутъ или обыкновенными приверженцами общепринятыхъ порядковъ или лицемѣрными поклонниками истины, доводы которыхъ во веѣхъ важныхъ обстоятельствахъ будутъ разсчитаны только на ихъ слушателей, а не пронестокать отъ ихъ собственнаго убѣжденія. Тотъ, кто захотѣлъ бы избѣжать этой участи, можетъ достичь этого лишь при условіи, что онъ ограничитъ свои мысли и стремленія

такими вопросами, о которых онъ можетъ высказываться, не затрогивая области коренныхъ основъ, т. е. ограничится маловажными практическими вопросами, которые разрѣшились бы и сами собою, если бы только укрѣнился и расширился умственный кругозоръ человѣка, и которые иначе какъ именно при этомъ условіи никогда и не могутъ разрѣшаться удовлетворительнымъ образомъ; тогда какъ люди пренебрегаютъ именно тѣмъ, что могло бы послужить къ укрѣпленію и расширенію ихъ умственной дѣятельности т. е. свободнымъ и смѣлымъ обсужденіемъ наиболѣе возвышенныхъ предметовъ.

Люди, которые не считаютъ, что подобное вынужденное утаиваніе своихъ убѣжденій еретиками не составляетъ зла, должны прежде всего имѣть въ виду, что вслѣдствіе этого утаиванія утрачивается возможность добиться добросовѣстнаго и основательнаго разслѣдованія еретическихъ убѣжденій, и что тѣ ихъ мнѣнія, которыя могли бы противостоятъ такому обсужденію, все-таки вовсе не исчезнутъ, хотя бы даже и удалось поставить извѣстныя преграды ихъ распространенію. Во всякомъ же случаѣ, должно имѣть въ виду, что отъ запрета, налагаемаго на всякія разсужденія, которыя въ крайнихъ своихъ выводахъ не основываются на ортодоксѣ, страдаетъ главнымъ образомъ не само еретическое ученіе. Большею частью отъ подобнаго запрета страдаютъ тѣ правовѣрные, умственное развитіе которыхъ сужено и подавлено боязнью впасть въ ересь. Трудно составить себѣ хотя бы приблизительное понятіе о томъ, что теряетъ свѣтъ отъ угнетенія множества многообѣщавшихъ людей, не обладавшихъ смѣлостью характера и не державшихъ слѣдовать энергичному и независимому теченію своихъ мыслей изъ опасенія, что это можетъ привести

ихъ къ такимъ убѣжденіямъ, которыя считаются безбожными или безиравственными? Случайно среди подобныхъ людей встрѣчается человѣкъ глубоко добросовѣстный, одаренный многостороннимъ, яснымъ умомъ, убивающій всю свою жизнь на то, чтобы успокоивать свой умъ, котораго онъ не въ силахъ заставить бездѣйствовать, различными софизмами, человѣкъ, который исчерпываетъ всё усилія своего пытливаго ума на стремленіе помирить требованія своей совѣсти и разсудка съ ученіемъ церкви,—стремленіе, которое тѣмъ не менѣе весьма часто остается безплоднымъ.

Никто не можетъ считаться великимъ мыслителемъ, если онъ не признаетъ, что первая обязанность мыслителя заключается именно въ томъ, чтобы слѣдовать указаніямъ своего разума, не взирая на конечные выводы, къ которымъ могутъ привести эти указанія. Истина выигрываетъ больше даже отъ заблужденій того человѣка, который съ должнымъ стараніемъ и съ научной подготовкой самостоятельно вырабатываетъ свои убѣжденія, нежели отъ безукоризненно правильныхъ убѣжденій тѣхъ, которые придерживаются этихъ мнѣній только потому, что эти люди не даютъ себѣ труда сами додуматься до иныхъ убѣжденій. Эта свобода мысли необходима, однако, не только единственно или главнымъ образомъ для того, чтобы образовать великихъ мыслителей. Напротивъ, она столь же или даже болѣе необходима потому, что даетъ возможность людямъ средняго уровня достигать той уметвенной высоты, до какой они только способны возвыситься. Свобода мысли уже породила и можетъ еще породить великихъ мыслителей и въ средѣ всеобщаго духовнаго рабства; но она никогда въ такой средѣ не способствовала и не можетъ

способствовать созданію умственно развитаго народа. Если же когда либо народъ хотя бы временно и приближался сколько-нибудь къ подобному умственному состоянію, то это случалось потому, что въ теченіе извѣстнаго промежутка времени люди освобождались отъ угнетающаго ихъ страха передъ еретическими умозрѣніями. Тамъ, гдѣ устанавливается какъ бы условное соглашеніе въ томъ, что основныя истины не должны быть подвергаемы обсужденію, тамъ, гдѣ разслѣдованіе важнѣйшихъ вопросовъ, волнующихъ челоуѣчество, облакается какою-то таинственностью, тамъ нельзя надѣяться найти ту высокую степень умственного развитія, которымъ столь блистательно увѣковѣчились нѣкоторыя эпохи въ исторіи челоуѣчества. Въ тѣ эпохи, когда предоставлялся просторъ для свободнаго обсужденія наиважнѣйшихъ вопросовъ, способныхъ увлечь людей на великія подвиги, всегда замѣчался подъемъ народнаго духа и пробужденіе умовъ людей самаго обыкновеннаго уровня— пробужденіе способствовавшее тому, что эти люди становились достойными представителями въ ряду мыслящихъ людей своего времени. Подобный примѣръ мы видимъ въ положеніи Европы во времена, непосредственно слѣдовавшія послѣ реформациі. Другимъ примѣромъ, хотя онъ касается только европейскаго континента и образованныхъ классовъ людей, можетъ служить умственное движеніе во второй половинѣ восемнадцатаго столѣтія; а третьимъ— кратковременное умственное броженіе Германіи время Гете и Фихте. Эти эпохи были совершенно различны между собою въ отношеніи развившихся въ нихъ убѣжденій, но были схожи въ одномъ, что во всѣхъ эти три эпохи было свергнуто нго авторитетовъ. Во всѣхъ трехъ періодахъ прежній умственный дес-

потизмъ былъ низвергнутъ и на его мѣсто не было еще воздвигнуто новаго. Толчекъ, который былъ данъ этимъ тремя эпохами, сдѣлалъ Европу тѣмъ, чѣмъ она теперь есть. Всѣ безъ исключенія улучшенія какъ въ направленіи человѣческихъ мыслей, такъ и въ общественныхъ учрежденіяхъ могутъ быть съ поразительною точностью прослѣжены въ какой-либо изъ этихъ трехъ эпохъ. Извѣстные признаки съ нѣкоторыхъ поръ указываютъ на то, что подъемъ человѣческаго ума, проявившійся во всѣ эти три эпохи, уже въ значительной степени понизился и мы не можемъ ожидать никакого новаго подъема, пока мы снова не возстановимъ нашу умственную свободу.

Теперь мы перейдемъ къ разсмотрѣнію второго разряда доводовъ и, отстранивъ предположеніе, что какое-либо изъ обще-принятыхъ мнѣній ложно, допустимъ, что оно правильно и разслѣдуемъ, какую оцѣнку можно придать извѣстному мнѣнію въ томъ случаѣ, если мы лишены возможности истинности его подвергать свободному и открытому обсужденію. Хотя люди всегда неохотно соглашались допустить, чтобы принятое имъ твердое убѣжденіе могло быть ошибочнымъ, ложнымъ, тѣмъ не менѣе, однако, они должны принимать въ соображеніе, что какъ бы правильно ни было ихъ убѣжденіе, но если оно не подвергается полному, постоянному и смѣлому обсужденію, то это убѣжденіе будетъ считаться все-таки мертвой догмой, а не живой истиной.

Существуетъ особый классъ людей (къ счастью, въ настоящее время не столь многочисленный, какъ въ прежнія времена), которые совершенно удовлетворяются тѣмъ, если какое-либо убѣжденіе, которое эти люди

считаютъ за истину, воспринимается остальными людьми безъ малѣйшаго сомнѣнiя въ его истинности, даже если бы эти люди вовсе не были знакомы съ тѣми основанiями, на которыхъ построено это мнѣнiе и не были бы въ состоянiи отстоять это убѣжденiе хотя бы противъ самыхъ слабыхъ попытокъ къ опроверженiю его. Если же такимъ людямъ удастся прикрыть свое мнѣнiе какой-либо авторитетною властью, то они, весьма естественно, полагаютъ, что предоставленiе людямъ права подвергать подобныя мнѣнiя критическому обсужденiю не поведетъ ни къ чему хорошему, а скорѣе повлечетъ за собою вредъ. Тамъ, гдѣ влiянiе подобныхъ людей оказывается преобладающимъ, становится вслѣдствiе ихъ успаий почти невозможнымъ добиться того, чтобы обще-принятое мнѣнiе подверглось разумному и разсудительному опроверженiю, хотя даже и при этихъ же самыхъ условiяхъ это же мнѣнiе можетъ быть отрицаемо опрометчивыми и несвѣдущими людьми. Совершенно закрыть человѣческой мысли всякiй доступъ къ обсужденiю мнѣнiй, возможно лишь въ весьма рѣдкихъ исключительныхъ случаяхъ, и если разъ мысль проложитъ себѣ путь къ обсужденiю какого-либо вопроса, то вѣрованiя, не основанныя на твердомъ убѣжденiи, легко уступаютъ даже малѣйшему подобiю основательнаго истолкованiя его. Если же, оставивъ въ сторонѣ такую возможность, допустить, что въ умахъ людей глубоко вкореняется убѣжденiе, которое можетъ быть и правильно, но основано на предразсудкѣ, на вѣрованiи, а не на доказательствахъ, и не подвергается изслѣдованiю, то подобаетъ ли человѣку, какъ разумному существу придерживаться такой истины? Развѣ это можно назвать знанiемъ истины? Познанiе истины

13

достигается совершенно инымъ путемъ. Истина, воспринятая такимъ путемъ, оказывается не болѣе какъ еще однимъ лишнимъ сусвѣрїемъ, которое случайно пристегнуто къ словамъ, выражающимъ истину.

Если вообще признается необходимымъ заботиться о развитіи ума и сужденіи людей, чего, по крайней мѣрѣ, не отрицаютъ послѣдователи протестантизма, то что же можетъ наиболѣе способствовать развитію этихъ способностей какъ не предоставленіе всѣмъ желающимъ возможности обсуждать именно тѣ вопросы, которые настоль близко касаются самого человѣка, что признается необходимымъ, чтобы человѣкъ имѣлъ о нихъ твердо установленное мнѣніе? Если среди всѣхъ истинъ, которыя подлежатъ разъясненію существуетъ какой-либо одинъ вопросъ, который болѣе другихъ подлежитъ обстоятельному усвоенію, то это несомнѣнно есть вопросъ объ разумнѣнн основаній, на какихъ построено личное мнѣніе каждаго человѣка. Люди, составляя извѣстное убѣжденіе о вопросахъ, о которыхъ имъ важнѣе всего имѣть правильное сужденіе, должны быть въ состояніи защитить ихъ по крайней мѣрѣ отъ обще-принятыхъ возраженій. На это можетъ, однако, кто-нибудь возразить: „Пусть имъ укажутъ на главные основанія извѣстныхъ убѣжденій. Если извѣстное мнѣніе не подвергается никакой критикѣ, то изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы люди твердили его какъ поучаи. Тотъ, кто изучаетъ геометрію, не станетъ же только заучивать наизусть одни теоремы, но будетъ стараться изучить и понять также и доказательства этихъ теоремъ; и было бы нелѣно утверждать, что такой человѣкъ все-таки не знаетъ основъ геометрическихъ истинъ потому только, что онъ ни отъ кого не встрѣчаетъ опро-

74

верженія ихъ или попытки къ ихъ опроверженію“. Выше сказанное дѣйствительно неоспоримо; подобное знаніе можетъ считаться достаточнымъ для такого предмета какъ математика, гдѣ о ложныхъ спорныхъ сторонахъ вопроса вообще ничего не остается сказать. Особенность доказательства математическихъ истинъ состоитъ именно въ томъ, что все основанія доказательствъ находятся на одной сторонѣ. Здѣсь не встрѣчается никакихъ возраженій и никакихъ отвѣтовъ на возраженія. Но во всѣхъ прочихъ вопросахъ, которые могутъ порождать различіе во мнѣніяхъ, истина зависитъ отъ обсужденія двухъ сторонъ спорныхъ доказательствъ. Даже въ естественныхъ наукахъ всегда возможно какое-либо различное толкованіе по одному и тому же вопросу, (напр., теорія вращенія земли или солнца, флогистическое начало вмѣсто кислорода) и является необходимость доказать почему эта, а не иная теорія будетъ истинною. До тѣхъ же поръ, пока намъ не будетъ доказано и пока мы не будемъ знать основаній этого доказательства, мы не можемъ понимать тѣхъ основаній, на которыхъ построено наше собственное сужденіе. Если же мы обратимся къ несравненно болѣе сложнымъ вопросамъ, къ вопросамъ касающимся нравственности, религій, политики, къ вопросамъ, касающимся общественнаго быта людей и къ повседневнымъ житейскимъ дѣламъ, то окажется, что три четверти приводимыхъ въ пользу спорнаго мнѣнія доводовъ состоятъ изъ возраженій на предложенныя мнѣніемъ основанія противоположнаго мнѣнія. Объ одномъ изъ величайшихъ древнихъ ораторовъ преданіе гласитъ, что онъ всегда изучалъ доводы своего противника съ такою же, если даже не съ большею тща-

тельность, съ какою онъ изучалъ и свои собственные доводы. То средство, къ которому Цицеронъ прибѣгалъ какъ къ юридическому приему для достиженія успѣха на судѣ, должно служить примѣромъ, достойнымъ подражанія для всѣхъ тѣхъ, которые занимаются изслѣдованіемъ какого-либо вопроса съ цѣлью достиженія истины. Тотъ, кто знаетъ вопросъ лишь съ одной своей собственной точки зрѣнія, тотъ еще слишкомъ далекъ отъ знанія этого вопроса. Можетъ случиться, что его доводы окажутся вполне удовлетворительными и весьма возможно, что никто не будетъ въ состояніи ихъ опровергнуть, но если онъ самъ точно также не будетъ въ состояніи опровергнуть доводовъ противной стороны, или же если онъ вовсе не знаетъ въ чемъ заключаются эти доводы, то у него не будетъ никакихъ основаній къ тому, чтобы отдать предпочтеніе какому-либо одному изъ мнѣній. Тогда будетъ благоразумнѣе воздержаться вовсе отъ какого-либо личнаго сужденія и если онъ этимъ не удовольствуется, то пусть подчинится какому-либо авторитету или же, какъ это вообще случается съ большинствомъ людей, пусть онъ склонится на ту сторону, къ которой онъ имѣетъ наибольшее влеченіе. Недостаточно также, если человѣкъ будетъ выслушивать доводы противной стороны въ изложеніи своихъ же руководителей при ихъ личномъ освѣщеніи вопросовъ и въ связи съ тѣми возраженіями, которыя дѣлаютъ эти же руководители. Слѣдуя этому пути, онъ не можетъ вполне безпристрастно отдать справедливость подобнымъ доказательствамъ и усвоить ихъ надлежащимъ образомъ своимъ собственнымъ умомъ. Эти доводы должно выслушивать только отъ людей, которые дѣйствительно въ нихъ вѣруютъ, которые от-

станвають ихъ съ глубокимъ убѣжденіемъ и употребляютъ для этого все свое стараніе. Эти доводы слѣдуетъ познать въ ихъ наиболѣе вѣроятной и самой доказательной формѣ; должно ощутить всю степень трудности, какую предстоитъ встрѣтить и побороть при правильной постановкѣ вопроса; иначе никогда на самомъ дѣлѣ нельзя овладѣть вполне тою долею истины, которая явно сама собою выстушаетъ при встрѣчѣ съ обсуждаемымъ сложнымъ вопросомъ и разрѣшаетъ его.

Изъ ста человѣкъ такъ называемыхъ ученыхъ людей девятию девять находятся въ подобныхъ условіяхъ, притомъ даже и такихъ людей, которые были бы въ силахъ свободно и убѣдительно отстаивать свои убѣжденія. Ихъ выводы могутъ оказаться правильными, но могутъ быть и ошибочными, такъ какъ сами они не имѣютъ положительныхъ данныхъ для доказательства вѣрности своихъ же собственныхъ убѣжденій. Они никогда не обсуждали спорныхъ вопросовъ съ точки зрѣнія своихъ противниковъ; никогда не принимали во вниманіе доводы, которые эти противники могли бы противопоставить въ опроверженіе ихъ убѣжденіямъ, и вслѣдствіе этого они, строго говоря, вовсе сами не знакомы съ тѣмъ ученіемъ, послѣдователями котораго они себя признаютъ. Для нихъ остаются неизвѣстны тѣ стороны ученія, которыя служатъ поясненіемъ и подтвержденіемъ остальныхъ сторонъ этого ученія, т. е. соображенія, изъ которыхъ явствуетъ, что факты, находящіеся повидимому въ противорѣчій другъ съ другомъ, совершенно совмѣстимы, или же тѣ соображенія, посредствомъ которыхъ можно узнать почему изъ двухъ, повидимому одинаково сильныхъ, доводовъ, одно заслуживаетъ предпочтеніе передъ другимъ. Вся

та часть истины, которая служитъ противовѣсомъ ихъ мнѣнію и которая служитъ мѣриломъ для сужденія каждому уму, вполнѣ освоившемуся съ обсуждаемымъ предметомъ, остается для нихъ вовсе неизвѣстною; и въ дѣйствительности именно эта часть истины становится ясною лишь для того, кто одинаково безпристрастно принималъ во вниманіе доводы обѣихъ сторонъ и стремился узрѣть при полномъ освѣщеніи доводы какъ той, такъ и другой стороны. Соблюденіе этого условія столь важно для каждого помогающагося истиннаго пониманія нравственныхъ и житейскихъ вопросовъ, что во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда истины первоепенной важности не подвергаются панадкамъ противниковъ, то необходимо создавать для нихъ воображаемыхъ противниковъ, надѣляя этихъ противниковъ самыми сильными доводами, какіе только могутъ быть противопоставлены истинѣ искуснѣйшимъ изъ „адвокатовъ діавола“.

Если какой-нибудь противникъ свободнаго обсужденія вопросовъ, желая умалить значеніе подобнаго обсужденія, возразить на вышесказанное, что человечеству вообще вовсе нѣтъ никакой необходимости знать и понимать все то, что философы или богословы имѣютъ сказать въ пользу или противъ ихъ убѣжденій; что людямъ средняго уровня уметвеннаго развитія вовсе и нѣтъ необходимости подвергать разслѣдованію всѣ ложныя толкованія или ложныя выводы искуснаго противника; что эти люди могутъ довольствоваться вполнѣ уже и тѣмъ, если найдется кто-либо другой, кто будетъ въ состояніи всегда дать отпоръ возникшимъ недоразумѣніямъ, ради того чтобы ничто, могущее способствовать ложному истолкованію людей несвѣду-

щихъ, не оставалось безъ опроверженія; что люди обыкновеннаго ума могутъ вполне довольствоваться тѣми очевидными разъясненіями основныхъ доводовъ истины, которыя находятъ нужнымъ имъ истолковывать, и что во всемъ остальномъ они должны довѣряться мнѣнію авторитетныхъ лицъ, памятуя, что сами они не обладаютъ ни достаточнымъ запасомъ знанія, ни способностью разрѣшать каждое могущее зародиться недоразумѣніе и, сверхъ того, успокоивая себя увѣренностью, что все вопросы, которые могли бы возникнуть, уже были или могутъ быть разрѣшены только тѣми лицами, которыя спеціально подготовлены для выношенія подобной задачи.

Но даже, если мы согласимся взглянуть на вопросъ съ точки зрѣнія тѣхъ, кто довольствуется наименьшимъ требованіемъ по отношенію къ тому пониманію истины, на которомъ это требованіе должно бы быть основано, то и въ такомъ случаѣ все-таки вовсе не умалится значеніе аргумента въ пользу свободы слова, такъ какъ сами люди, придерживающіеся вышеупомянутаго взгляда, признаютъ, что человѣкъ долженъ имѣть разумную увѣренность въ томъ, что все возраженія, какія могутъ быть приведены противъ даннаго убѣжденія, уже были удовлетворительно опровергнуты. Но, спрашивается, какимъ же образомъ они могли быть опровергнуты, если то, что требуетъ отвѣта, не можетъ быть открыто высказываемо? Или: можетъ ли возраженіе считаться удовлетворительнымъ, если противники лишены возможности доказать, что они не удовлетворены этимъ возраженіемъ? Если не представители общества, то хотя бы философы и богословы, которые обязаны разрѣшать замысловатые вопросы, должны быть

ознакомлены съ трудно-разрѣшимыми вопросами въ ихъ самой запутанной формѣ; а эта задача можетъ быть выполнена не иначе какъ только при условіи, если эти трудно-разрѣшимые вопросы будутъ предъявлены свободному обсужденію и представлены въ самомъ выгодномъ для нихъ освѣщеніи. Католическая церковь придерживается особаго способа для выхода изъ этого затруднительнаго положенія. Она дѣлаетъ рѣзкое различіе между тѣми людьми, которымъ можетъ быть дозволено воспринимать ея ученіе на основаніи внутренняго убѣжденія, и тѣми, которые обязаны слѣпо воспринимать это ученіе на вѣру. Ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ, однако, не допускается никакой свободы выбора чему именно изъ этого ученія они согласны вѣрить—чему нѣтъ; но духовенству, по крайней мѣрѣ тѣмъ его представителямъ, къ которымъ питается особенное довѣріе, не только дозволяется, но даже ставится въ заслугу ознакомленіе съ доводами противниковъ, въ тѣхъ видахъ, чтобы они были въ состояніи возражать имъ; на этомъ основаніи этимъ лицамъ разрѣшается чтеніе еретическихъ книгъ; свѣтскія же лица могутъ читать такія книги лишь съ особаго, съ трудомъ добываемаго, разрѣшенія. На основаніи этихъ правилъ ознакомленіе съ доводами противниковъ признается полезнымъ для руководителей, но на основаніи этихъ же правилъ подобное ознакомленіе считается недозволеннымъ для всѣхъ прочихъ лицъ. Такимъ образомъ, предоставляется избраннымъ лицамъ болѣе широкое поприще для умственной культуры, но въ то же время имъ не дается болѣе умственной свободы, чѣмъ какою пользуется народная масса людей. Благодаря этому способу, церковь получаетъ возможность обезпечить

себѣ тотъ родъ умственнаго превосходства, который ей нуженъ для ея цѣлей, и хотя одно образованіе безъ свободы никогда не въ состояніи способствовать развитію широкихъ и независимыхъ умовъ, то оно все-таки можетъ создать *nisi-prius* умнаго адвоката дѣла. Въ странахъ, исповѣдующихъ протестантскую религію, отсутствуетъ это вспомогательное средство, такъ какъ протестанты, по крайней мѣрѣ въ теоріи, держатся того мнѣнія, что отвѣтственность при выборѣ религіи должна падать на самого избирающаго ее, а не на руководителей даннаго лица. Сверхъ того, при нашихъ теперешнихъ условіяхъ жизни, на практикѣ оказывается немыслимо, чтобы сочиненія, которые читаются образованными людьми, не могли бы попадать въ руки людей неразвитыхъ. Если вообще признается что просвѣтителіи человѣчества должны быть свѣдущи по всеѣмъ отраслямъ знанія, то необходимо также допускать свободу писать и печатать все безъ всякихъ ограниченій.

Если бы, однако, зловредныя послѣдствія стѣненія свободнаго обсужденія—въ тѣхъ случаяхъ, когда излагаемая мнѣнія правильны—ограничивались лишь тѣмъ, что люди оставались бы въ невѣдѣніи относительно основанія этихъ мнѣній, то можно было бы назвать это лишь умственнымъ, а не нравственнымъ зломъ и, слѣдовательно, не касающимся качества этихъ мнѣній по отношенію ихъ вліянія на нравственность людей. На самомъ же дѣлѣ оказывается, что при отсутствіи свободы обсужденія остаются выясненными не только основы извѣстныхъ убѣжденій, но даже весьма часто и значеніе самого убѣжденія. Слова, которыми выражаются мнѣнія, уже не порождаютъ по-

выхъ идей, или возбуждаютъ въ слабой лишь степени тѣ понятія объ извѣстномъ убѣжденіи, которыя они первоначально выражали собою. вмѣсто яркаго представленія о вопросѣ и живаго вѣрованія остается лишь нѣсколько вкоренившихся въ силу привычки фразъ; или же, если и остается какая нибудь частица убѣжденія, то лишь его наружная оболочка, одно лишь понятіе объ немъ, тогда какъ содержимое — самая суть этого убѣжденія совершенно утрачивается. Та значительная часть исторіи человѣчества, въ которой этотъ фактъ занимаетъ столь выдающееся мѣсто, настоятельно требуетъ серьезнаго изслѣдованія и вызываетъ на размышленія.

Почти во всѣхъ этическихъ ученіяхъ и религіозныхъ вѣрованіяхъ можно прослѣдить вліяніе этого факта. Эти ученія и религіозныя вѣрованія преисполнены значенія и жизненной силы для самихъ создавшихъ ихъ и для непосредственныхъ ихъ учениковъ. Значеніе этихъ ученій проявляется съ неослабною силой и даже еще болѣе явственно пока длится борьба, заканчивающаяся побѣдою одного ученія или вѣрованія надъ другими такими же ученіями. Въ концѣ концовъ извѣстное ученіе или становится господствующимъ и превращается въ обще-признанное убѣжденіе, или же ходъ развитія его приостанавливается; оно завладѣваетъ отвоеванной имъ почвой, но прекращаетъ свое дальнѣйшее распространеніе. Когда же ясно обнаруживается одно изъ этихъ явленій, то порожденная этимъ ученіемъ борьба мѣлнѣе ослабѣваетъ и, наконецъ, постепенно совсѣмъ затихаетъ. Ученіе устанавливается, обращаясь если не во всеми признаваемое убѣжденіе, то въ одну изъ тернимыхъ сектъ, или воспринимается только лишь частью.

Послѣдователи этого ученія исповѣдуютъ его преемственнымъ путемъ, а не путемъ выбора, и переходъ отъ одного изъ такихъ ученій къ другому является лишь исключительнымъ фактомъ, о которомъ исповѣдующіе это ученіе весьма мало заботятся. Послѣдователи этого ученія вмѣсто того, чтобы быть, какъ во время борьбы, постоянно готовыми отстаивать свое ученіе отъ нападокъ противниковъ или вмѣсто старанія привлечь этихъ противниковъ на свою сторону, предпочитаютъ оставаться теперь въ покоѣ и не только не выслушиваютъ, когда представляется къ тому возможность, доводовъ, высказываемыхъ противъ ихъ вѣрованій, но и не даютъ себѣ труда склонять иновѣрцевъ (если бы такіе нашлись) своими доводами на свою сторону. Именно съ этого времени обыкновенно можно прослѣдить начало упадка жизненной силы извѣстнаго ученія. Часто проповѣдники различныхъ ученій сѣтуютъ на трудность пробужденія въ умахъ вѣрующихъ живаго пониманія истины, признающихъ ее лишь по названію, такого пониманія, которое бы проникало въ ихъ чувства и пріобрѣтало бы дѣйствительно господствующее вліяніе на ихъ поведеніе въ жизни. Подобныя сѣтованія, однако, никогда не раздаются пока извѣстное вѣрованіе продолжаетъ еще борьбу за свое существованіе; тогда даже и слабѣйшіе борцы знаютъ и чувствуютъ, за что они борются и въ чемъ состоитъ различіе между ихъ ученіемъ и ученіемъ другихъ. Въ такіе періоды борьбы каждаго вѣрованія встрѣчается не малое число людей, которые подвергнувъ тщательному обсужденію основы этого вѣрованія, всесторонне взвѣшиваютъ главный смыслъ его толкованій и проявляютъ примѣръ того вліянія, которое

вѣра въ извѣстное ученіе всегда проявляетъ на характеръ всецѣло проникнутаго имъ ума.

Но когда извѣстное ученіе обращается уже въ преемственное вѣрованіе, которое воспринимается пассивно, а не активно, когда человѣческому уму болѣе не приходится, въ такой степени какъ прежде, прилагать всю силу свою для разрѣшенія вопросовъ, предъявляемыхъ его вѣрованіемъ, тогда проявляется усиливающаяся склонность людей обращать вниманіе единственно только на обрядную часть этого вѣрованія, или же только вяло и тупо соглашаться съ правилами этого ученія, какъ бы безусловно воспринимая это ученіе на вѣру и не считая нужнымъ осуществлять его ученія въ своемъ сознаніи или провѣрять его правила на личномъ опытѣ жизни, пока, наконецъ, вѣрованіе теряетъ всякую связь съ внутреннею жизнью исповѣдующаго извѣстное ученіе лица. Тогда-то проявляются въ наше время столь частые, если не общераспространенные примѣры того, что вѣрованія затрогиваютъ умы людей лишь только со виѣшней стороны, обволакивая ихъ умъ какъ бы непроницаемою броней, ограждающею мыслящія способности людей отъ всякихъ иныхъ чувствъ, способныхъ дѣйствовать на высшія стремленія человѣческой природы: свою власть надъ человѣкомъ это слѣное вѣрованіе обнаруживаетъ лишь въ томъ, что зорко охраняетъ его отъ свѣжаго и живительнаго слова убѣжденія, ничего не давая съ своей стороны ни для его ума, ни для его сердца и ограничиваясь лишь тѣмъ, что стоитъ какъ бы на стражѣ, чтобы сохранить въ нихъ подлѣйшую пустоту мысли и чувства.

Примѣромъ того, до какой степени ученія, по своимъ внутреннимъ свойствамъ способныя оказывать глубочайшее вліяніе на умы людей, могутъ обращаться въ

слѣдную вѣру, нѣсколько уже не способствуя развитію ни воображенія, ни ума, ни разсудка людей, можетъ служить фактъ, какъ большинство вѣрующихъ относится къ христіанскому ученію. Подъ словомъ христіанство я разумѣю здѣсь то, что называютъ христіанствомъ всѣ церкви и секты: всѣ заключающіяся въ Новомъ Заветѣ правила и предначертанія. Эти правила и предначертанія почитаются священными и признаются за законъ всѣми исповѣдующими христіанскую религію. Но почти нѣсколько не преувеличивая можно сказать, что изъ тысячи христіанъ не найдется и одного, который бы руководствовался этими законами въ своемъ личномъ образѣ жизни и примѣнялъ ихъ къ дѣйствительной жизни; образъ жизни у нихъ сообразуется съ обычаями ихъ страны, ихъ класса общества или съ общепринятыми обрядами ихъ вѣроисповѣданія. Такимъ образомъ, въ умѣ у людей накапливается, съ одной стороны, множество этическихъ правилъ, которыя, по ихъ мнѣнію, даны имъ Премудрымъ Провидѣніемъ въ видѣ руководства для ихъ поведенія въ жизни, а съ другой—цѣлый рядъ обиходныхъ сужденій и практическихъ совѣтовъ, которыя до извѣстной степени согласуются съ нѣкоторыми изъ этическихъ правилъ, съ нѣкоторыми же согласуются сравнительно меньше, а еще съ нѣкоторыми находятся въ прямомъ противорѣчій; въ общемъ же эти правила играютъ роль компромиссовъ между христіанской этикой и требованіями мірской жизни. Первымъ изъ этихъ правилъ люди оказываютъ глубочайшее благоговѣніе, но послѣдними изъ нихъ они въ дѣйствительности всецѣло руководствуются въ жизни. Каждый христіанинъ вѣритъ тому, что благословенны всѣ немущіе, смиренные духомъ

и всё тѣ, которымъ трудно живется на свѣтѣ; что легче верблюду пройти чрезъ игольное ушко, нежели богатому попасть въ Царствіе Небесное, что не должно судить другихъ, дабы не быть самимъ судимымъ; что не должно божиться; что должно любить ближняго какъ самого себя; что тому, кто взялъ у насъ верхнюю одежду, мы должны отдать и свой кафтанъ; что не надо заботиться о завтрашнемъ днѣ, что если мы хотимъ быть совершенными, то должны продать все свое имущество и раздать бѣднымъ. И дѣйствительно, люди вполне искренни, когда утверждаютъ, что вѣруютъ во все вышеприведенное. Они дѣйствительно вѣруютъ въ эти правила такъ, какъ люди вообще вѣрятъ во все то, что постоянно только превозноситея и что никогда не подвергается обсужденію или опроверженію. Въ смыслѣ же той живой вѣры, которая должна служить руководительницею всѣхъ ихъ поступковъ, то люди вѣрятъ въ эти ученія лишь постолько, поскольку это имъ удобно для примѣненія ихъ къ дѣйствительной жизни. Взятыми же во всей своей неприкосновенности, этими правилами пользуются лишь какъ орудіями въ борьбѣ съ противниками. Къ нимъ прибѣгаютъ (когда это бываетъ удобно) какъ къ доказательствамъ правильности какого-либо поступка, въ тѣхъ случаяхъ, когда люди совершаютъ что либо дѣйствительно достойное похвалы. Но если кто либо вздумалъ бы напомнить такимъ людямъ, что эти правила предъявляютъ безчисленное множество требованій, о выполненіи которыхъ на дѣлѣ никто и не помышляетъ, то этимъ достигъ бы только того, что прослылъ бы однимъ изъ тѣхъ ненавистныхъ обществу людей, которые ставятъ себя въ силу своего кажущагося имъ нравственнаго превосходства на ка-

кую-то недосыгаемую высоту, недоступную для остальных людей. Вѣрующіе уже не проникаются всецѣло духомъ христіанскаго ученія; оно не въ силахъ волновать ихъ души. Они питаютъ вкоренившееся по привычкѣ уваженіе къ словамъ этихъ ученій, но не питаютъ того чувства, которое, исходя отъ словъ къ ихъ отвлеченному смыслу, завладѣваетъ умомъ и руководитъ всѣми поступками въ жизни. Всегда, когда вопросъ коснется образа ихъ поведенія, люди начинаютъ оглядываться на г-на А, на г-на Б, чтобы позаимствоваться отъ нихъ указаніями того, какъ далеко они сами могутъ простирать свое слѣдованіе ученію Христа.

Мы можемъ быть увѣрены въ томъ, что настроеніе духа во времена первыхъ христіанъ было совершенно иное, нежели въ настоящее время. Если бы оно было въ дѣйствительности таковымъ какъ въ настоящее время, то никогда христіанство, исходя изъ среды незначительной секты всѣми презираемыхъ евреевъ, не могло бы достигъ того широкаго распространенія, какого оно достигло во времена Римской Имперіи. Въ тѣ времена, когда сами враги христіанства въ изумленіи замѣчали: „Какъ должна быть сильна любовь, которую христіане питаютъ другъ къ другу!“ (Замѣчаніе, которое весьма рѣдко удается услышать въ наше время), въ тѣ времена, безъ всякаго сомнѣнія, христіане были проникнуты столь глубокимъ чувствомъ къ значенію ихъ вѣрованія, какое едва-ли когда либо проявлялось у нихъ съ тѣхъ поръ. И этотъ фактъ, по всей вѣроятности, служить объясненіемъ причины, почему успѣхи распространенія христіанскаго ученія столь незначительны въ настоящее время и почему и понынѣ, не смотря на протекшія уже восемнадцать

столѣтій, ученіе это господствуетъ лишь среди европейскихъ народовъ. На чувства даже людей строгаго религіозныхъ, относящихся къ ученіямъ своей вѣры въ высшей степени добросовѣстно и придающихъ многимъ изъ правилъ христіанской религіи гораздо большее значеніе, нежели другіе люди, вліяетъ значительно сильнѣе именно та сторона ученія, которую они воспринимаютъ изъ толкованій ученія Христа Кальвиномъ, Ноксомъ и вообще такими лицами, которыя по характеру своихъ толкованій приближаются къ ихъ понятіямъ. Ихъ чувства проникаются ученіями Самаго Христа лишь пассивно, производя на этихъ людей лишь впечатлѣніе преисполненныхъ необычайной кротости и любви ко всему человѣчеству весьма краснорѣчивыхъ словъ. Существуетъ много причинъ для объясненія факта почему нѣкоторыя секты, отличающіяся особыми, свойственными исключительно имъ ученіями, сохраняютъ больше жизненной силы, нежели общепринятія ученія, и почему проповѣдники первыхъ употребляютъ больше стараній для поддержанія этихъ ученій, нежели проповѣдники послѣднихъ. Одна изъ такихъ причинъ несомнѣнно кроется именно въ томъ, что отличающіяся какими либо особыми ученіями секты возбуждаютъ больше разногласія во мнѣніяхъ среди людей, сомнѣвающихся въ правильности ихъ ученія, влѣдетвіе чего приверженцамъ этихъ ученій чаще приходится защищать ихъ отъ нападковъ противниковъ этихъ сектъ—быть на сторожѣ; всѣмъ же извѣстно, что какъ проповѣдники извѣстнаго ученія, такъ и ихъ ученики часто засыпаютъ на своемъ посту, если не видятъ врага вблизи своего лагеря.

Сказанное одинаково примѣнимо, говоря вообще, и ко всеѣмъ прочимъ установившимся по традиціи ученіямъ,— какъ къ правиламъ практической жизни, такъ и къ ученіямъ о нравственности или религіи. На всеѣхъ языкахъ и въ литературѣ всеѣхъ странъ свѣта можно встрѣтить множество общихъ разсужденій и поученій, касающихся различныхъ условій жизни: о томъ, что такое жизнь и какъ человѣкъ долженъ вести себя въ жизни, разсужденія, которыя извѣстны каждому, повторяются каждымъ изъ насъ съ полнымъ сочувствіемъ къ нимъ и которыя считаются за несомнѣнныя истины, но настоящее значеніе которыхъ вполнѣ постигается людьми не иначе какъ въ тѣхъ случаяхъ, когда опытъ, обыкновенно очень горькій, раскрываетъ людямъ глаза на дѣйствительность жизни. Часто случается наблюдать какъ человѣку, застигнутому какимъ либо несчастьемъ или разочаровавшемуся въ чемъ либо, воспоминается какое либо поучительное правило, знакомое ему еще съ самаго дѣтства, но истинное значеніе котораго стало доступно его разумѣнію лишь въ данную минуту, а не раньше, когда это житейское правило могло, быть можетъ, еще послужить ему предостереженіемъ чтобы уберечься отъ постигшей его бѣды. Въ этихъ случаяхъ играютъ роль и другія обстоятельства: есть много такихъ истинъ, настоящее значеніе которыхъ не можетъ быть вполнѣ нами усвоено, до тѣхъ поръ, пока не явится намъ на помощь личный опытъ. Тѣмъ не менѣе значеніе такихъ истинъ стало бы гораздо понятнѣе, человѣку, и, однажды уже понятое, глубже запечатлѣлось бы въ умѣ, если бы люди имѣли возможность слышать доводы за и противъ извѣстнаго убѣжденія и притомъ выраженные людьми вполнѣ свѣду-

щими. Только роковой склонности людей вовсе не подвергать анализу тѣ вопросы, которые считаются бесспорными, можно приписать значительную долю господствующих заблуждений. Невольно вспоминается при этомъ мѣткое выраженіе одного современнаго писателя, указавшаго на „глубокій сонъ, въ который впадаетъ нѣкътъмъ неоспариваемое и предрѣшенное мнѣніе“.

Могутъ, однако, задать вопросъ: почему же именно разногласіе мнѣній по какому либо вопросу является необходимымъ условіемъ истиннаго познанія его? Неужели необходимо, чтобы нѣкоторые люди пребывали въ заблужденіи ради того, чтобы другіе люди могли вполнѣ усвоить извѣстную истину? Неужели истина утрачиваетъ все свое значеніе для человѣчества, коль скоро она становится общепризнанной, и неужели какая либо истина никогда не можетъ быть вполнѣ понята и усвоена людьми иначе, какъ если будетъ въ ихъ умахъ оставаться какое либо сомнѣніе относительно правильнаго ея значенія?

Неужели люди утрачиваютъ вѣру въ извѣстную истину, какъ только эта истина единодушно воспринимается всѣмъ человѣчествомъ? До сихъ поръ полагали, что высшая цѣль и наилучшіе результаты высшаго умственнаго развитія состоятъ въ томъ, чтобы путемъ убѣжденія открыть людямъ тайну великихъ истинъ; неужели же это правило имѣетъ значеніе лишь до того времени пока достигнетъ своей цѣли? Неужели плоды побѣды утрачиваютъ свое значеніе, когда эта побѣда окончательно достигнута?

Я съ своей стороны весьма далека отъ подобнаго утвержденія. По мѣрѣ того, какъ человѣческій родъ будетъ двигаться впередъ по пути прогресса, вмѣстѣ

съ тѣмъ будетъ увеличиваться и число неоспоримыхъ и несомнѣнныхъ ученій и мѣриломъ благосостояннiя челоуѣчества можетъ до извѣстной степени служить число и важность истинъ, ставшихъ уже неоспоримыми. Прекращенiе серьезныхъ споровъ по какимъ либо вопросамъ является прямымъ слѣдствiемъ окончательнаго упроченiя извѣстнаго мнѣнiя—упроченiя, которое называется столь же благотворнымъ, когда вопросъ идетъ о правильномъ мнѣнiи, сколь опаснымъ и вреднымъ по отношенiю ложныхъ мнѣнiй. Но хотя такое постепенное сближенiе границъ разногласiя во мнѣнiяхъ вдвойнѣ полезно, будучи въ одно и то же время неизбѣжнымъ и крайне необходимымъ условiемъ прогресса, мы все-таки не обязаны изъ этого выводить заключенiе, что все безъ исключенiя послѣдствiя такого сближенiя этихъ границъ должны быть всегда благотворны. Такъ какъ необходимость разъясненiя извѣстной истины или необходимость защищать ее отъ возраженiй противной стороны является значительнымъ вспомогательнымъ средствомъ къ ясному, живому пониманiю и усвоенiю ее, то лишенiе этого средства хотя сравнительно съ благотворнымъ значенiемъ всеобщаго признанiя имѣетъ въ данномъ случаѣ значенiе второстепенное, но тѣмъ не менѣе оно является далеко не ничтожнымъ препятствiемъ къ распространенiю этой истины. Въ тѣхъ случаяхъ, когда этого преимущества уже не существуетъ, я, долженъ сознаться, предпочелъ бы, чтобы руководители челоуѣчества старались позаботиться о средствѣхъ для замѣны его, о какой либо мѣрѣ, которая способствовала бы ясному представленiю въ умѣ изучающаго извѣстное ученiе всѣхъ тѣхъ спорныхъ его пунктовъ, которые могли бы возникнуть, если бы ему пришлось отражать

нападки ревностнаго противника, пытающагося убѣдить его въ необходимости отреченія отъ извѣстнаго ученія.

Но вмѣсто того, чтобы прибѣгать къ подобному способу разслѣдованія истины, руководители человечества утратили и тѣ способы, къ которымъ прибѣгали въ прежнія времена. Подобнаго рода мѣрой разслѣдованія истины служила діалектика Сократа, примѣры которой столь превосходно изобразилъ въ своихъ діалогахъ Платонъ. Діалектика Сократа заключалась, главнымъ образомъ, въ обсужденіи всѣхъ великихъ вопросовъ философіи и жизни съ отрицательной ихъ стороны, и съ особымъ искусствомъ направлялась къ тому, чтобы убѣдить каждаго, безосознательно усвоившаго себѣ лишь одно общее понятіе объ извѣстномъ признанномъ ученіи, въ томъ, что онъ еще не понялъ предмета, что онъ еще не усвоилъ себѣ опредѣленнаго взгляда на ученіе, котораго онъ до сихъ поръ придерживался; все это дѣлалось съ цѣлью довести человѣка до сознанія имъ его невѣдѣнія, и сдѣлать его способнымъ достигъ твердаго и яснаго пониманія какъ значенія самаго ученія, такъ и основаній, на которыхъ оно построено. Существовавшіе въ средніе вѣка школьные диспуты преслѣдовали почти подобную же цѣль. Назначеніе этихъ диспутовъ состояло въ томъ, чтобы имѣть возможность убѣждаться въ томъ, что ученикъ понимаетъ истинное значеніе своего собственнаго мнѣнія и (въ связи съ этимъ пониманіемъ) противоположнаго ему мнѣнія, и что онъ въ состояніи поддерживать доводы своего мнѣнія и опровергнуть доводы своего противника. Упомянутые диспуты страдали, однако, отъ одного весьма важнаго уищенія, заключавшагося именно въ томъ, что посылки ихъ опирались

на авторитетахъ, а не на указаніяхъ разума; въ отношеніи же пользы эти пренія, какъ средство для упражненія ума, во всѣхъ отношеніяхъ стояли ниже тѣхъ столь замѣчательныхъ діалоговъ Сократа, которые способствовали образованію умовъ *Socratici viri* (Сократовыхъ мужей). Наше нынѣшнее направленіе умовъ, однако, обязано своимъ развитіемъ и тѣмъ и другимъ способамъ веденія диспутовъ въ гораздо большей степени, чѣмъ это обыкновенно признается, но наша теперешняя система образованія не заключаетъ въ себѣ ничего существеннаго, что бы хотя въ самой малѣйшей степени равнялось по своему значенію подобнымъ системамъ веденія диспутовъ. Тотъ, кто почерпаетъ всѣ свои познанія отъ наставниковъ и изъ книгъ, даже если ему удастся избѣжать пагубнаго соблазна довольствоваться для развитія своего ума простымъ зубреніемъ фактовъ безъ должнаго ихъ пониманія, все-таки не имѣетъ никакого побужденія подвергать свой умъ благотворному вліянію обсужденія спорныхъ вопросовъ съ двухъ противоположныхъ сторонъ; поэтому даже среди мыслителей нашего времени весьма рѣдко можно встрѣтить людей, которые бы пользовались преимуществомъ быть безпристрастными судьями двухъ противоположныхъ ученій; и тѣ даншыя, которыя люди при отстаиваніи своего мнѣнія приводятъ въ видѣ отвѣта на нападки противника, большею частью составляютъ самую слабую часть ихъ возраженій. Въ наше время вошло какъ бы въ обычай относиться съ пренебреженіемъ къ отрицательной логикѣ, способствующей разъясненію слабыхъ сторонъ теорій или заблужденій, относящихся къ практической жизни, но не устанавливающей никакихъ положительныхъ истинъ. Подобная

отрицательная критика безъ сомнѣнія оказалась бы дѣйствительно слишкомъ скудною, чтобы служить конечною цѣлью изученія, но какъ средство для достиженія какого-либо положительнаго знанія или убѣжденія, достойныхъ этого названія, ее слѣдуетъ цѣнить весьма высоко. И до тѣхъ поръ, пока люди не станутъ какъ въ былыя времена систематически упражняться въ умѣнии пользоваться такой критикой, до тѣхъ поръ у насъ будетъ весьма мало великихъ мыслителей и средней уровень умственного развитія людей будетъ весьма низокъ, за исключеніемъ развѣ области умозрительныхъ наукъ—математики и физики. Ни одно мнѣніе къмъ либо выраженное по какому-либо предмету, за исключеніемъ умозрительныхъ наукъ, не можетъ быть принято за знаніе предмета, если онъ самъ или кто-либо другой не заставилъ его подвергнуть это мнѣніе такому же умственному процессу разслѣдованія, которому онъ вынужденъ былъ бы подвергнуться, если бы ему пришлось вступить въ дѣятельную борьбу отстаиванія своихъ мнѣній отъ противниковъ его взглядовъ. И не поступаемъ ли мы болѣе чѣмъ безразумно, когда пренебрегаемъ такимъ средствомъ, которое должно было бы быть непременно изобрѣтено, если бы оно не существовало, и изобрѣтеніе котораго столь трудно, между тѣмъ какъ это средство само собой предлагается къ нашимъ услугамъ? Если же находятся люди, которые борются за принятое мнѣніе или согласны начать эту борьбу, лишь только это разрѣшать имъ законъ или общественное мнѣніе, то мы должны относиться къ такимъ людямъ съ благодарностью, должны вслушиваться въ ихъ слова и радоваться тому, что есть люди, которые дѣлаютъ за насъ то, что, при

нныхъ условіяхъ мы только съ большими затрудненіями вынуждены были бы сами исполнить, и если только мы сколько-нибудь дорожимъ установленіемъ истинности и жизненности нашихъ убѣжденій.

Намъ остается еще говорить объ одной изъ тѣхъ главныхъ причинъ, благодаря которымъ различія во мнѣніяхъ оказываютъ такую несомнѣнную пользу человечеству и будутъ впредь оказывать ее, пока человечество не достигнетъ той степени уметвеннаго прогресса, отъ которой оно въ настоящее время еще сличкомъ далеко. До сихъ поръ мы разсмотрѣли только двѣ стороны разбираемаго нами вопроса; одна сторона: когда существующее мнѣніе ложно и когда, слѣдовательно, другое, противоположное — правильно; или же существующее мнѣніе правильно, но для болѣе яснаго его пониманія и съ цѣлью глубже проникнутья истиной, существенно необходима борьба съ заблужденіями противника. Но встрѣчаются и менѣе сложные случаи, нежели упомянутые выше, т. е. случаи, когда изъ двухъ спорящихъ изъ за извѣстнаго ученія сторонъ ни одна не можетъ быть признанной ни безусловно правой, ни безусловно ошибочной, а доля справедливости находится на обѣихъ сторонахъ; въ этихъ случаяхъ разногласіе во мнѣніяхъ является необходимымъ условіемъ для полнаго достиженія истины, для пополненія той части истины, которая заключается въ принятомъ мнѣніи. Обычныя ходячія мнѣнія по вопросамъ, не легко поддающимся анализу чувствъ, часто бываютъ правильны, но рѣдко или почти никогда не заключаютъ въ себѣ всей доли истины. Они заключаютъ въ себѣ только часть истины, иногда большую, иногда меньшую, но преувеличенную, извращенную и оторванную

отъ тѣхъ истинъ, которыми они должны быть всегда сопутствуемы и ограничиваемы. Съ другой стороны, еретическія мнѣнія часто содержатъ въ себѣ именно нѣкоторыя изъ этихъ преслѣдуемыхъ и нецризнанныхъ истинъ, освободившихся во мнѣніяхъ еретиковъ отъ узъ, которыя на нихъ налагаютъ, и стремящихся или слиться воедино съ общепринятыми мнѣніями или враждебно вступившихъ съ ними въ борьбу съ меньшимъ, нежели само господствующее мнѣніе, пристрастіемъ выдавать себя за неоспоримую истину. Случаи послѣдняго рода и по нынѣ наблюдаются весьма часто, такъ какъ односторонность ума человѣческаго можно принять за общее правило, многосторонность же — за исключеніе изъ правила. Поэтому во время какихъ либо сильныхъ переворотовъ, совершавшихся въ общепринятыхъ людскихъ мнѣніяхъ, обыкновенно уровень извѣстной части истины какъ бы понижался, тогда, когда уровень другой части повышался. Даже самый прогрессъ, который казалось-бы долженъ способствовать поднятію уровня истины, на самомъ дѣлѣ большею частью только замѣняетъ одну пристрастную неполную истину другою такою же, причемъ улучшеніе заключается главнымъ образомъ лишь въ томъ, что ощущается большая потребность въ этой новой частицѣ истины, отвѣчающей условіямъ даннаго времени болѣе, нежели та, которую вытѣсняетъ время. Но если таковы свойства односторонняго характера господствующихъ мнѣній, даже укрѣпившихся на правильныхъ основахъ, то и каждое мнѣніе, которое воплощаетъ въ себѣ хотя бы частицу истины, уцѣлennую изъ вида общепринятымъ мнѣніемъ, должно считаться цѣннымъ, даже и въ томъ случаѣ, если бы эта истина затемнялась значительными заблужденіями и страдала бы отъ неясности

своихъ выводовъ. Ни одинъ здравомыслящій наблюдатель жизненныхъ явленій не станетъ негодовать на тѣхъ людей, которые, направляя наше вниманіе на истины, которыхъ иначе мы сами бы не замѣтили, въ то же время упускаютъ изъ виду тѣ истины, которыя въ свою очередь замѣчены нами. Такой наблюдатель скорѣе признастъ, что до тѣхъ поръ, пока господствующее мнѣніе страдаетъ односторонностью, было бы желательнѣе, чтобы непризнанная истина имѣла бы также и своихъ пристрастныхъ защитниковъ, такъ какъ подобныя защитники оказываются обыкновенно наиболѣе энергичными и способны болѣе, чѣмъ кто-либо другой, привлекать вниманіе своихъ противниковъ именно къ тѣмъ частицамъ истины, которыя сторонники этихъ непризнанныхъ истинъ выдаютъ за всю истину.

Такъ, въ восемнадцатомъ столѣтіи, когда почти все выдающіеся ученые, а также все руководимые ими люди были погружены въ изумленіе передъ такъ называемою цивилизаціей и передъ чудесами новѣйшихъ наукъ, литературы и философіи, и слишкомъ преувеличивали отличія людей новаго времени отъ людей прежнихъ временъ, они вообразили, что все отличіе говорило въ ихъ пользу. Какое потрясающее впечатлѣніе произвели тогда парадоксы Руссо, поразившіе всехъ своею новизною; парадоксы, разразившіеся среди общества, подобно бомбамъ и разсѣявшіе крѣпко сплоченную массу одностороннихъ мнѣній, заставивъ ихъ сплотиться вновь въ обновленной, усовершенствованной формѣ, обогащенной прибавленіемъ къ нимъ новыхъ придатковъ. Нельзя при этомъ, однако утверждать, чтобы существовавшія тогда мнѣнія въ общемъ уклонялись отъ истины болѣе, чѣмъ взгляды Руссо; даже напро-

тивъ; они стояли ближе къ истинѣ; въ нихъ было больше положительной истины и гораздо меньше заблужденій. Тѣмъ не менѣе ученіе Руссо отличалось значительнымъ запасомъ именно тѣхъ истинъ, которыя отсутствовали въ господствовавшихъ до него мифіяхъ; и эти то истины образовали собой тотъ благотворный вкладъ, который принесла съ собою нахлынувшая волна обновляющаго потока. Высокое значеніе, какія для человѣка имѣютъ простота, безыскусственность жизни, и, какъ противоположное этой простотѣ,—разслабляющее и развращающее вліяніе, какое имѣютъ на людей лицемѣріе, на которомъ построена искусственная жизнь общества — суть идеи, которыя навсегда упрочились въ умахъ просвѣщенныхъ людей со времени появленія сочиненій Руссо; и съ теченіемъ времени онѣ проявятъ еще разительнѣе свое надлежащее вліяніе, хотя уже и теперь требуютъ примѣненія непосредственно на дѣлѣ, такъ какъ слова въ этомъ случаѣ уже почти утратили всю свою силу.

Въ дѣлѣ государственнаго управленія, наконецъ, обратилось уже почти въ ходячее мифіе, что соответственное существованіе партій порядка или укоренившихся правилъ, равно какъ и партій прогресса или реформъ является необходимымъ условіемъ правильнаго теченія политической жизни, но крайней мѣрѣ до того времени, когда та или другая изъ упомянутыхъ партій не расширитъ свой умственный кругозоръ настолько, что будетъ въ состояніи образовать изъ себя партію порядка и въ тоже время и прогресса, которая будетъ знать и умѣть отличать, какія именно условія государственнаго строя жизни пригодны для сохраненія и какія слѣдуетъ отбросить въ сторону. Каждая изъ этихъ

партії извлекаеть пользу для себя изъ недостатковъ миѣній другой; но въ значительной степени только лишь оппозиція другихъ миѣній удерживаеть каждое миѣніе въ предѣлахъ разума и порядка. Пока, однако, взгляды на демократію или аристократію, на собственность или равенство, на кооперацію или свободную конкуренцію, на роскошь и на воздержаніе, на социализмъ или индивидуализмъ, на свободу или подчиненность и на все другія противоположныя другъ другу стремленія практической жизни не будутъ выражаемы съ одинаковою свободою и съ одинаковыми талантомъ и энергіей защищаемы, до тѣхъ поръ едва ли возможно предположить, чтобы обоимъ началамъ была отдана въ одинаковой мѣрѣ дань справедливости; при существующихъ условіяхъ одна чаша вѣсовъ неизмѣнно будетъ опускаться, а другая — подниматься. Во всехъ важныхъ вопросахъ, касающихся практическихъ сторонъ жизни, примирительницею двухъ крайнихъ партій всегда является истина, но лишь весьма немногіе люди обладаютъ настоль обширнымъ и безпристрастнымъ умомъ, чтобы быть въ состояніи избрать даже хотя бы приблизительно вѣрный путь для этого примиренія, которое достигается лишь жестокою борьбой между враждующими сторонами. Если по одному изъ подобныхъ наиважнѣйшихъ вопросовъ одно изъ двухъ миѣній имѣеть болѣе права, нежели другое, не только на то, чтобы быть терпимымъ, но даже на то, чтобы быть поощряемымъ и поддерживаемымъ, то это, безъ сомнѣнія, будетъ то миѣніе, которое случайно въ данное время и при данныхъ условіяхъ имѣеть на своей сторонѣ наименьшее число приверженцевъ. Это будетъ именно то миѣніе, которое для данного времени яв-

ляется выразителемъ пренебрежительнаго отношенія къ интересамъ человѣчества и къ той сторонѣ человѣческаго благополучія, которой угрожаетъ опасность быть обойденной и получить меньше слѣдуемой ей доли. Я вполне сознаю, что въ Англіи гласныя обсужденія разностороннихъ мнѣній по большинству такого рода вопросовъ пользуются полною терпимостью. Эта терпимость даетъ возможность провѣрить на дѣлѣ общепринятыми и многочисленными примѣрами тотъ общій фактъ, что при существующемъ уровнѣ человѣческаго разума только благодаря различію во мнѣніяхъ людей можно надѣяться на то, что истина, одинаково освѣщенная со всѣхъ сторонъ, можетъ дѣйствительно пробить себѣ путь къ свѣту. Если находятся люди, которые составляютъ собою исключеніе въ отношеніи кажущагося единомыслія во мнѣніяхъ по какому либо вопросу, даже и въ такомъ случаѣ если не они, а общепринятое мнѣніе было бы правильно, то всегда есть нѣкоторая вѣроятность, что люди, не согласные съ обще-принятыми взглядами, все-таки имѣютъ что либо сказать съ своей стороны достойное вниманія и что окружающіе изъ ихъ устъ услышать что нибудь въ пользу истины.

На вышесказанное могутъ, конечно, сдѣлать слѣдующее возраженіе:

„Несомнѣнно, однако, что *нѣкоторыя* общепринятія основы, въ особенности касающіяся высшихъ и важнѣйшихъ жизненныхъ вопросовъ, все-таки суть не болѣе какъ полунетинны. Христіанская нравственность, на примѣръ, содержитъ въ себѣ всю истину по данному вопросу, и если кто либо станетъ проповѣдывать какое либо ученіе о нравственности, не согласующееся съ христіан-

скимъ ученіемъ, то, понятно, онъ будетъ всецѣло заблуждаться“. Такъ какъ указанный случай является однимъ изъ самыхъ важнѣйшихъ въ практической жизни, то онъ оказывается самымъ подходящимъ для проверки общаго правила. Прежде, однако, нежели говорить о христіанской нравственности, было бы желательно условиться относительно того, что именно должно разумѣть подъ выраженіемъ: христіанская нравственность.

Я вовсе не намѣренъ утверждать, что предоставленіе неограниченной свободы открыто выражать самыя разностороннія воззрѣнія на данный вопросъ непременно положило бы конецъ существованію всякихъ религіозныхъ или философскихъ сектъ. Стоитъ лишь людямъ, хотя бы самымъ недалекимъ, съ искреннимъ убѣжденіемъ начать проповѣдывать какую либо истину, чтобы эта истина обязательно вкоренилась, утвердилась и чтобы во многихъ случаяхъ примѣнилась людьми къ жизни, какъ будто иныхъ истинъ вовсе не существовало на свѣтѣ, или, по крайней мѣрѣ, какъ будто эту новую истину нельзя было бы ограничить или проверить достоинство ея прежними истинами. Я вполне сознаю, что, предоставивъ людямъ полную свободу обсуждать и выражать свои понятія касательно своихъ вѣрованій, мы этимъ несколько не способствуемъ искорененію стремленія къ сектаторству и что это стремленіе можетъ даже усиливаться и доходить вълѣдствіе этихъ столкновеній мнѣній до крайнихъ предѣловъ; причемъ истина, которая могла бы быть обнаружена, но которая осталась невыясненною, отвергается тѣмъ болѣе яростно, что она проповѣдуется противниками извѣстнаго ученія. Но это столкновеніе мнѣній обнаруживаетъ свое благотворное вліяніе не на пристрастныхъ послѣдова-

телей известнаго ученія, а на болѣе спокойныхъ и безпристрастныхъ людей. Главное зло происходитъ не отъ сильныхъ пререканій относительно отдѣльныхъ частицъ истины, но отъ послѣдовательнаго подавленія всей половины ея; всегда можно надѣяться на успѣхъ, когда люди вынуждены выслушивать обѣ стороны; заблужденія переходятъ въ предубѣжденія и сама истина утрачиваетъ значеніе истины, влѣдствіе преувеличенія обращается въ сомнительную истину, именно тогда, когда люди соглашаются выслушивать одну лишь только сторону истины. И такъ какъ умышленныя способности людей всего рѣже проявляются въ умѣннн съ юридическою точностью произнести свое сужденіе надъ тою или иною стороною вопроса въ томъ случаѣ, когда для защиты одной только изъ этихъ сторонъ имѣется на лицо защитникъ ея, то истина имѣетъ за собою шансы на успѣхъ лишь, настолько, насколько каждое толкованіе ея, каждое мнѣніе опирающееся хотя бы насколько нибудь основательныхъ доводахъ не только будутъ имѣть своихъ защитниковъ, но будутъ настоль некуено защищаемыми, что къ голосу ихъ будетъ привлечено общее вниманіе.

Выше мы уже признали необходимымъ для умышленнаго блага человечества, блага, отъ котораго зависятъ и все условія его общаго благосостоянія, чтобы люди могли пользоваться свободою мнѣній и могли свободно выражать эти мнѣнія, основывая эту необходимость на четырехъ различныхъ пунктахъ. Теперь приступимъ къ краткому повторенію этихъ основныхъ пунктовъ:

1) Запрещеніе выражать какое-либо мнѣніе не исключаетъ возможности, чтобы это мнѣніе содержало въ себѣ истину, хотя она остается намъ неизвѣстною.

Отрицать этотъ фактъ—значить признавать непогрѣшность нашего собственнаго мнѣнія.

2) Хотя бы мнѣніе, выражать которое воспрещается, будетъ ложнымъ, оно тѣмъ не менѣе можетъ содержать въ себѣ извѣстную долю истины, что дѣйствительно на самомъ дѣлѣ весьма часто случается; и такъ какъ общепринятое или господствующее мнѣніе о какомъ-либо вопросѣ весьма рѣдко или скорѣе никогда не представляетъ собою всей истины, то только благодаря столкновенію самыхъ противоположныхъ мнѣній можетъ быть возстановлена осталая доля истины.

3) Даже и въ томъ случаѣ, если въ господствующемъ мнѣніи заключается не только доля истины, но и вся истина полностью, то и въ такомъ случаѣ на эту истину, если не будетъ дозволено оспаривать ее и если она дѣйствительно не подвергается ревностному и искреннему оспариванію, большинство ея послѣдователей будетъ смотрѣть какъ бы на предразсудокъ, вѣдствіе лишь смутнаго пониманія ими разумныхъ ея основъ.

4) Сверхъ того, само ученіе можетъ вѣдствіе вышеупомянутаго запрета утратить свое значеніе, свой смыслъ; утратить животворное вліяніе на характеръ и поступки людей; можетъ стать менѣе сильнымъ, и ученіе въ такомъ случаѣ обратится въ простую формальность, утратить способность творить добро и будетъ лишь препятствовать зарожденію какихъ-либо дѣйствительно искреннихъ убѣжденій, основанныхъ на разумѣ и добытыхъ людьми изъ ихъ личнаго опыта.

Прежде, нежели я закончу изложеніе своего взгляда на свободу мнѣнія, мнѣ необходимо упомянуть о людяхъ, утверждающихъ, что свободное выраженіе вѣхъ

миѣній должно быть допущено лишь при условіи, чтобы выраженіе ихъ не переходило границъ умѣренности и оставалось бы на почвѣ безпристрастнаго разсужденія. Многое можно было бы возразить въ этомъ случаѣ, опираясь на невозможность ясно опредѣлить гдѣ именно должна быть проведена эта предполагаемая граница; если считать границей для нея нежеланіе оскорбить тѣхъ, на чьи миѣнія нападаютъ, то я полагаю, основываясь на указаніи опыта, что нападающій, если только его возраженія доказательны и вѣски, при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ всегда невольно наноситъ оскорбленіе тому, на кого онъ нападаетъ, и что на каждаго оппонента, который дѣлаетъ сильный натискъ на своихъ противниковъ и на возраженія котораго трудно отвѣчать, если только онъ близко принимаетъ къ сердцу трактуемый предметъ, обыкновенно смотрятъ какъ на человѣка впадающаго въ крайность и какъ на неводержаннаго оппонента. Но если это соображеніе можно считать весьма важнымъ съ практической точки зрѣнія, все-таки оно теряетъ свое значеніе въ сравненіи съ болѣе основательными возраженіями. Безъ всякаго сомнѣнія, способъ защищать извѣстное миѣніе, допуская даже, что оно правильно, можетъ показаться оскорбительнымъ и можетъ съ полнымъ правомъ заслуживать строгаго осужденія. Но весьма трудно уличить спорящихъ въ предосудительности извѣтнаго способа веденія споровъ, иначе, какъ если только они сами не признаются въ своей виѣ. Главнымъ же образомъ осуждается тотъ способъ, при которомъ спорящіе прибѣгаютъ къ софизмамъ, къ утаиванію фактовъ или доказательныхъ пунктовъ, къ искаженію главнаго вопроса, къ ложному истолкованію миѣнія противника. Ко всемъ

подобнымъ приемамъ, однако, хотя бы даже доведеннымъ до крайней степени, часто прибѣгаютъ люди вполне добросовѣстные, которыхъ нѣтъ никакого основанія считать за невѣжественныхъ или некомпетентныхъ и во многихъ другихъ отношеніяхъ не заслуживающихъ какого-либо порицанія: такъ что весьма рѣдко представляется возможнымъ на основаніи точныхъ данныхъ и по совѣти признать ихъ ложное истолкованіе извѣстнаго мнѣнія преднамѣреннымъ съ нравственной точки зрѣнія; съ тѣмъ меньшимъ правомъ можетъ быть допущаемо вмѣшательство законодательства въ подобное неправильное веденіе диспутовъ. Что же касается того, что обыкновенно подразумѣвается подъ словомъ невожденность при спорахъ, какъ напр. брань, сарказмъ, перенесеніе спора на личную почву и т. п., то нападки на эти недостойные способы веденія спора заслуживали бы большаго сочувствія, если бы запрещеніе ихъ распространялось одинаково на обѣ спорящія стороны; на самомъ же дѣлѣ люди подвергаются порицанію лишь только когда къ подобному веденію диспутовъ прибѣгаютъ возставшіе противъ господствующаго мнѣнія; прибѣгать же къ подобному способу, какъ къ оружію противъ угнетаемыхъ мнѣній считается не только дозволеннымъ и не подлежащимъ порицанію, но скорѣе даже похвальнымъ, какъ бы указывающимъ на рвеніе и справедливое негодованіе тѣхъ, кто къ нему прибѣгаетъ. Достойно, однако, замѣчанія, что если подобнаго рода веденіе диспутовъ приноситъ какой-либо вредъ, то вредъ этотъ всего ощутительнѣе для наиболѣе слабой беззащитной стороны; и, опять-таки, если подобный способъ веденія споровъ можетъ принести незаслуженную пользу или выгоду, то выгода эта выпадаетъ по-

чти неключительно на сторону господствующаго мнѣнія. Въ подобнаго рода полемикѣ наиболѣе сильнаго порицанія заслуживаетъ та изъ спорящихъ сторонъ, которая клеймитъ людей противнаго съ ними лагеря прозвищемъ неблагонамѣренныхъ, безирравственныхъ людей. Особенно легко могутъ подвергаться подобной клеветѣ люди, придерживающіеся мнѣнія, которыя не пользуются популярностью среди общества, и именно въ дѣствіе того эти люди составляютъ собою меньшинство и не пользуются вліяніемъ въ обществѣ, и никто, кромѣ ихъ самихъ, не заинтересованъ въ томъ, чтобы имъ была оказана справедливость; этимъ оружіемъ, однако, въ силу самаго порядка вещей, съ своей стороны лишены возможности пользоваться нападающіе на господствующее мнѣніе; они не могутъ имъ пользоваться, не рискуя своею безопасностью и если бы даже и могли имъ воспользоваться, то только лишь въ ущербъ своему же собственному дѣлу. Въ общемъ же, люди, придерживающіеся мнѣнія, противоположныхъ господствующимъ, только въ такомъ случаѣ могутъ надѣяться, что ихъ мнѣніемъ будетъ оказано должное вниманіе, если они будутъ въ своихъ диспутахъ придерживаться строгой умѣренности въ выраженіяхъ и будутъ тщательно избѣгать всякихъ ненужныхъ рѣзкихъ нападокъ на противниковъ, такъ какъ при малѣйшемъ отклоненіи отъ подобной умѣренности они рискуютъ потерять почву: тогда какъ неумѣренность выраженій со стороны приверженцевъ господствующаго мнѣнія, на самомъ дѣлѣ, достигаетъ своей цѣли, отвращая людей отъ перехода въ противоположный лагерь и даже отъ выслушиванія мнѣнія противной стороны. Во имя правды и справедливости, слѣдовательно, го-

раздо важнѣе ограничивать употребленіе брани и хулы въ диспутахъ въ этомъ послѣднемъ случаѣ, нежели въ первомъ; для примѣра можно указать на то, что если бы представился случай свободы выбора, то было бы цѣлесообразнѣе запрещать предосудительныя нападки не на религіозныя убѣжденія, а на убѣжденія невѣрующихъ. Не подлежитъ сомнѣнію, однако, что ни законъ, ни административныя власти не должны были бы ограничивать свободу диспутовъ ни той, ни другой стороны; общественное же мнѣніе при произнесеніи своего приговора должно руководствоваться обстоятельствами каждаго отдѣльнаго случая; оно должно произнести свой приговоръ надъ каждымъ, къ какой бы сторонѣ противниковъ онъ ни принадлежалъ, если онъ при защитѣ своихъ убѣжденій прибѣгаетъ къ приемамъ неискреннимъ, къ злословію, лицемерію, нетерпимости, не приписывая этихъ предосудительныхъ приемовъ только противникамъ обсуждаемаго вопроса. Общественное мнѣніе, сверхъ того, обязано оказывать должное уваженіе всѣмъ тѣмъ, которые его заслуживаютъ, всѣмъ тѣмъ, которые, не впадая въ крайность, спокойно и честно относятся къ убѣжденіямъ своихъ противниковъ, ничего не преувеличивая изъ того, что можетъ послужить къ ихъ вреду, ничего не утаивая изъ того, что могло бы послужить въ ихъ пользу. Въ этомъ заключается истинная нравственность гласнаго обмѣна мнѣній и хотя она часто нарушается, но тѣмъ не менѣе я уже счастливъ тѣмъ, что могу указать на фактъ, что существуетъ множество занимающихся полемикою людей, которые въ общемъ уже до нѣкоторой степени соблюдаютъ эти требованія, а также и на то, что еще большее число людей въ наше время избрали себѣ

цѣлью добросовѣстно стремиться къ подобному, весьма желательному веденію диспутовъ.

ГЛАВА III.

Объ индивидуальности, какъ объ одномъ изъ условій человѣческаго благополучія.

Изложивъ причины, по которымъ безусловно слѣдуетъ предоставлять людямъ свободу имѣть свои собственные убѣжденія, а также свободу выражать ихъ безъ всякихъ ограниченій, указавъ вмѣстѣ съ тѣмъ на пагубныя послѣдствія, какія имѣеть для умственного, а слѣдовательно и нравственного развитія человѣка лишеніе его подобной свободы или безсиліе его отвоевать себѣ эту свободу вопреки запрета, мы перейдемъ теперь къ обсужденію вопроса о томъ, не должно-ли, основываясь на тѣхъ же вышеприведенныхъ причинахъ, предоставлять людямъ также свободу поступать согласно ихъ убѣжденіямъ; примѣнять свои убѣжденія въ ихъ жизни, не встрѣчая какого-либо, физическаго или нравственнаго, стѣсненія со стороны своихъ согражданъ, при условіи, что люди будутъ дѣйствовать на свой рискъ и страхъ. Это послѣднее условіе, само собою разумѣется, должно считать безусловно необходимымъ. Никто не будетъ утверждать, что дѣйствіямъ людей можетъ быть предоставляема такая же свобода, какъ и ихъ убѣжденіямъ. Напротивъ, даже убѣжденія утрачиваютъ свою неприкосновенность, если высказываются

при такихъ обстоятельствахъ, при которыхъ свободное ихъ выраженіе можетъ служить подстрекательствомъ къ какому-либо зловредному дѣянію. Мнѣніе, что голоданіе бѣдняковъ протсходитъ отъ недобросовѣтности хлѣбныхъ торговцевъ, или что частная собственность есть кража, можетъ быть терпимо, пока оно выражается лишь въ прессѣ, но съ полнымъ правомъ можетъ быть караемо, если будетъ выражаемо устно передъ раздраженной толпой, сконившейся передъ домомъ хлѣбнаго торговца, или будетъ раздаваемо въ руки этой-же толпы въ видѣ печатнаго воззванія. Всякаго рода дѣйствія, которыя наносятъ вредъ другимъ, могутъ, а въ болѣе важныхъ случаяхъ должны безусловно быть обуздываемы осужденіемъ и, когда это окажется необходимымъ, дѣятельнымъ вмѣшательствомъ со стороны согражданъ въ томъ случаѣ, если эти дѣйствія не были вызваны какою-либо основательною причиною.

Свобода личности должна быть ограничиваема въ такихъ предѣлахъ, чтобы не могла служить нарушеніемъ общественнаго благочинія. Если-же человѣкъ воздерживается отъ причиненія вреда другимъ людямъ во всемъ, что ихъ касается, и руководится въ своихъ дѣйствіяхъ только своими собственными наклонностями и разсудкомъ въ дѣлахъ, лично его касающихся, то тѣ же самыя основанія, которыя говорятъ въ пользу необходимости предоставленія свободы убѣжденій, указываютъ также на то, что человѣку должна быть предоставлена свобода безпрятственно проводить свои убѣжденія въ жизни на свой собственный страхъ. Принципы, которые одинаково примѣнимы къ дѣйствіямъ людей, какъ и къ ихъ убѣжденіямъ, суть слѣдующіе: что человѣчество не непогрѣшимо; что людскія нетны

большею частью суть только полу-истины; что согласіе во взглядахъ людей, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда оно является результатомъ полного и свободнаго взвѣшиванія противоположныхъ мнѣній, не представляетъ собою чего либо желательнаго, что разногласіе въ убѣжденіяхъ не есть зло, а скорѣе благо, пока въ людяхъ не будетъ, болѣе нежели въ настоящее время, развита способность относиться къ истинѣ не односторонне, а безпристрастно. Если, съ одной стороны, для человѣчества, пока оно еще не достигло степени совершенства, существованіе различія во взглядахъ оказывается весьма необходимымъ, то, съ другой стороны, важно также, чтобы существовали примѣры различныхъ опытовъ устройства человѣческой жизни; важно, чтобы людямъ былъ данъ полный просторъ для проявленія различныхъ способностей ихъ характера при условіи не вредить другимъ людямъ; важное значеніе имѣеть также то, чтобы людямъ предоставлялась возможность провѣрить на дѣлѣ цѣлесообразность различныхъ методовъ устройства жизни, если кто либо пожелалъ бы примѣнить ихъ на практикѣ. Однимъ словомъ, весьма желательно, чтобы во всѣхъ человѣческихъ дѣлахъ, не соприкасающихся непосредственно съ интересами другихъ людей, предоставлялась полная свобода чело-вѣку проявлять свою индивидуальность, такъ какъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда люди въ своихъ поступкахъ руководствуются традиціями и обычаями, а не своими индивидуальными наклонностями, въ образѣ ихъ дѣйствій замѣчается отсутствіе одного изъ главныхъ условій человѣческаго благополучія и самаго главнаго условія индивидуальнаго и общественнаго прогресса.

Примѣненію этого принципа, главнымъ образомъ, препятствуютъ не недостаточная оцѣнка средствъ, ведущихъ къ извѣстной цѣли, но вообще пренебреженіе, съ какимъ люди относятся къ самой цѣли. Если-бы люди ясно сознавали, что свободное развитіе ихъ индивидуальныхъ качествъ есть одно изъ главнѣйшихъ основныхъ условій ихъ благополучія, что оно по своему значенію не только однородно съ тѣмъ, что мы подразумѣваемъ подъ словами: цивилизація, образованіе, воспитаніе, уметвенное развитіе, но образуетъ собою необходимую ихъ составную часть и является неизбѣжнымъ условіемъ существованія, то, въ такомъ случаѣ, не было бы надобности опасаться за то, что люди будутъ недостаточно цѣнить свободу и что установленіе границъ между свободой и общественнымъ надзоромъ будетъ представлять какія либо особенныя затрудненія.

Все зло заключается именно въ томъ, что люди средняго уровня ума придаютъ слишкомъ мало значенія проявленію индивидуальной самобытности и что къ самой индивидуальности относится какъ къ явленію, не заслуживающему почти никакого вниманія. Большинство людей, довольствуясь существующимъ порядкомъ вещей (такъ какъ этотъ порядокъ устанавливается самими-же людьми), не можетъ никакъ понять, почему этотъ порядокъ не признается одинаково прекраснымъ и всеми остальными людьми; болѣе же всего странно именно то, что проявленіе индивидуальной самобытности не только вовсе не признается однимъ изъ условій идеала, къ которому стремится большинство реформаторовъ правственнаго и общественнаго строя жизни, но что скорѣе они относятся къ проявленію самобытности съ подозрѣніемъ, какъ бы къ безнокойному,

даже непреодолимому элементу, препятствующему осуществленію тѣхъ реформъ, которыя, по мнѣнію ихъ, должны вести ко благу человѣчества. Весьма мало найдется людей въ Германіи, которымъ былъ-бы исполнѣнъ понятенъ смыслъ словъ Вильгельма Гумбольдта, этого знаменитаго какъ ученаго, такъ и политическаго дѣятеля, когда онъ упоминаетъ въ своемъ извѣстномъ трактатѣ о томъ, что „цѣлью человѣчества, тою цѣлью, которая начертывается ему вѣчными и неизблемыми законами разума, а не тою, которая подсказывается туманными и преходящими людскими стремленіями, должно служить возвышенное и наиболѣе соразмѣрное развитіе всѣхъ его способностей до полнаго и гармоничнаго цѣлаго; что, слѣдовательно, „цѣлью, къ которой каждый чело-вѣкъ долженъ неустанно направлять всѣ свои стремленія и которую должны всегда имѣть въ виду въ особенности тѣ, которые хотятъ вліять на своихъ соотечественниковъ, что такую цѣлью должны быть, развитіе въ людяхъ индивидуальной мощи и самобытности“, что для достиженія этой цѣли, необходимы два условія: „свобода и разнообразіе личныхъ положеній“; и что изъ сочетанія этихъ двухъ условій рождается „индивидуальная мощь и многостороннее разнообразіе характеровъ, которыя, въ свою очередь, образуютъ въ людяхъ самобытность характера—оригинальность“*).

Какъ-бы мало люди ни были знакомы съ ученіями, подобными ученію Гумбольдта, и какъ-бы ни казалось имъ страннымъ, что приписывается такое громадное значеніе индивидуальности, тѣмъ не менѣе, однако, воз-

*) Die Grenzen der Wirksamkeit des Staats von W. v. Humboldt.

буждаемый этимъ трактатомъ вопросъ сводится, главнымъ образомъ, только къ вопросу о большемъ или меньшемъ значеніи индивидуальности. Никто не будетъ считать за идеаль совершенства стремленіе людей въ своемъ поведеніи только во всемъ подражать другъ другу; точно также, едвали возможно допустить, чтобы кто либо сталъ отрицать, что люди должны устранивать свою жизнь или свои дѣла, слѣдуя указаніямъ своего разсудка или индивидуальнымъ свойствамъ своего характера. Съ другой стороны, было-бы нелѣпо утверждать, что люди должны устранивать свою жизнь такъ, какъ будто міръ еще не открывалъ никакихъ истинъ до ихъ появленія на свѣтъ Божій, такъ, какъ будто-бы не было доказано на опытѣ, что извѣстный образъ жизни или поведенія слѣдуетъ предпочитать другому образу жизни или поведенію. Никто не станетъ отрицать, что люди должны быть съ самой ихъ юности такъ обучаемы и воспитываемы, чтобы они были ознакомлены съ результатами, добытыми человѣческимъ опытомъ, и умѣли-бы пользоваться этими результатами. Преимущество человѣка естественнымъ образомъ состоитъ именно въ томъ, чтобы, достигнувъ зрѣлости своихъ умственныхъ способностей, онъ былъ въ состояніи пользоваться опытомъ другихъ людей и примѣнять его на дѣлѣ по своему собственному усмотрѣнію. На немъ самомъ лежитъ обязанность отличать, какія именно стороны добытаго другими опыта всего болѣе примѣнимы къ его собственнымъ условіямъ жизни и къ его личному характеру. Традиціи и обычаи другихъ людей служатъ до извѣстной степени доказательствами того, чему опытъ научилъ ихъ самихъ; но доказательства эти только гадательнаго свойства и должны лишь въ

такомъ же смыслѣ быть приняты во вниманіе другими людьми; принимая въ соображеніе, во первыхъ, что кругъ опыта названныхъ людей могъ быть весьма ограниченъ, или же добытое ими знаніе могло быть истолковано ими превратно. Во вторыхъ, если даже они и дали правильное истолкованіе своему опыту, то плоды этого опыта все-таки могутъ оказаться непримѣнными къ жизни другаго лица. Обычаи существуютъ для обычныхъ обстоятельствъ жизни и для людей обыкновенныхъ, между тѣмъ какъ обстоятельства или характеръ даннаго лица могутъ быть совсѣмъ не изъ ряда обыкновенныхъ. Въ третьихъ, если-бы даже данные обычаи оказались безусловно хорошими въ качествѣ извѣстныхъ обычаевъ и даже вполне подходящими къ условіямъ жизни даннаго лица, то, тѣмъ не менѣе, слѣпое подчиненіе обычаямъ только потому, что они общеприняты, не можетъ способствовать ни образованію, ни развитію у даннаго лица именно такихъ качествъ, которыя служатъ отличительными свойствами одареннаго разумомъ существа. Приеущія человѣку способности пониманія, сужденія, способность къ умственной дѣятельности и къ нравственной оцѣнкѣ жизненныхъ явленій могутъ изощряться только при томъ условіи, если человѣку будетъ предоставлена свобода выбора. Тотъ, кто поступаетъ извѣстнымъ образомъ только потому, что такъ велитъ обычай, не дѣлаетъ никакого выбора. Онъ практически ничего не выигрываетъ, такъ какъ въ этомъ случаѣ способности его къ распознаванію зла отъ добра и стремленія его къ наилучшимъ условіямъ вовсе не изощряются. Умственные и нравственные силы человѣка, подобно его тѣлеснымъ силамъ, только тогда могутъ совершенствоваться, когда ихъ

упражняютъ. Эти способности, однако, вовсе не подвергаются упражненію, если человѣкъ поступаетъ извѣстнымъ образомъ только потому, что такъ поступаютъ другіе люди; точно такъ какъ не упражняются и тогда, когда человѣкъ вѣритъ во что либо на томъ основаніи, что другіе люди въ это вѣрятъ. Если извѣстное мнѣніе въ самомъ своемъ основаніи кажется не убѣдительнымъ для ума извѣстнаго лица, то умъ человѣка не только не укрѣпится, но скорѣе утратитъ силу, если это лицо принудитъ себя уевоить это мнѣніе; далѣе, если побудительныя причины къ совершенію какого либо дѣйствія не согласуются съ личными склонностями и съ характеромъ извѣстнаго лица (въ тѣхъ случаяхъ, если не затронуты чувства личнаго расположенія или права другихъ лицъ), то совершеніе такого дѣйствія способствуетъ только косности и отупѣнію чувствъ даннаго лица, а отнюдь не возбужденію этихъ чувствъ къ дѣятельности и энергій.

Тотъ, кто предоставляетъ обществу или кружку людей, въ которомъ онъ вращается, начертать для него планъ его жизни, не нуждается ни въ какихъ иныхъ способностяхъ, кромѣ лишь подражательной способности обезьянъ. Только тотъ человѣкъ, который самостоятельно вырабатываетъ самъ для себя планъ жизни, приводитъ въ дѣятельность все свои уметвенныя способности—дѣйствительно пользуется ими; онъ пользуется своею наблюдательностью, чтобы взвѣшивать факты; къ своему уму и разсудку, чтобы судить; онъ становится дѣятельнымъ для того, чтобы собирать матерьялъ для своего сужденія, становится осмотрительнымъ, чтобы принять правильное рѣшеніе, и, уже разъ принявъ извѣстное рѣшеніе, долженъ еще, сверхъ

того, владѣть стойкостью и самообладаніемъ, чтобы твердо держаться обдуманно принятаго рѣшенія. Эти качества необходимы человѣку и приводятся имъ въ дѣйствіе соразмѣрно съ той областью дѣятельности, которой онъ, по его здравому обсужденію и по личнымъ своимъ наклонностямъ, намѣренъ посвятить свою жизнь. Возможно, что онъ и помимо упомянутыхъ условій будетъ случайно направленъ въ жизни на правильный путь и что онъ избѣжитъ крушенія, но въ чемъ-же въ такомъ случаѣ будетъ заключаться еравнительное отличіе его какъ мыслящаго существа?

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что для насъ важное значеніе имѣетъ не только то, какія именно дѣла совершаетъ человѣкъ, но и то, какими качествами обладаетъ тотъ человѣкъ, который эти дѣла совершаетъ. Изъ всѣхъ достойнѣйшихъ человѣческихъ дѣлъ, на усовершенствованіе и улучшеніе которыхъ люди могутъ посвятить свою жизнь, наиблагороднѣйшимъ дѣломъ, несомнѣнно, является дѣло самосовершенствованія. Если предположить, что было-бы возможно строить дома, выращивать хлѣбныя растенія, вести войны или тяжбыныя дѣла, даже строить церкви и творить молитвы прибѣгая при этомъ исключительно къ помощи машинъ или автоматовъ въ образѣ людей, — то и въ томъ случаѣ человѣчество понесло-бы значительную потерю, обмѣнивъ такихъ автоматовъ на тѣхъ мужчинъ и женщинъ, которые въ настоящее время населяютъ даже цивилизованныя страны свѣта, и которые, несомнѣнно, являютъ собой пока еще только слабое подобіе людей, какихъ только въ состояніи создать природа и какихъ она будетъ еще со временемъ создавать. Человѣкъ не есть машина, которую можно соорудить по извѣстному

шаблону и заставить ее выполнять определенную, свойственную ей работу; человеческий род можно уподобить дереву, которое растет и развивается по различным направлениям сообразно стремлению своих внутренних сил, благодаря которым это дерево живет.

Надо полагать, что никто, вероятно, не станет спорить о том, что желательно было бы, чтобы люди изощряли свои уметвенныя способности посредством ихъ упражненія и что разумное слѣдованіе какому-либо обычаю или даже разумное, въ случаѣ надобности, уклоненіе отъ извѣстнаго обычая, слѣдуетъ предпочитать слѣпому и чисто механическому подчиненію обычаю. До нѣкоторой степени уже общепризнано, что каждый человекъ долженъ имѣть свои собственные сужденія, но далеко еще не столь охотно соглашаются признать, что у каждаго могутъ быть точно также свои собственные желанія и стремленія, или что обладаніе извѣстными побужденіями, болѣе или менѣе сильными, еще не дѣлаетъ человека опаснымъ для общества или способнымъ на какіе-либо коварные замыслы. Желанія и побужденія, однако, столь-же присущи каждому мыслящему существу какъ присущи ему способность къ вѣрованію и самообуздыванію что сильные увлеченія могутъ оказаться пагубными только тогда, когда они надлежащимъ образомъ не уравновѣшены въ человекѣ, или когда у людей сильно развиты лишь извѣстныя стремленія и страсти въ ущербъ другимъ ихъ стремленіямъ, которые должны быть развиты на ряду съ первыми, или когда эти стремленія слабо развиты и находятся въ бездѣйствіи. Если люди поступаютъ дурно, то не потому, что ихъ побужденія слишкомъ сильны, но потому, что въ

нихъ слабо развито чувство нравственнаго долга. Нѣтъ никакой естественной связи между сильнымъ побужденіемъ и слабо развитымъ чувствомъ нравственнаго долга; напротивъ — сильное побужденіе имѣетъ естественную связь съ сильно развитымъ чувствомъ долга. Если говорить, что желанія и чувства у одного чловѣка проявляются сильнѣе и разностороннѣе, чѣмъ у другого, то этимъ самымъ подразумѣвается, что первый изъ нихъ обладаетъ болѣе богатымъ запасомъ сыраго матерьяла, какимъ только можетъ обладать чловѣкъ, и потому хотя возможно, что онъ при этихъ задаткахъ болѣе способенъ, нежели другой, творить зло, но зато несомнѣнно способенъ совершить и больше добра, нежели первый изъ двухъ. Выраженіе: сильныя побужденія въ сущности замѣняютъ собой то, что мы разумѣемъ подъ словомъ энергія. Энергія можетъ быть направлена и на дурное, но несомнѣнно, что у энергичныхъ по природѣ людей всегда больше задатковъ къ добру, нежели у людей лѣнивыхъ и безстрастныхъ. У людей, которые одарены болѣе богатыми природными задатками, эти задатки, подъ вліяніемъ развитія, проявляются еще сильнѣе. Та-же самая воспріимчивость, благодаря которой наши личныя влеченія проявляются столь ярко и сильно, служить точно также и источникомъ, изъ котораго вытекаютъ самая страстная любовь къ добродѣтели и способность къ непоколебимому контролю надъ своими чувствами. Давъ просторъ свободному развитію въ людяхъ именно этихъ качествъ, общество въ одно и то же время выполняетъ свой долгъ и охраняетъ свои собственные интересы; и, наоборотъ, общество поступаетъ противъ совѣсти и противъ собственныхъ интересовъ, если оно пренебрегаетъ

тѣмъ природнымъ матерьяломъ, изъ котораго вырабатываются героическія натуры на томъ лишь основаніи, что само не умѣетъ пользоваться этимъ матерьяломъ для выработки подобныхъ натуръ. Человѣка, у котораго желанія и побужденія проявляются самостоятельно, т. е. у котораго они являются выразителями его собственной природы, развитой и видоизмѣненной подъ вліяніемъ его саморазвитія, называютъ цѣльною натурою; про него говорятъ, что у него есть характеръ. У человѣка же, у котораго желанія и побужденія не его собственные, вовсе нѣтъ характера, какъ нѣтъ собственного характера у паровой машины. Если же у человѣка его побужденія не только его собственные, но, сверхъ того, и весьма сильны и находятся подъ контролемъ его твердой воли, то такой человѣкъ обладаетъ энергичнымъ характеромъ. Тотъ, кто захочетъ утверждать, что не слѣдуетъ поощрять полного проявленія индивидуальности желаній и побужденій долженъ въ то же время утверждать, что общество не нуждается въ сильныхъ натурахъ, что общество ничего не выпрыгиваетъ отъ существованія въ немъ людей съ сильными характерами и что вовсе не желательно, чтобы общій уровень энергіи въ обществѣ людей стоялъ высоко. Въ первобытныхъ обществахъ индивидуальность слишкомъ выдвигалась впередъ надъ общимъ уровнемъ общества, которое было безсильно воспринимать и контролировать ихъ. Было время, когда духъ самобытности и индивидуальности проявлялся въ такомъ избыткѣ, что людямъ приходилось, ради поддержанія своихъ общественныхъ основъ, вступать съ ними въ жестокую борьбу. Вся трудность задачи заключалась тогда въ томъ, чтобы заставить людей стойкихъ

и сильныхъ умомъ подчиняться какимъ-либо правиламъ, которыми поддерживался бы контроль надъ ихъ побужденіями. Дабы преодолѣть это затрудненіе, законодательство и воспитательныя учрежденія, какъ то было при борьбѣ панской власти противъ императорскаго владычества, присвоили себѣ неограниченное право контроля надъ человѣкомъ, надъ его частною жизнью, чтобы имѣть возможность установить чрезъ это контроль надъ образованіемъ его характера, для сдерживанія котораго въ должныхъ границахъ общество не находило никакихъ иныхъ болѣе цѣлесообразныхъ мѣръ. Но въ настоящее время обществу уже удалось одержать верхъ надъ проявленіемъ всякой индивидуальности и человѣчеству угрожаетъ уже опасность не отъ чрезмѣрнаго проявленія личныхъ побужденій и склонностей, а скорѣе отъ слишкомъ слабаго проявленія этихъ качествъ. Порядокъ вещей очень измѣнился въ сравненіи съ тѣмъ, что было въ тѣ времена, когда страсти людей, сильныхъ по своему положенію или по личнымъ своимъ дарованіямъ, постоянно приходили въ столкновеніе съ закономъ и установленными правилами и когда этихъ людей приходилось держать въ сильныхъ тискахъ ради того, чтобы предоставить окружающимъ ихъ людямъ возможность пользоваться хотя бы малѣйшею безопасностью. Въ наше же время люди всѣхъ классовъ общества, начиная съ высшаго и кончая низшимъ, живутъ такъ, какъ будто они находятся подъ враждебнымъ и наводящимъ страхъ неусыпнымъ надзоромъ. Въ настоящее время не только въ дѣлахъ, касающихся стороннихъ лицъ, но и во всемъ, что касается только лично самого человѣка, каждое отдѣльное лицо и каждое семейство не задается вопросомъ:

„что я лично предпочитаю? или; что наиболее может соответствовать моему характеру и моимъ склонностямъ?“ или: „что может послужить къ тому, чтобы дать просторъ наивысшимъ моимъ стремлениямъ и способствовать наилучшему развитію и процвѣтанію ихъ“. Теперь люди скорѣе задаются такими вопросами: „что наиболее приличествуетъ занимаемому мною въ обществѣ положенію?“— „Какъ въ данномъ случаѣ поступаютъ люди, занимающіе равное моему общественное положеніе и располагающіе такими же денежными средствами, какъ я?“ Или-же (что несравненно хуже): „Какъ обыкновенно въ данныхъ случаяхъ поступаютъ люди, занимающіе положеніе въ обществѣ болѣе высокое, чѣмъ я, и болѣе меня обезпеченные?“ Я не хочу при этомъ утверждать, что люди при своемъ выборѣ непременно останавливаются предпочтительнѣе на томъ, что считается общепринятымъ, нежели на томъ, что болѣе соответствуетъ ихъ собственнымъ склонностямъ: но я хочу только указать на фактъ, что люди въ наше время какъ бы потеряли даже самую способность къ проявленію какихъ-либо личныхъ наклонностей и преклоняются только передъ тѣмъ, что общепринято.

Такимъ образомъ, самый складъ ума человѣка уже подпадаетъ подъ ярмо обычая; даже въ выборѣ средствъ для своихъ развлеченій люди руководятся общепринятыми требованіями общественной жизни; они любятъ только то, что любитъ толпа; ихъ выборъ ограничивается только тѣмъ, что принято въ извѣстномъ кругѣ общества; проявленіе всякой оригинальности вкуса, всякой эксцентричности въ поведеніи приводитъ ихъ въ ужасъ, какъ преступленіе, пока, наконецъ, переставая вовсе слушаться голоса своихъ собственныхъ природныхъ

наклонностей, люди уже вовсе утрачивают всякую самостоятельность; ихъ человѣческія способности блекнутъ и гложутъ; они становятся неспособными къ проявленію какихъ либо сильныхъ или врожденныхъ желаній и обыкновенно кончаютъ тѣмъ, что вовсе не имѣютъ никакихъ мнѣній или чувствъ, которыя зарождались бы въ нихъ самихъ или которыя они могли бы назвать дѣйствительно своими собственными. Спрашивается: желательно или нежелательно, чтобы человѣческая натура была доведена до подобнаго состоянія?

По теоріи Кальвинистовъ это оказывается желательнымъ. Согласно этой теоріи, имѣть собственную волю считается первороднымъ грѣхомъ; что самое благое дѣло, на какое только можетъ быть способенъ человѣкъ, заключается единственно въ повиновеніи. Здѣсь нѣтъ выбора для человѣка; онъ обязанъ поступать именно такъ, а не иначе: „все то, что лежитъ внѣ круга обязанностей, есть уже грѣхъ“. Такъ какъ человѣкъ по своей природѣ безусловно грѣховенъ, то человѣку нѣтъ иного средства искупить свои грѣхи, какъ только умерщвленіе въ себѣ своихъ естественныхъ побужденій. Приверженцы этой теоріи не считаютъ зломъ подавленіе какихъ-либо человѣческихъ способностей, дарованій или чувствъ; по ихъ мнѣнію, человѣку нужна только одна способность: умѣніе покориться волѣ Бога; что если человѣкъ можетъ хотя бы одно изъ своихъ природныхъ дарованій успѣшнѣе направлять на выполненіе какихъ-либо иныхъ цѣлей, помимо исполненія воли Божіей, то лучше для него, вовсе не имѣть какихъ-либо дарованій. Въ этомъ, главнымъ образомъ, заключается ученіе Кальвинизма. Этыхъ же правилъ, хотя и въ нѣсколько

смягченной формѣ, придерживаются многіе люди, но причисляющіе себя къ Кальвинистамъ; смягченіе же этихъ правилъ у нихъ состоитъ въ томъ, что предполагаемой волѣ Божіей придается менѣе аскетическое истолкованіе, причемъ утверждается далѣе, что Богу угодно, чтобы люди могли удовлетворять нѣкоторымъ изъ своихъ склонностей, но, само собою разумѣется, не тѣмъ путемъ, который имъ самимъ кажется наилучшимъ, а путемъ покорности чужой волѣ, т. е. путемъ, предписываемымъ имъ властью; слѣдовательно, въ силу самыхъ обстоятельствъ, путемъ, одинаково обязательнымъ для всѣхъ людей безразлично.

Подъ этой болѣе или менѣе коварной формой въ настоящее время скрывается сильное стремленіе людей къ такому узкому взгляду на жизнь и влѣдствіе этого — къ развитію въ людяхъ забитаго, придавленнаго типа характера.

Многіе, безъ сомнѣнія, совершенно некрепко полагаютъ, что именно люди подобнаго жалкаго и изуродованнаго типа представляютъ собою такіе образцы челоѣчества, какими Творецъ предназначталъ имъ быть; точно такъ, какъ многіе полагаютъ, что деревья, выстриженныя въ въ различныя причудливыя формы, гораздо красивѣе, чѣмъ тогда, когда они сохраняютъ свой натуральный видъ. Но если религія признаетъ, что челоѣкъ былъ созданъ Благимъ Провидѣніемъ, то не будетъ-ли болѣе согласно съ этою нашею вѣрою допустить, что это Благое Провидѣніе надѣлило челоѣка всѣми природными способностями съ той цѣлью, чтобъ онъ ихъ развивалъ, а не для того, чтобъ онъ ихъ искоренялъ и забивалъ, и что Провидѣніе радуется каждому шагу челоѣка впередъ на пути къ достиженію идеала, пред-

ставленіе о которомъ видрено въ каждомъ человѣкѣ; радуется всякому малѣйшему развитію въ человѣкѣ его способностей познавать, дѣйствовать и наслаждаться. Существуетъ еще иной взглядъ на человѣческое совершенство, весьма отличный отъ идеала человѣческаго совершенства Кальвинистовъ; согласно этому взгляду, человѣчеству присущи по его природѣ инныя цѣли, а не только одно лишь самоотреченіе. „Языческое самопочитаніе человѣческой природы не менѣе нежели христіанское самоотреченіе составляетъ одинъ изъ элементовъ человѣческаго достоинства *)“. Существуетъ еще и греческій идеаль саморазвитія, который, приближаясь къ идеалу Платона и Христіанскому идеалу господства человѣка надъ самимъ собою, въ тоже время, однако, не превосходитъ его. Весьма возможно, что предпочтительнѣе быть Дж. Ноксономъ, нежели Алкивиадомъ, но еще лучше быть Перикломъ, и если-бы въ наши дни существовалъ человѣкъ, подобный Периклу, то навѣрное онъ обладалъ-бы такими же преимуществами, какими отличался и Джонъ Ноксъ.

Человѣкъ становится идеаломъ всего благороднаго и прекраснаго не подведеніемъ всего, что въ немъ есть самобытнаго подъ одинъ общій уровень, но стремленіемъ къ развитію своихъ индивидуальныхъ способностей и къ проявленію дѣятельности этихъ способностей, соблюдая при этомъ лишь границы, поставляемыя правами и интересами его собратьевъ; и подобно тому, какъ всякое дѣяніе человѣка носитъ на себѣ отпечатокъ характера того, кто его совершилъ, такъ точно путемъ того-же процесса и человѣческая жизнь становится

*) Трактаты Стерлинта.

полиѣе, болѣе разнообразной, оживляется, питая болѣе обильнымъ матерьяломъ высокія мысли и возвышенныя чувства и скрѣпяя узы, соединяющія каждаго отдѣльнаго человѣка съ его расой, способствуя тому, что самая раса становится болѣе достойной, чтобы люди дорожили честью считаться ея членами. Соотвѣтственно степени развитія въ людяхъ ихъ индивидуальныхъ качествъ, каждый человѣкъ пріобрѣтаетъ болѣе значенія самъ по себѣ и вслѣдствіе этого становится способнымъ быть болѣе цѣннымъ для другихъ. Его существованіе становится полиѣе, а чѣмъ полиѣе жизнь единичныхъ личностей, тѣмъ полиѣе жизнь массы, состоящей изъ этихъ единицъ. Всегда окажется неизбѣжнымъ прибѣгать къ извѣстнымъ мѣрамъ сдерживанія порывовъ болѣе сильныхъ натуръ, если онѣ покушаются нарушать права остальныхъ членовъ общества; но такое сдерживаніе исполнѣе возмѣщается даже съ точки зрѣнія человѣческаго развитія. Тѣ средства къ саморазвитію, которыхъ лишаются нѣкоторые люди въ томъ случаѣ, когда ихъ сдерживаютъ отъ удовлетворенія ихъ склонностей, наносящихъ ущербъ другимъ лицамъ, болѣею частью пріобрѣтаются человѣкомъ за счетъ саморазвитія другихъ лицъ. И даже для самаго себя человѣкъ находитъ исполнѣе равносильное вознагражденіе за это стѣсненіе въ болѣе сильномъ развитіи общественной стороны его человѣческой природы, которой предоставляется болѣе простора благодаря сдерживанію эгоистической стороны его природныхъ склонностей. Необходимость подчиненія строгимъ правиламъ справедливости ради соблюденія правъ другихъ развиваетъ въ людяхъ чувства и дарованія, клонящіяся ко благу другихъ людей. Съ другой-же стороны, если стѣсненіе свободы людей

примѣняется въ дѣлахъ, вовсе не касающихся блага другихъ людей, а только единственно изъ желанія принудить людей къ тому, чтобы они поступали извѣстнымъ образомъ, не можетъ порождать въ людяхъ никакихъ цѣнныхъ качествъ, за исключеніемъ развѣ только силы характера, которая укрѣпляется у нихъ благодаря оказываемому имъ сопротивленію извѣстнымъ ограниченіямъ ихъ правъ. Если-же человѣкъ безропотно покоряется такому ограниченію, то этимъ самымъ ослабляетъ и притупляетъ всѣ свои природныя способности. Для того, чтобы предоставить просторъ проявленію природныхъ способностей каждаго человѣка, необходимо чтобы человѣку давалась возможность вести свой особый образъ жизни, по собственному его выбору. Сответственно съ тѣмъ, насколько людямъ, какого-бы то ни было вѣка, предоставлялась свобода пользоваться такимъ просторомъ въ жизни, настолько-же такіе вѣка прославили себя въ памяти потомства. Вредныя послѣдствія самаго деспотизма проявляются съ меньшею силою, пока людямъ, находящимся подъ его гнетомъ, дается возможность сохранять свою индивидуальность. Уже все то, что подавляетъ индивидуальныя свойства людей, есть деспотизмъ, какимъ-бы инымъ названіемъ ни обозначался этотъ гнетъ и чѣмъ-бы онъ ни прикрывался: волей-ли Божьей или людскими велѣніями.

Указавъ здѣсь на то, что развитіе индивидуальности равносильно общему развитію человѣка и что единственно только тогда, когда люди будутъ вырабатывать въ себѣ индивидуальность, они могутъ достигнуть полнаго несовершеннѣйшаго развитія и дѣйствительно его достигаютъ, я могъ бы этимъ закончить свое сужденіе объ этомъ вопросѣ; и дѣйствительно, что мо-

жно сказать болѣе убѣдительнаго въ пользу какого-либо условія, касающагося людскихъ дѣлъ, какъ не единственно только то, что именно данное условіе наиболѣе способствуетъ достиженію самымъ человѣкомъ того наисовершеннѣйшаго состоянія, какое только возможно достигъ ему? Или наоборотъ; нельзя привести болѣе сильнаго возраженія противъ какого-либо условія, препятствующаго достиженію идеала, какъ то, что это условіе препятствуетъ осуществленію этого идеала. Безъ сомнѣнія, однако, эти разсужденія окажутся слишкомъ недостаточными, чтобы убѣдить тѣхъ, которыхъ именно болѣе всего требуется убѣдить; сверхъ того, необходимо указать еще на то, какую пользу развитые люди могутъ оказать неразвитымъ людямъ, указать тѣмъ, которые сами не стремятся къ свободѣ и не желаютъ сами пользоваться ею, что они тѣмъ не менѣе будутъ косвеннымъ образомъ вознаграждены, если допустить, чтобы другіе безпрепятственно пользовались своей свободой.

И такъ, я прежде всего намѣренъ выяснитъ, что, предоставляя людямъ свободу развитія, остальные люди, не пользующіеся такой свободой, могутъ все-таки чему нибудь научиться отъ первыхъ. Никто не будетъ отрицать, что самобытность является весьма цѣннымъ элементомъ во всѣхъ человѣческихъ дѣлахъ. Человѣчеству всегда нужны не только такіе люди, которые открываютъ новыя для него истины или указываютъ ему, на то, какія истины, считавшіяся въ прежнія времена непреложными истинами, уже перестали быть таковыми, но сверхъ того нуждается въ такихъ людяхъ, которые способны прокладывать новыя пути жизни и показывать примѣръ болѣе просвѣщеннаго образа жизни, возбуждая въ людяхъ болѣе утонченное

пониманіе значенія и смысла ея. Съ этимъ долженъ согласиться каждый, если онъ вообще признаеть, что міръ еще далеко не достигъ совершенства во всѣхъ сложныхъ жизненныхъ условіяхъ и во всѣхъ человѣческихъ дѣлахъ. Несомнѣнно, однако, что не всякій человѣкъ способенъ въ одинаковой мѣрѣ оказать человѣчеству подобную благодѣтельную услугу; сравнительно съ массою человѣческаго рода, найдется лишь весьма немногіе люди, опыты которыхъ, если-бы таковыми воспользовались другіе люди, могли-бы существенно повліять на какое либо улучшеніе существующаго порядка условій человѣческой жизни. Эти немногіе люди, однако, суть соль земли. Если-бы не существовало такихъ людей, человѣчество обратилось-бы въ стоячую лужу. И заслуга этихъ людей заключается не только въ томъ, что они проводятъ въ жизни новыя благія начинанія, которыхъ раньше не существовало вовсе, но и въ томъ, что, благодаря ихъ усиліямъ, поддерживается въ жизни все то благое, что раньше существовало. Но если даже допустить, что не было-бы надобности создавать какихъ-либо новыхъ началъ, то неужели и въ такомъ случаѣ человѣческій разумъ оказался-бы менѣе необходимымъ. Совершая свои дѣла по издавна заведенному порядку, людямъ необходимо совершать ихъ съ полнымъ пониманіемъ того, къ чему они прилагаютъ свой трудъ на извѣстное дѣло не выполняли-бы его машинально, какъ животные, а съ полнымъ сознаніемъ, какъ подобаетъ разумнымъ существамъ. Уже и такъ въ наше время замѣчается слишкомъ сильное стремленіе превращать лучшія вѣрованія и дѣла въ чисто механическое исполненіе обрядовъ и труда; и если-бы отъ времени до времени не появлялись люди,

которые, благодаря самобытности своих способностей, противодействуют превращению основных начал вѣрованій и дѣяній въ простую традицію, то мертвый застой этихъ вѣрованій и дѣлъ не могъ-бы и вовсе устоять даже отъ малѣйшаго толчка какой либо жизненной силы и не существовало-бы никакихъ основаній полагать, почему-бы и вся наша цивилизація не вымерла, какъ это случилось во времена Византийской Имперіи. Геніальные люди, несомѣнно, составляютъ, и, по всей вѣроятности, всегда будутъ составлять меньшинство; но для того, чтобы они могли нарождаться, необходимо воздѣлывать почву, которая ихъ выращиваетъ. Геніальность можетъ дышать свободно только въ атмосферѣ свободы. Геніальные люди, *ex vi termini*, одарены большею долею индивидуальности, нежели другіе люди, и потому менѣе другихъ способны принаравливаться къ какимъ-либо изъ тѣхъ многочисленныхъ узкихъ шаблоновъ, которые уготовлены обществомъ съ цѣлью избавить своихъ членовъ отъ труда выработывать въ себѣ самостоятельный характеръ. Если-же по своей скромности такіа геніальныя личности соглашаются быть втиснутыми въ одну изъ подобныхъ заготовленныхъ людьми формъ, причемъ всѣ тѣ стороны ихъ природныхъ дарованій, которыя уже не въ состояніи развиться подъ давленіемъ этихъ тисковъ, остаются неразвитыми, то общество не будетъ въ выигрышѣ отъ ихъ подавленной геніальности. Когда-же геніальныя личности, обладая достаточно сильнымъ характеромъ, разрываютъ связывающія ихъ путы, то общество, которому не удалось низвести ихъ на степенъ обыкновенной посредственности, накладываетъ на нихъ клеймо

и, указывая на нихъ, торжественно провозглашаетъ, что они „безумны“, что они „заблуждающіеся люди“ и т. п. Обвиненія общества въ этомъ случаѣ можно уподобить обвиненію Ніагары въ томъ, что она не протекаетъ также спокойно, какъ протекають воды голландскихъ каналовъ.

И потому такъ сильно настаиваю на важномъ значеніи для общества геніальныхъ личностей и на обязанности общества давать просторъ какъ образу ихъ мыслей, такъ и ихъ дѣятельности, что вполнѣ убѣжденъ въ томъ, что хотя въ теоріи очень немногіе будутъ отрицать правильность этого факта, но въ дѣйствительности почти безъ исключенія всѣ люди относятся совершенно равнодушно къ этому вопросу. Люди весьма охотно преклоняются передъ геніальностью, если она проявляется у человѣка, сочинившаго блестящую поэму или нарисовавшаго замѣчательную картину; но если дѣло коснется признанія геніальности въ истинномъ ея значеніи, т. е. признанія геніальности какъ выраженія самобытности мысли и дѣйствій, то люди, не отрицая вовсе ея значенія, въ душѣ, однако, почти единогласно оказываются того мнѣнія, что общество можетъ легко обойтись и безъ этихъ выдающихся надъ уровнемъ общества людей. Къ сожалѣнію, такой взглядъ столь естествененъ, что нельзя удивляться существованію его. Самобытность человѣческой натуры принадлежитъ къ разряду именно тѣхъ явленій, пользу которыхъ люди обыкновеннаго ума не въ состояніи даже признать. Они не въ состояніи никакъ постичь, какую пользу могли-бы оказать имъ люди съ самобытнымъ характеромъ; да и какъ имъ это понять? Если-бы люди обыкновеннаго ума были въ силахъ должнымъ обра-

зомъ оцѣнивать ту пользу, которую оказываютъ люди съ самобытными взглядами, то это послужило-бы доказательствомъ того, что свойства этихъ послѣднихъ не были-бы уже самобытными. Первая услуга, которую люди съ самобытными характерами оказываютъ людямъ обыкновеннымъ, состоитъ въ томъ, что они, такъ сказать, открываютъ глаза послѣднимъ; и если это имъ вполнѣ удастся, то является надежда, что послѣдніе въ свою очередь также будутъ способны встать въ ряды людей самобытныхъ. До тѣхъ-же поръ можно посовѣтовать этимъ людямъ твердо помнить, что все то, что было совершено на свѣтѣ, всегда совершалось по почину одного какого-либо лица, которое въ этомъ случаѣ являлось первымъ; что все благое, существующее на свѣтѣ, есть плодъ самобытности человѣческаго ума, и, имѣя это въ виду, довольствовались-бы увѣренностью, что для самобытныхъ умовъ еще найдется не мало дѣла на свѣтѣ, и что люди всего больше нуждаются въ самобытности характера именно тогда, когда они всего меньше ощущаютъ потребность въ этой самобытности.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что какъ-бы люди ни старались выдавать себя за истинныхъ поклонниковъ дѣйствительнаго или мнимаго умышленнаго превосходства и даже какъ-бы они на самомъ дѣлѣ ни преклонялись передъ нимъ, тѣмъ не менѣе, однако, общее и преобладающее стремленіе всего міра клонится къ тому, чтобы посредственность была господствующей надъ человѣчествомъ силой. Въ древнія времена, какъ и въ средніе вѣка, и даже, хотя въ меньшей степени, въ теченіи всего длиннаго періода перехода отъ феодальной системы до настоящихъ временъ каждый от-

дѣльный индивидъ составлялъ самъ по себѣ силу; а если онъ обладалъ какими-либо крупными талантами или высокимъ общественнымъ положеніемъ, то представлялъ собою уже силу значительную. Въ настоящее же время отдѣльныя личности ступеньваются какъ бы затерянныя въ общей толпѣ. Въ дѣлахъ государственныхъ въ наше время считается почти банальностью утвержденіе, что теперь міромъ управляетъ общественное мнѣніе. Единственная сила, заслуживающая это названіе, есть сила народной массы и сила правительствъ, когда эти правительства являются выразителями стремленій и побужденій народной массы. Это съ полнымъ правомъ примѣнимо какъ къ нравственнымъ и общественнымъ отношеніямъ людей въ ихъ частномъ быту, такъ и къ ихъ общественнымъ дѣламъ. Та часть общества, мнѣнія которой признаются за общественное мнѣніе, не всегда состоитъ изъ людей одного и того-же слоя общества; въ Америкѣ къ этой части общества принадлежитъ вся бѣлая раса; въ Англии—по преимуществу, люди средняго класса общества. Тѣмъ не менѣе, все-таки, эти люди составляютъ массу народную, т. е. иными словами, массовую посредственность. Но новою отличительною чертой нашего времени можно считать еще то, что масса теперь замѣтуетъ свои мнѣнія не отъ выдающихся представителей духовенства или государства, не отъ признанныхъ воѣмъ руководителей партій и не изъ книгъ. Теперь масса пользуется готовыми мнѣніями людей, стоящихъ почти на одинаковомъ съ ней уровнѣ, которые обращаются къ ней или которые говорятъ отъ имени ея подъ вліяніемъ минутнаго увлеченія, прибѣгая въ этомъ случаѣ къ посредству прессы. Я вовсе не осуждаю этого

факта. Я даже не хочу утверждать въ видѣ общаго правила, что при теперешнемъ низкомъ уровнѣ чело-вѣческаго уметвеннаго развитія какой-либо другой спо-собъ былъ-бы болѣе подходящъ. Тѣмъ не менѣе, однако, отъ этого несколько не измѣняется тотъ фактъ, что господство посредственности всегда будетъ господствомъ посредственнымъ. Ни одно правительство, демократи-ческаго-ли направленія или состоящее изъ многочислен-ныхъ представителей аристократіи, никогда не могло ни въ своихъ государственныхъ дѣлахъ, ни въ руко-водящихъ мѣніяхъ, ни по своимъ личнымъ качествамъ, ни по настроенію своего ума возвыситься и никогда не возвышалось надъ посредственностью, за исключе-ніемъ лишь случаевъ, когда большинство власть имущихъ руководилось совѣтами и поддавалось вліянію одного ка-кого-либо болѣе талантливаго и образованнаго лица или нѣсколькихъ подобныхъ лицъ, какъ оно въ дѣйстви-тельности поступало во всея наиболѣе выдающіеся періоды своего процвѣтанія. Инициатива всехъ муд-рыхъ и благородныхъ общественныхъ начинаній всегда исходитъ и исходить должна отъ отдѣльныхъ лично-стей и зарождается преимущественно въ умѣ одного какого-либо лица. Уже и за то слѣдуетъ воздать честь и славу людямъ средняго уровня, если они будутъ въ силахъ слѣдовать за этой инициативой; если они могутъ мысленно откликнуться на мудрыя и благородныя на-чинанія и воспринять ихъ вполне сознательно. Я здѣсь вовсе не подразумеваю того слѣднаго поклоненія ге-роямъ, которое выражается въ ликованіи толпы передъ могуществомъ гениальнаго человѣка, силой возведшаго себя въ званіе рѣшителя судебъ вселенной и заставляющаго міръ, наперекоръ своему желанію, покоряться его

величіймъ. Такой человекъ можетъ предъявлять притязаніе только на одно: на свободу указывать путь другимъ. Но если гениальный человекъ заставляетъ людей насильно слѣдовать по избранному имъ пути, то этимъ не только пошраетъ свободу и подавляетъ развитіе другихъ людей, но и самъ себя развращаетъ. Казалось-бы, однако, что въ то время, когда сила общественнаго мнѣнія людей среднего уровня уже почти повсюду стала или становится господствующей, то противовѣсомъ и тормазомъ этого стремленія будетъ служить все болѣе и болѣе рѣзко выражаемая индивидуальность именно тѣхъ лицъ, которыя стоятъ на высокихъ ступеняхъ умственнаго развитія. При подобныхъ обстоятельствахъ именно особенно важно, чтобы исключительно выдающіеся по своей индивидуальности люди не были сдерживаемы, а, наоборотъ, поощряемы къ тому, чтобы проявлять свою дѣятельность иначе, нежели это дѣлаетъ большинство людей. Въ прежнія времена люди оказывали пользу человечеству только въ томъ случаѣ, если они дѣйствовали не только иначе, но и лучше этого большинства; въ наше же время, можно сказать, всякое отступленіе отъ общепринятыхъ обычаевъ, всякій отказъ преклоняться передъ обычаями уже сами по себѣ составляютъ заслугу. Именно только въ силу того, что деспотизмъ общественнаго мнѣнія склоненъ ставить людямъ въ вину всякую эксцентричность ихъ поведенія, проявленіе подобной эксцентричности въ людяхъ является желательнымъ ради того, чтобы сломить этотъ деспотизмъ. Эксцентричность всегда проявляется всего замѣтнѣе въ тѣхъ странахъ, въ которыхъ преобладаютъ люди съ сильнымъ характеромъ; наиболѣе сильное проявленіе эксцентричности въ извѣстныхъ

обществахъ, въ большинствѣ случаевъ, обыкновенно пропорціонально наибольшему проявленію гениальности, умственной силы и нравственнаго мужества. И если въ настоящее время лишь очень немногіе дерзають проявлять эксцентричность, то это служитъ лишь знаменіемъ времени, которое должно служить для насъ предостереженіемъ.

Я уже указывалъ выше на то, какъ важно предоставлять возможно большую свободу всему тому, что выходитъ изъ ряда обыкновеннаго уровня ради того, чтобы люди могли со временемъ убѣдиться на опытѣ, что именно изъ выходящаго изъ общаго уровня пригодно для обращенія въ обычай. Но независимость дѣйствій и отступленіе отъ общепринятыхъ обычаевъ слѣдуетъ поощрять не единственно только потому, что они предоставляютъ возможность, пользуясь опытомъ, избирать наилучшій образъ дѣйствія и наилучшіе обычай, болѣе достойные того, чтобы стать общепризнанными; сверхъ того, право устраивать собственную жизнь согласно своимъ собственнымъ желаніямъ не должно считаться единственно законнымъ правомъ только тѣхъ людей, которые отличаются превосходствомъ своего ума. Нѣтъ никакого основанія требовать, чтобы жизнь всѣхъ людей была построена неизмѣнно по одному только общепринятому образцу или по нѣсколькимъ образцамъ. Если человѣкъ владѣетъ хоть какою-либо долею здраваго смысла и жизненнаго опыта, то тотъ родъ или образъ устройства своей жизни, который онъ самъ для себя избираетъ, будетъ всегда для него наилучшимъ не потому, чтобы они были наилучшими сами по себѣ, но потому, что они избраны лично имъ самимъ. Нельзя-же людей приравнивать къ стаду

овець; наконецъ и у овецъ есть свои отличія другъ отъ друга. Если человѣку трудно найти готовое платье или пару сапогъ, которые были-бы ему совершенно впору, и ему приходится или заказывать ихъ по мѣркѣ своей ноги или выбирать такіе сапоги, которые ему будутъ впору изъ общинарнаго склада этихъ предметовъ, то неужели можно допустить, что легче представить человѣку готовый планъ жизни, волюнѣ пригодный для него, чѣмъ выбрать по мѣркѣ платье; или неужели люди по своему физическому и нравственному складу болѣе схожи другъ съ другомъ, чѣмъ по величинѣ и формѣ своихъ ногъ? Уже одинъ тотъ фактъ, что люди обладаютъ различными склонностями и вкусами, долженъ служить достаточнымъ основаніемъ для того, чтобы не пытаться подводить всѣхъ людей подъ одинъ образецъ. Люди разнообразныхъ характеровъ требуютъ и различныхъ условій для своего духовнаго развитія; они не могутъ безъ ущерба для этого развитія жить въ одинаковыхъ для всѣхъ условіяхъ нравственной атмосферы, какъ не могутъ процвѣтать разнообразныя виды растений при одинаковыхъ условіяхъ физической атмосферы и климата. Тѣ условія, которыя оказываются благопріятными для развитія внешнихъ потребностей натуры одного человѣка, могутъ служить для другихъ людей лишь только препятствіями для развитія этихъ же потребностей. Одинъ и тотъ же образъ жизни можетъ въ одномъ человѣкѣ вызывать благотворный подъемъ духа для развитія его способности къ дѣятельности и къ наслажденію, тогда какъ для другого человѣка тотъ же самый образъ жизни оказывается тяжелымъ бременемъ, задерживающимъ или убивающимъ его духовную жизнь. Различіе людей другъ отъ друга,

какъ по отношеніи источниковъ ихъ радостей, ихъ воспримчивости къ страданіямъ, такъ и въ воздѣйствіи на нихъ различныхъ физическихъ и нравственныхъ условій до такой степени велико, что, при отсутствіи соответственнаго разнообразія въ ихъ образахъ жизни, люди не пользуются всею тою долей счастья, которая имъ принадлежитъ по праву, а также и не могутъ при этихъ условіяхъ достигать того умственного, нравственного и эстетическаго совершенства, на какое они способны. Спрашивается, на какомъ-же основаніи терпимость общественнаго мнѣнія должна простирается только на тѣ наклонности и на тотъ образъ жизни людей, которые общеприняты у большинства ихъ приверженцевъ? Существованіе различія вкусовъ и наклонностей людей признается всеми и вездѣ (исключая развѣ монастырей); люди могутъ по желанію, не навлекая на себя неудовольствія общества, напр., кататься на лодкѣ, курить, заниматься музыкой, атлетическими упражненіями, шахматной игрою, карточной игрою или чтеніемъ; и допускается это только потому, что число какъ сочувствующихъ, такъ и не сочувствующихъ этимъ занятіямъ слишкомъ велико, чтобы съ ними можно было бороться. Но тѣ мужчины и въ особенности тѣ женщины, которыхъ обвиняютъ въ томъ, что они дѣлаютъ что-либо „чего никто не дѣлаетъ“ или „не дѣлаютъ того, что дѣлаютъ все другіе люди“, подвергаются столь строгому осужденію общества какъ будто они совершили тяжкій нравственный проступокъ. Только человекъ, обладающій титуломъ или какимъ либо высокимъ рангомъ или, наконецъ, человекъ, пользующійся покровительствомъ высоко стоящаго лица, можетъ позволить себѣ некоторую льготу по отноше-

нію свободы въ своихъ поступкахъ, безъ ущерба для своей репутаціи. Повторяю: „нѣкоторую льготу“ потому, что тѣ люди, которые слишкомъ широко пользуются ею рискуютъ навлечь на себя нѣчто болѣе серьезное, чѣмъ только словесное осужденіе общества: имъ угрожаетъ опасность быть посаженными въ домъ сумашедшихъ и лишиться всего своего имущества, которое передастся въ руки родетвенниковъ *).

*) Невольно возмущаютъ и паводятъ ужасъ, тѣ основанія, которыя въ наше время считаются достаточно вѣскими для признанія человека юридически неспособнымъ къ управленію своими собственными дѣлами, а также и тотъ фактъ, что послѣ смерти даннаго лица его завѣщаніе о распредѣленіи его имущества можетъ быть признано не имѣющимъ законной силы въ томъ случаѣ, если стоимость его имущества будетъ на столь велика, чтобы покрыть издержки по поведенію дѣла. Самыя мельчайшія подробности частной жизни умершаго подвергаются строжайшему разслѣдованію со стороны самыхъ прерзвѣрныхъ людей, которые, если они только попадутъ на какое-либо обстоятельство жизни умершаго, сколько нибудь выходящее, съ ихъ точки зрѣнія, изъ ряда общепринятаго, весьма часто съ полнымъ успѣхомъ выставляютъ передъ судомъ это обстоятельство какъ доказательство ненормальности умственныхъ способностей завѣщателя: причемъ и сами присяжные, которые рѣшаютъ дѣло, по своему умственному развитію и понятіямъ стоятъ не только ни сколько не выше этихъ свидѣтелей, но весьма часто даже ниже ихъ, судьи же, съ своей стороны, отличающіеся замѣчательнымъ невѣдѣніемъ человѣческой природы и человѣческой жизни, незнаемъ въ особенности поразительно проявляющемся среди англійскихъ судей, очень часто вдобавокъ ко всему окончательно сбиваютъ присяжныхъ съ толку. Подобнаго рода процессы весьма краснорѣчиво свидѣтельствуютъ о той степени сочувствія и о тѣхъ воззрѣніяхъ, какія господствуютъ среди людей средняго уровня по

Одна изъ отличительныхъ чертъ теперешняго направленія общественнаго мнѣнія заключается въ томъ, что оно особенно склонно обнаруживать нетерпимость ко всякому выдающемуся проявленію индивидуальности. Люди средняго уровня отличаются не только посредственнымъ умомъ, но и умѣренными наклонностями: ни склонности, ни желанія людей нашего времени не настолько сильны, чтобы побуждали людей совершать что-либо выходящее изъ узкаго круга обыденной колен жизни; поэтому они и не могутъ сочувствовать тѣмъ людямъ, которые стремятся къ чему-либо выходящему изъ ряда обыденнаго, и причисляютъ ихъ къ разряду сумасбродныхъ и необузданныхъ людей, къ которымъ они привыкли относиться съ презрѣніемъ. Если мы въ дополненіе къ этому общераспространенному факту предположимъ, что проявится сильное стремленіе къ улучшенію нрав-

вопросу о свободѣ личности. Судьи и присяжные оказываются не только не способными цѣнить проявленіе индивидуальности, не только не признають за человѣкомъ право дѣйствовать въ дѣлахъ обыденной жизни согласно его собственному сужденію и желанію, но, въ довершеніе всего, не въ состояніи даже понять, что человѣкъ, находящійся въ здравомъ умѣ, могъ бы даже стремиться къ такой свободѣ. Въ прежнія времена, когда было поднятъ вопросъ о преданіи сожженію атеистовъ, сострадательные люди предлагали замѣнить эту казнь заключеніемъ въ сумашедшіе дома; было-бы вовсе неудивительно, если-бы въ наше время предложили прибѣгнуть къ подобной-же мѣрѣ, причемъ при ведшіе эту мѣру въ исполненіе восхваляли-бы самихъ себя что, вмѣсто того, чтобы подвергать преслѣдованію людей за ихъ противорелигіозныя убѣжденія, они прибѣгли къ такому яко-бы гуманному и христіанскому способу обращенія съ этими несчастными, въ тайнѣ, однако, злорадствуя, что такіе люди получили только заслуженное ими.

ственности, то намъ станетъ ясно, чего мы должны ожидать въ такомъ случаѣ въ будущемъ. Въ наши дни такому движенію, дѣйствительно, уже положено начало; многое уже успѣшно достигнуто въ отношеніи упорядоченія образа поведенія и обузданія различныхъ проявленій неумѣренности; повсюду распространяется духъ челоуѣколюбія, которому трудно подыскать болѣе плодотворное поле дѣятельности какъ улучшеніе нравственнаго и уметвеннаго положенія нашихъ же собратьевъ. Это направленіе современнаго общества способствуетъ тому, что люди теперь болѣе, нежели въ прежнія времена, склонны предписывать общія жизненные правила и подводить всѣхъ подъ одну опредѣленную и установленную мѣрку. И въ этомъ случаѣ такую открыто признанной мѣркой является отсутствіе въ людяхъ проявленія какого бы то ни было сильнаго стремленія къ какой-либо опредѣленной цѣли. Идеаломъ этой мѣрки служить отсутствіе въ людяхъ какого-либо рѣзко опредѣленнаго характера; стремленіе посредствомъ давленія (подобно тому какъ въ Китаѣ уродуютъ женскія ноги) задерживать всякое проявленіе челоуѣческихъ природныхъ качествъ, которыя выдвигаютъ челоуѣка надъ общимъ уровнемъ, или хотя бы въ чемъ нибудь дозволить ему выказать отличіе отъ остальныхъ людей.

Подобно тому какъ обыкновенно бываетъ съ тѣми идеалами, въ которыхъ отсутствуетъ на половину того, что было бы желательно, такъ точно и упомянутое мѣрило, признаваемое за идеаль, представляетъ собой только слабое подражаніе желаемой половины. Естественно, что въ результатъ проявляются не сильные, энергичные характеры, руководимые сильнымъ разумомъ, не сильныя чувства, строго контролируемыя со-

знательной волею, а, наоборотъ, проявляются слабыя чувства и слабая энергія, которыя могутъ быть легче сдерживаемы въ границахъ виѣшняго подчиненія общимъ правиламъ и не требуютъ отъ людей особенныхъ усилій ихъ воли или разума.

Уже и въ настоящее время люди съ сильною энергіей составляютъ столь рѣдкое явленіе, что его можно было бы отнести къ области преданія. Въ наше время въ Англіи почти не представляется людямъ иного поприща для проявленія ихъ энергій, кромѣ поприща торговыхъ или дѣловыхъ предпріятій, и сумму энергій, которая тратится на этомъ поприщѣ, можно все-таки считать еще весьма значительной. Та-же небольшая часть энергій, которая у людей остается отъ ихъ дѣловыхъ предпріятій, тратится ими на удовлетвореніе какой-либо прихоти; иногда это увлеченіе направляется на какое-либо полезное дѣло и можетъ даже касаться области филантропіи, но всегда носить односторонній характеръ и обыкновенно обнимаетъ лишь тѣсный кругъ дѣятельности. Величіе Англіи въ настоящее время можно сказать состоитъ въ ея сплоченности; не давая простора проявленію индивидуальности, англичане оказываются способными на что-либо истинно великое только благодаря ихъ привычкѣ спланиваться ради какого-либо дѣла. Такимъ положеніемъ дѣла нравственные и религіозные филантропы въ Англіи вполнѣ довольствуются, но люди, создавшіе Англію такою, какою она была до сихъ поръ, были люди иного закала, и удержать Англію отъ упадка могутъ только люди иного чѣмъ теперь закала.

Деспотизмъ обычая повсюду является тормазомъ человеческого прогресса, такъ какъ этотъ деспотизмъ

непрестанно враждуетъ съ проявленіемъ всякаго стремленія достигъ чего-либо высшаго, лучшаго чѣмъ обычное стремленіе, которое именуется, судя по обстоятельствамъ, то духомъ свободы, то духомъ прогресса или совершенствованія. Духъ совершенствованія есть духъ свободы, такъ какъ первый можетъ быть насильственно навязываемъ народу, вовсе не сочувствующему этому улучшенію; духъ-же свободы, оказывая сопротивленіе подобнаго рода попыткамъ, смотря по условіямъ страны и времени, можетъ оказаться въ союзъ съ противниками совершенствованія; но единственнымъ надежнымъ и постояннымъ источникомъ совершенствованія является свобода, такъ какъ при существованіи свободы является столько же независимыхъ центровъ совершенствованія, сколько и отдѣльныхъ индивидовъ. Принципъ прогресса, въ какой-бы формѣ онъ ни проявлялся, въ желаніи-ли свободы или совершенствованія, прямо противорѣчитъ господству обычая и во всякомъ случаѣ предполагаетъ освобожденіе отъ его ига, и въ борьбѣ этого принципа съ господствомъ обычая заключается главный интересъ, главное значеніе исторіи человѣчества. У наибольшей части міра нѣтъ, собственно говоря, вовсе своей исторіи потому именно, что деспотизмъ обычая всецѣло заполняетъ собою все остальное. Примѣромъ такого положенія дѣла служитъ весь Востокъ; тамъ обычай является во всѣхъ дѣлахъ высшимъ безапелляціоннымъ судьей; подъ словомъ справедливость, право, тамъ разумѣютъ сообразованіе съ обычаемъ; никому даже не приходится на мысль поступать вопреки обычаю, развѣ только какому-либо уноенному своею властью тирану. И мы видимъ результаты подобнаго слѣпотаго подчиненія обычаю. Восточные народы, какъ должно полагать, об-

ладали иѣкогда самобытностью; были многочисленны, образованны и свѣдуци по многимъ отраслямъ искусствъ. Они собственными усиліями дошли до этого развитія и были иѣкогда величайшими и могущественными народами во всемъ мірѣ.

Что-же представляютъ они въ настоящее время? Они теперь находятся въ подчиненіи или въ зависимости у тѣхъ племенъ, праотцы которыхъ бродили по ихъ лѣсамъ въ то время, когда праотцы упомянутыхъ восточныхъ народовъ владѣли великолѣпными дворцами и пышными храмами, и совершилось это потому, что у первыхъ наравнѣ съ обычаемъ господствовалъ также и духъ свободы и прогресса. Оказывается, слѣдовательно, что народъ можетъ идти по пути прогресса въ теченіи лишь извѣтнаго срока времени, а вельдѣ затѣмъ приостанавливается въ своемъ развитіи. Вопросъ въ томъ, когда именно наступаетъ такая приостановка? Тогда, когда въ народѣ утрачивается самобытность. Если подобная перемѣна произойдетъ когда-либо среди европейскихъ народовъ, то она выразится въ иѣсколькой формѣ: деспотизмъ обычая, угрожающій этимъ народамъ, не проявляется, строго говоря, въ формѣ застоя. Этотъ деспотизмъ хотя и преслѣдуетъ все то, что выходитъ изъ общаго уровня обычая, но онъ не противится нововведеніямъ, при условіи, однако, чтобы они были единодушно всеми признаны и касались бы всехъ безъ исключенія. Напримѣръ, мы отреклись отъ общепринятыхъ формъ одежды нашихъ праотцовъ, тѣмъ не мѣняе, однако, никто не дерзаетъ по покрою своей одежды чѣмъ-либо отличаться отъ другихъ людей, хотя моды могутъ мѣняться по иѣсколькой разъ въ теченіи года. Такимъ образомъ, насъ обизываютъ помнить, что

если совершаются какія-либо перемѣны, то совершаются только ради самой перемѣны, а не ради изящества или удобства, такъ какъ невозможно предположить, чтобы въ умахъ всѣхъ членовъ общества зарождались одновременно совершенно тождественныя понятія о красотѣ и объ удобствѣ, и чтобы у этихъ самыхъ людей одновременно зародилось-бы желаніе отбросить то, что всѣми признавалось красивымъ и удобнымъ. Въ наше время мы, однако, склонны не только къ перемѣнамъ, но и къ прогрессу; въ настоящее время у насъ безпрестанно вводятся новыя изобрѣтенія въ области механики, которыхъ мы придерживаемся до тѣхъ поръ, пока имъ на смѣну не явятся другія, лучшія изобрѣтенія; мы старательно стремимся къ улучшеніямъ въ области правительственныхъ дѣлъ, въ дѣлѣ воспитанія, даже въ области улучшенія правовъ, хотя относительно этой послѣдней области наше понятіе объ улучшеніяхъ ограничивается, главнымъ образомъ, желаніемъ убѣдить или принудить другихъ людей быть такими-же добродѣтельными, какими мы сами себя считаемъ. Мы вовсе не противники прогресса; скорѣе наоборотъ; мы гордимся тѣмъ, что мы самый просвѣщенный изъ всѣхъ народовъ, когда-либо существовавшихъ на свѣтѣ. Мы возстаемъ, главнымъ образомъ, только противъ проявленія всякой индивидуальности; намъ кажется, что мы совершили бы высокій подвигъ, если бы намъ удалось уравнять всѣхъ людей подъ одну мѣрку, упуская при этомъ изъ виду, что именно отличіе одного человѣка отъ другаго представляетъ собой то условіе, благодаря которому каждый человѣкъ обращаетъ свое вниманіе или на недостатки, присущіе людямъ его типа, или на превосходства людей другаго типа; что, благодаря такому от-

личію, люди могутъ воспользоваться преимуществами разнообразныхъ типовъ для того, чтобы выработать болѣе совершенный типъ. Въ этомъ отношеніи примѣръ Китая можетъ служить для насъ предостереженіемъ. Китайцы — народъ несомнѣнно талантливый и въ извѣстномъ отношеніи даже мудрый, благодаря счастливо сложившимся обстоятельствамъ, которыя дали ему возможность еще въ ранній періодъ своего развитія установить рядъ необыкновенно разумныхъ обычаевъ, явившихся въ большой мѣрѣ плодомъ трудовъ такихъ людей, какихъ даже наиболѣе просвѣщенные люди Европы должны признать, хотя и съ нѣкоторыми ограниченіями, за мудрецовъ и философовъ. Китайцы, сверхъ того, замѣчательны еще тѣмъ, что умѣютъ необычайно искусно способствовать тому, чтобы каждое отдѣльное лицо усваивало, насколько возможно, большую долю всей мудрости, до которой дошла страна, обезпечивая за каждымъ членомъ общества, усвоившимъ наибольшій запасъ мудрости, право занимать государственныя мѣста, съ которыми сопряжены власть и почетъ. Казалось-бы несомнѣннымъ, что народъ, который былъ въ состояніи достигъ подобнаго успѣха, открылъ тайну прогресса и долженъ былъ бы прочно стать во главѣ движенія впередъ на пути прогресса всего остальнаго міра. Оказывается, однако, что этотъ народъ, наоборотъ, впалъ въ состояніе застоя и пребываетъ въ этомъ состояніи въ теченіе цѣлыхъ тысячелѣтій; и если когда-либо будетъ подвинутъ на дальнѣйшее развитіе, то только при условіи, что толчекъ къ этому будетъ данъ иноземнымъ вмѣшательствомъ. Китайцамъ удалось, вопреки ожиданію, достигнуть того, къ чему такъ ревностно, хотя и тщетно, стремится англійская филан-

тропія: они достигли полнаго единомыслія, безусловнаго подчиненія мыслей и дѣйствій людей одинаковымъ для всѣхъ людей принципамъ и правиламъ; и вотъ результатъ, котораго они добились. Наше современное настроеніе общественнаго мнѣнія въ сущности совершенно одинаково съ китайскою воспитательной системою; разница лишь въ томъ, что у нихъ эта система строго организованная, тогда какъ у насъ она проявляется въ неправильно организованной формѣ. Если индивидуальности не будетъ дано простора, чтобы съ усѣхомъ побороть иго общественнаго мнѣнія, то Европѣ, не смотря на ея достославное прошлое, не смотря на общепризнанный духъ христіанства, грозитъ участь сдѣлаться вторымъ Китаемъ.

Что же именно до сихъ поръ спасало Европу отъ подобной участи? Благодаря чему, спрашивается, европейская семья народовъ представляетъ собою прогрессирующую, а не пребывающую въ состояніи застоя, часть человѣческаго рода? Во всякомъ случаѣ не благодаря какому-либо особому высшему, одной ей лишь присущему превосходству, такъ какъ еслибы оно дѣйствительно существовало, то проявилось бы какъ слѣдствіе, а не какъ причина; а благодаря проявленію въ Европѣ необычайнаго разнообразія въ характерахъ людей и ея культуры. Отдѣльныя личности, отдѣльные классы общества, отдѣльныя націи Европы всегда отличались рѣзкимъ разнообразіемъ своихъ типовъ; вслѣдствіе этихъ условій каждая изъ этихъ націй пробила себѣ и различныя пути къ достиженію какой-либо благодѣтельной цѣли. Не смотря на то, что въ Европѣ во все времена люди, шествовавшіе по различнымъ путямъ, проявляли нетерпимость въ отношеніи другъ къ другу

и каждый изъ шествовавшихъ впередъ по пути прогресса былъ искренно убѣжденъ въ томъ, что для достиженія цѣли было бы желательно принудить всѣхъ остальныхъ людей идти по тому же пути, который избранъ имъ, тѣмъ не менѣе, однако, эти попытки противодѣйствовать взаимному развитію въ рѣдкихъ случаяхъ имѣли продолжительный успѣхъ и каждая изъ враждующихъ сторонъ съ теченіемъ времени замѣтовала все то хорошее, чего добилаеь другая враждебная сторона. По моему мнѣнію, Европа своимъ прогрессивнымъ и многостороннимъ развитіемъ всецѣло обязана этому разнообразію путей. Въ настоящее же время Европа замѣтно мало-по-малу утрачиваетъ все болѣе и болѣе это благодѣтельное преимущество. Она несомнѣнно постепенно приближается къ китайскому идеалу уравниванія людей подъ одну общую мѣрку. Токвилль въ своемъ послѣднемъ замѣчательномъ сочиненіи говоритъ, что у французовъ современнаго поколѣнія гораздо больше сходства типовъ, нежели у французовъ предшествовавшихъ поколѣній. Такое же замѣчаніе можно было бы сдѣлать и по отношенію Англіи, гдѣ это явленіе обнаруживается даже въ болѣе значительной степени. Въ приведенной мною выше выдержкѣ изъ сочиненій Вильгельма Гумбольдта указывается на два необходимыхъ условія человѣческаго развитія, необходимыхъ именно потому, что, благодаря этимъ условіямъ, люди будутъ меньше походить другъ на друга; эти условія суть: свобода и разнообразіе занимаемыхъ людьми общественныхъ положеній. Последнее изъ этихъ двухъ условій въ Англіи постепенно исчезаетъ. Окружающія какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и цѣлыя классы общества внѣшнія условія жизни, способствующія образованію ихъ

характеровъ, съ каждымъ днемъ становятся болѣе и болѣе однообразными. Въ прежнее время люди, принадлежащіе къ различнымъ классамъ общества, къ различнымъ округамъ, люди, занимающіеся различными промыслами и ремеслами, вращались, такъ сказать, каждый въ своемъ особомъ мірѣ; въ настоящее же время все эти люди въ большой мѣрѣ живутъ почти одинаковою жизнью. Въ настоящее время, сравнительно говоря, все современное общество читаетъ, слушаетъ одно и то же; разговоры вращаются около однихъ и тѣхъ же предметовъ; предметы зрѣлица почти одни и тѣ же; они посѣщаютъ одиѣ и тѣ же мѣстности; надежды и опасенія совершенно одинаковы у всѣхъ; все пользуются одинаковыми правами и льготами и все обладаютъ одинаковыми средствами для охраны этихъ правъ и этихъ льготъ. Какъ бы ни было значительно въ наше время различіе въ общественномъ положеніи людей, все-таки оно ничтожно по сравненію съ тѣмъ различіемъ, которое существовало въ прежнія времена. И это уюдобленіе людей другъ другу продолжаетъ распространяться все больше и больше. Различныя реформы нашего вѣка способствуютъ этому уюдобленію, такъ какъ клонятся къ тому, чтобы возвысить стоящихъ на низкихъ ступеняхъ общества и понизить выше стоящихъ. Всякій шагъ на пути распространенія просвѣщенія способствуетъ этому уравненію людей, такъ какъ заставляетъ ихъ подчиняться однимъ и тѣмъ же влияніямъ, открываетъ доступъ къ воспріятію одинаковаго для всѣхъ запаса фактовъ и чувствъ. Улучшеніе средствъ сообщенія также способствуетъ этому уюдобленію людей именно тѣмъ, что сближаетъ лицъ, живу-

щихъ на большихъ другъ отъ друга разстоянійхъ облегчаетъ имъ возможность личнаго общенія и поощряетъ людей къ быстрому передвиженію съ одного мѣста жительства на другое. Разростаніе торговли и мануфактурной промышленности также способствуетъ этому же уравненію людей, предоставляя имъ возможность пользоваться удобствами жизни и открывая доступъ къ достиженію даже и наивысшихъ цѣлей честолюбивыхъ стремленій общему соревнованію людей, влѣдствіе чего возможность возвыситься надъ толпой уже не является характеристическою привилегіей лишь одного какого либо особаго класса общества. Но важнѣйшимъ изъ всѣхъ названныхъ условій, способствующихъ общему уравненію человѣческихъ характеровъ подъ одинъ общій типъ, можно считать вліяніе твердо установленнаго въ Англіи и другихъ свободныхъ странахъ общественнаго мнѣнія и постоянно возрастающее порабощеніе общественному мнѣнію. По мѣрѣ того, какъ занятіе высшихъ должностей становится все болѣе и болѣе доступнымъ людямъ средняго класса общества; по мѣрѣ того, какъ въ противоположность прежнимъ условіямъ, когда людямъ, занимающимъ высокіе общественные посты, предоставлялась возможность пренебрегать общественнымъ мнѣніемъ толпы, и по мѣрѣ того, какъ самая мысль о возможности сопротивленія общественному мнѣнію (когда такое мнѣніе дѣйствительно существуетъ и ясно выражается обществомъ) все болѣе и болѣе вытѣсняется въ умахъ практическихъ государственныхъ дѣятелей, по мѣрѣ всего этого всякое отступленіе отъ общепринятаго лишается общественной поддержки и вмѣстѣ съ тѣмъ исчезаетъ и всякая сколько-нибудь существенная способность общества, противоудѣйстви-

вать или покровительствовать мнѣніямъ и стремленіямъ, противоположнымъ тѣмъ, которыя признаются толпою.

Сочетаніе всѣхъ этихъ условій образуетъ собой такую массу вліяній, враждебныхъ проявленію индивидуальности, что трудно даже предвидѣть, будетъ ли она въ состояніи устоять отъ ихъ напора. Индивидуальности въ будущемъ все болѣе и болѣе угрожаетъ опасность, если только наиболѣе интеллигентный классъ общества не проникнется сознаніемъ великаго ея значенія, если не проникнется сознаніемъ, что различіе во мнѣніяхъ, хотя бы оно клонилось не къ наилучшимъ цѣлямъ или даже клонилось, повидимому, прямо къ вреднымъ цѣлямъ, все-таки само по себѣ достойно всякой поддержки. Настоящее время можно считать какъ нельзя болѣе подходящимъ для признанія правъ за индивидуальностью; именно теперь, когда еще многого не достаетъ для окончательнаго восторжествованія этого насильственнаго уравниванія всякой самобытности. Только въ самомъ раннемъ періодѣ подобнаго порабоженія и возможно съ успѣхомъ бороться противъ него. Требованіе, чтобы всѣ люди во всемъ уподоблялись намъ самимъ, возрастаетъ сильнѣе и сильнѣе по мѣрѣ того, какъ люди поддаются такому притязанію. Если люди будутъ избѣгать борьбы съ этимъ порабоженіемъ до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, условія жизни подведутъ людей подъ одинъ почти всеобщій типъ, то наступитъ время, когда всякія уклоненія будутъ считаться противными духу религіи, безирравственными и противными законамъ природы. Человѣчество весьма быстро утратитъ всякое понятіе объ индивидуальности, если не будетъ видѣть передъ собой примѣры людей, выдающихся изъ общаго уровня.

ГЛАВА IV.

О предѣлахъ власти общества надъ индивидомъ.

До какихъ-же границъ, спрашивается, можетъ простирается законная власть человѣка надъ самимъ собой. Гдѣ оканчивается эта власть, уступая мѣсто власти общества надъ нимъ? Какую долю жизни человѣка должно предоставить его личному вѣдѣнію и какая доля подлежитъ вѣдѣнію общества?

Какъ каждый индивидъ, такъ равно и общество получаетъ свою надлежащую долю власти, если, какъ тому, такъ и другому будетъ предоставлена свобода распорядиться тѣмъ, что ближе всего ихъ касается. Индивидуальности должна быть отведена та часть жизни, въ которой наиболѣе заинтересованъ самъ индивидъ, а обществу, опять таки, та часть, которая, главнымъ образомъ, затрагиваетъ интересы общества. Хотя общество основывается безъ посредства какихъ-либо обязательныхъ договоровъ и никакіе договоры, заключаемые съ цѣлью вынудить общество къ какимъ либо принудительнымъ обязательствамъ, никогда не могли бы повести къ какимъ-либо благимъ послѣдствіямъ, тѣмъ не менѣе каждый, пользующійся покровительствомъ общества, обязанъ чѣмъ-либо вознаграждать общество за оказываемое ему покровительство, и самый тотъ фактъ, что человѣкъ живетъ въ обществѣ, уже обязываетъ каждого человѣка соблюдать извѣстныя правила поведения по отношенію къ другимъ людямъ. Правила эти заключаются, во-первыхъ, въ томъ, чтобы не вредить

интересамъ другихъ лицъ или, вѣрнѣе, извѣстнымъ ихъ интересамъ, которые, по особому-ли предусмотрѣнію закона или по предполагаемому соглашенію, признаются какъ законныя права каждаго индивида. Во-вторыхъ, въ томъ, чтобы каждый несъ свою, опредѣленную на основаніи какихъ-либо справедливыхъ началъ, долю труда и жертвъ, которые нужны обществу для защиты его самаго или членовъ этого общества отъ вреда и безпокойствъ. Общество имѣетъ право принуждать къ выполненію во что бы то ни стало этихъ условій тѣхъ лицъ, которые уклоняются отъ ихъ выполненія. Но этимъ еще не ограничивается власть общества. Дѣйствія извѣстнаго лица могутъ вредить окружающимъ, или-же это лицо можетъ относиться съ недостаточнымъ уваженіемъ къ интересамъ другаго лица, хотя-бы при этомъ и не нарушало какихъ либо изъ установленныхъ правъ этихъ лицъ. Въ этомъ случаѣ виновный подлежитъ наказанію по закону. Если-же какой нибудь образъ дѣйствій даннаго лица вредитъ интересамъ другихъ людей, то общество вправе подвергать это лицо суду общественному и въ этихъ случаяхъ вопросъ сводится лишь къ тому, будетъ-ли или не будетъ нанесенъ ущербъ общему благу такимъ вмѣшательствомъ общества. Въ тѣхъ-же случаяхъ, наоборотъ, когда дѣйствія даннаго лица затрогиваютъ лишь его личные интересы или же если затрогиваютъ интересы другихъ лицъ, но съ ихъ же согласія (причемъ, конечно, предполагается, что дѣло касается людей, уже достигшихъ совершеннолѣтія и не лишенныхъ разума), то не можетъ вовсе и возникать вопроса о вмѣшательствѣ общества. Во всѣхъ подобнаго рода случаяхъ должна быть предоставляема, какъ со стороны закона, такъ и общества, каждому

лицу полная свобода поступать по своему усмотрѣнію и нести отвѣтственность за всѣ послѣдствія своихъ поступковъ. Было-бы весьма ошибочно полагать, что это ученіе проповѣдуетъ эгоистическое безучастіе къ личности другихъ и признаетъ, что людямъ нѣтъ никакого дѣла до того, какъ человекъ вообще поступаетъ въ жизни, и что они вовсе не должны вмѣшиваться ни въ вопросъ о поступкахъ другаго лица, ни въ вопросъ о его благополучіи, пока не затрогиваются ихъ собственные интересы. Для того, чтобы способствовать благополучію людей, необходимо не ослабленіе самоотверженнаго стремленія общества придти къ нимъ на помощь, а, наоборотъ, расширеніе границъ этого стремленія. Но самоотверженное стремленіе къ оказанію помощи нашимъ ближнимъ заключается не въ томъ, чтобы убѣждать людей дѣлать то, что будетъ способствовать къ ихъ благу, при помощи кнута и плетей въ буквальномъ или въ переносномъ смыслѣ этихъ словъ. И менѣе чѣмъ кто-либо желалъ бы умалять значеніе личныхъ добродѣтелей; я считаю, что онѣ занимаютъ по своему важному значенію второе, если только не первое, мѣсто послѣ общественныхъ добродѣтелей. Задача воспитанія состоитъ въ томъ, чтобы одинаково развить какъ первыя, такъ и вторыя добродѣтели. Но и самое воспитаніе достигается своей цѣли не только путемъ принужденій, но въ равной мѣрѣ и путемъ убѣжденій и увѣщаній, и только лишь тогда, когда уже пройденъ періодъ воспитанія людей, должно приступить къ внушенію имъ обязанностей человека по отношенію къ самому себѣ. Разумныя существа обязаны оказывать другъ другу помощь въ ихъ стремленіи различать добро отъ зла и поощрять другъ друга

избирать первое и избѣгать послѣдняго. Они должны постоянно возбуждать другъ друга къ стремленію ревностно примѣнять къ дѣлу свои наивысшія дарованія и къ тому, чтобы люди направляли все свои чувства и стремленія къ разумнымъ, а не пустяшнымъ дѣламъ, къ возвышающимъ, а не унижающимъ достоинство чело-вѣка чувствамъ и дѣлямъ. Но ни одинъ чело-вѣкъ и ни одно общество людей не имѣютъ права воспрещать другому чело-вѣку зрѣлаго возраста распорядиться своею жизнью по своему усмотрѣнію и такъ, какъ онъ счита-етъ за лучшее для себя. Наболѣе заинтересованнымъ лицомъ въ своемъ благополучіи является, несомнѣнно, само данное лицо и интересъ какаго-либо посторонняго лица, за исключеніемъ случаевъ сильныхъ личныхъ привязанностей, можетъ быть только весьма поверх-ностнымъ по сравненію съ собственнымъ, личнымъ интересомъ въ этомъ вопросѣ; участіе же, которое при-стаетъ обществу къ индивиду (исключая его образа по-веденія по отношенію окружающихъ), можетъ быть лишь частичнаго и въ общемъ косвеннаго свойства; что-же касается его личныхъ чувствъ и обстоятельствъ жизни, то даже самый обыкновенный чело-вѣкъ, какъ мужчина, такъ и женщина, обладаетъ такими прекрасными сред-ствами къ познанію того, что для него есть благо, ка-кими ни одинъ посторонній чело-вѣкъ не можетъ обладать. Вмѣшательство общества въ сужденія и стремленія, только лично касающіяся даннаго лица, можетъ быть основано лишь на общихъ предположеніяхъ, которыя могутъ оказаться совершенно ошибочными; но если-бы даже они и оказались правильными, то легко возможно, что въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ люди, знакомые съ дѣломъ лишь въ качествѣ стороннихъ наблюдателей,

могутъ примѣнить свое внимательство совершенно не основательно.

Эта область личныхъ людскихъ дѣяній, слѣдовательно, всецѣло принадлежитъ индивидуальности. Что касается образа дѣйствій однихъ людей по отношенію къ другимъ людямъ, то необходимо, чтобы большая часть этихъ дѣйствій была подчинена извѣстнымъ общимъ правиламъ съ тою цѣлью, чтобы люди могли напередъ знать, чего они могутъ ожидать отъ окружающихъ; но во всѣхъ дѣлахъ, касающихся только лично каждаго человѣка, ему должно быть предоставлено неограниченное право поступать согласно своему собственному усмотрѣнію. Съ цѣлью дать извѣстное направленіе сужденіямъ человѣка и ради укрѣпленія его воли, ему могутъ быть предлагаемы другими людьми совѣты и увѣщанія, причемъ дозвоительно прибѣгать и къ упорной настойчивости, но конечное рѣшеніе вопроса должно принадлежать только единолично ему самому. Всѣ заблужденія, въ которыя онъ можетъ впасть, если не послѣдуетъ совѣтамъ и предостереженіямъ другихъ лицъ, причиняютъ ему все-таки значительно меньшій вредъ, сравнительно съ тѣмъ вредомъ, который могутъ ему причинить другіе, если имъ будетъ дана возможность приневоливать людей поступать такъ, какъ они по своему усмотрѣнію, считаютъ за благо для него.

Я вовсе не хочу утверждать, что чувства, которыя люди къ себѣ внушаютъ, не находятся въ прямой зависимости отъ личныхъ качествъ даннаго лица. Это невозможно и нежелательно. Если человѣкъ обладаетъ какими-либо высокими качествами, клонящимися къ его-же собственному благу, то онъ становится вполне достойнымъ уваженія окружающихъ. Благодаря этимъ качествамъ, такой

человѣкъ приближается къ идеалу совершенства человѣческой природы. Если-же человѣкъ въ значительной степени лишенъ такихъ качествъ, то онъ внушаетъ другимъ людямъ чувства, противоположныя уваженію. Мы встрѣчаемъ нѣкоторыхъ людей, отличающихся извѣстной степенію безразсудства, извѣстною низостью характера и развращенностью (хотя эти термины не совсѣмъ подходящи къ данному случаю), которые хотя не даютъ остальнымъ людямъ право причинять этимъ лицамъ какой-либо вредъ, но все-таки заставляютъ окружающихъ сторониться отъ нихъ какъ отъ людей, возбуждающихъ къ себѣ чувства отвращенія, а въ крайнихъ случаяхъ даже презрѣніе; но люди, осуждающіе такого человѣка, именно потому и относятся къ нему съ такою строгостью, что сами обладаютъ качествами совершенно противоположнаго свойства. Человѣкъ, не причиняющій никому вреда, можетъ, однако, своими поступками вынудить къ тому, чтобы къ нему относились какъ къ человѣку ограниченнаго ума или какъ къ существу низшаго порядка; а такъ какъ отношеніе людей къ подобному человѣку и осужденіе его поступковъ заставляютъ ихъ примѣнять по отношенію къ нему такія мѣры, которыхъ онъ предпочелъ-бы избѣгать, то мы даже оказываемъ ему услугу, если напередъ предостерегаемъ его о томъ, чему онъ подвергаетъ себя, подобно тому, какъ предостерегли-бы его о всякомъ другомъ непріятномъ послѣдствіи, которому онъ можетъ подвергнуться. И было-бы дѣйствительно желательно, чтобы люди оказывали другъ другу подобную услугу, вмѣсто того, чтобы изъ ложнаго понятія о вѣжливости воздерживаться отъ высказыванія своего мнѣнія, и если-бы люди рѣшились открыто и

честно указывать другимъ на ихъ ошибки, не рискуя прослыть за это невѣжливыми или дерзкими. Мы имѣемъ также право различными путями дѣйствовать по отношенію къ данному лицу согласно нашему неблагопріятному мнѣнію о немъ, не съ цѣлью притѣвленія его личности, но ради защиты нашей собственной индивидуальности. Такимъ образомъ, мы вовсе не обязаны стремиться къ сближенію съ подобнымъ человѣкомъ; мы вправѣ избѣгать сообществъ съ нимъ (не выказывая, однако, слишкомъ явно нашего пренебреженія къ нему) уже по одному тому, что каждый изъ насъ имѣетъ полное право избирать для себя общество по собственному желанію. Мы имѣемъ право, — и это можетъ въ иныхъ случаяхъ считаться прямою нашею обязанностью по отношенію къ другому лицу, — предостеречь отъ общенія съ такимъ человѣкомъ и другихъ людей въ томъ случаѣ, если мы находимъ, что его примѣръ или высказываемые имъ взгляды на вещи могутъ вредно повліять на тѣхъ людей, съ которыми онъ будетъ приходиться въ соприкосновеніе. Мы можемъ отдавать другимъ людямъ явное предпочтеніе передъ такимъ человѣкомъ, оказывая, напримѣръ, этимъ людямъ различнаго рода услуги, которыхъ мы его лишаемъ, за исключеніемъ развѣ такой услуги, которая могла-бы повести къ его исправленію. Такимъ образомъ, человѣкъ подвергается весьма чувствительной карѣ отъ другихъ людей за тѣ ошибки, которыя касаются непосредственно его самого; но ему приходится переносить эти кары, поскольку онъ является естественными и какъ-бы неизбѣжными послѣдствіями его собственныхъ недостатковъ, а не потому, что-бы эти кары преднамѣренно налагались на него ради того только, чтобы его наказать. Человѣкъ,

который въ своихъ сношеніяхъ съ людьми проявляетъ упрямство и самолюбіе, который живетъ выше своихъ денежныхъ средствъ, который не можетъ воздержаться отъ губныхъ излишествъ и предается изменнымъ страстямъ въ ущербъ наслажденіямъ духовнымъ и умственнымъ — такой человѣкъ долженъ ожидать, что потеряетъ во мнѣніи другихъ людей и что на его долю падеть лишь незначительная часть благорасположенія другихъ людей; такой человѣкъ, однако, не вправѣ жаловаться на свою судьбу, если только онъ не заслужилъ снисхожденія къ своимъ недостаткамъ особыми заслугами передъ обществомъ и черезъ это приобрѣлъ право на благосклонное о себѣ мнѣніе людей, на которое не должны вліять его личные недостатки, касающіеся лично его самого. Я утверждаю, что тѣ послѣдствія, которыя являются неизбежными для человѣка вѣдѣтіе неблагопріятнаго мнѣнія о немъ другихъ лицъ, должны служить единственнымъ карами, которымъ человѣку приходится подвергаться за тотъ его образъ поведенія его и характеръ, которые касаются его собственнаго блага, но не затрогиваютъ интересовъ другихъ лицъ въ ихъ сношеніяхъ съ нимъ. Тѣ же дѣйствія человѣка, которыя причиняютъ вредъ другимъ, подлежатъ совѣмъ иной карѣ. Посягательства на права другихъ лицъ, причиненіе имъ убытковъ или вреда, не оправдываемыхъ огрaженіемъ личныхъ правъ отъ посягательствъ другихъ лицъ, обманъ или двусудніе въ сношеніи съ людьми, неправильное или невеликодушное пользованіе преимуществами надъ другими, даже эгоистичный отказъ отъ защиты окружающихъ отъ несправедливыхъ нападокъ — все это поступки, заслуживающіе нравственнаго порицанія, а

въ крайнихъ случаяхъ — нравственнаго возмездія или кары. И не только самое совершеніе подобныхъ поступковъ, но даже и наклонности людей къ совершенію ихъ въ сущности должны считаться безнравственными и могутъ служить предметомъ осужденія, которое можетъ возрасти у людей до чувства отвращенія по отношенію къ этимъ лицамъ.

Склонность къ жестокости, злоба и недоброжелательность, а также и самая противуобщественная и гнусная изъ всѣхъ страстей — зависть, скрытность и неискренность, вспыльчивость изъ за ничтожнаго повода и злопамятность безъ надлежащаго повода къ ней, высокомерное отношеніе къ людямъ, алчное стремленіе захватить себѣ бѣдшую часть какихъ-либо выгодъ въ ущербъ выгодамъ другихъ лицъ (*πλεονεξία* у грековъ), гордость, которая находитъ себѣ удовлетвореніе въ томъ, чтобы унижать другихъ, себялюбіе, считающее себя и все свои дѣла важнѣе всего прочаго на свѣтѣ, и разрѣшающее все спорные вопросы исключительно только въ свою пользу—все это суть нравственные пороки и образуютъ у человѣка злой и мстительный характеръ, вовсе не схожіи съ тѣми указанными выше недостатками человѣка, которые касаются лишь его собственной личности и которые въ сущности не суть безнравственны въ строгомъ смыслѣ этого слова и, даже доведенные до крайности, не могутъ считаться порочными. Эти недостатки могутъ служить доказательствомъ высокой степени безразсудства людей или недостатка въ нихъ чувства собственнаго достоинства и самоуваженія, но они становятся предметомъ общаго осужденія лишь тогда, когда они влекутъ за собой нарушеніе нравственнаго долга человѣка по отношенію къ другимъ,

ради блага которыхъ каждый человекъ обязанъ заботиться и о своемъ собственномъ благѣ. То, что подразумѣвается подъ словомъ: „нравственный долгъ“ человека по отношенію къ самому себѣ, не составляетъ обязательно долгъ по отношенію общества, если обстоятельства не превращаютъ въ то же время этотъ долгъ и въ обязанность по отношенію къ другимъ. Выраженіе „обязанность къ самому себѣ“, если подъ нимъ подразумѣвается нѣчто болѣе, чѣмъ благоразуміе, означаетъ самоуваженіе или заботу человека о своемъ саморазвитіи: а за нарушеніе этого долга никто не отвѣтственъ передъ своими братьями, такъ какъ для блага человечества вовсе не требуется, чтобы человекъ былъ отвѣтственъ за то, что онъ пренебрегаетъ этимъ долгомъ. Различіе между потерей уваженія общества, которое кто-либо навлекаетъ на себя вслѣдствіе своего неблагоразумія или отсутствія чувства собственнаго достоинства, и осужденіемъ, которое постигаетъ его за нарушеніе правъ другихъ, не есть только чисто номинальное различіе. Чувства, которыя мы питаемъ къ человеку, а равно и наши поступки по отношенію къ нему находятся въ большой зависимости отъ того, возбуждаетъ-ли онъ наше неудовольствіе въ такихъ дѣлахъ, которыя мы считаемъ себя вправе контролировать, или въ дѣлахъ, которыя, какъ мы знаемъ, не подлежатъ вовсе нашему контролю. Если человекъ не симпатиченъ намъ самъ по себѣ, то мы вправе не скрывать наше нерасположеніе къ нему и можемъ отстраняться отъ него, какъ отстраняемся отъ всякаго предмета, который намъ не нравится; но мы не станемъ поэтому считать себя вправе отравлять ему жизнь. Мы должны принять въ соображеніе, что онъ

и такъ уже несетъ полную мѣру наказанія за свои заблужденія и будетъ и впродъ нести это наказаніе; если такой человѣкъ самъ портитъ себѣ жизнь своимъ дурнымъ поведеніемъ, то это не можетъ служить поводомъ къ тому, чтобы мы желали еще болѣе испортить ему жизнь. Въмѣсто того, чтобы желать наказанія, мы должны скорѣе стараться облегчить наказаніе, указывая ему, какъ онъ можетъ избѣжать или исправить то зло, которое онъ самъ себѣ причиняетъ своимъ же поведеніемъ. Онъ можетъ возбуждать въ насъ чувство жалости къ нему, даже нашу антипатію, но не чувство злобы или желаніе ему мстить; мы не должны обращаться съ нимъ какъ со врагомъ общества; самое худшее, на что мы имѣемъ право по отношенію къ нему, это—предоставить его самому себѣ, если мы не на столько принимаемъ въ немъ участія, чтобы выражать ему наше сочувствіе. Совершенно иное дѣло, если человѣкъ, напр., нарушилъ правила, установленныя для защиты его же собратьевъ, какъ каждой личности въ отдѣльности, такъ и всего общества въ совокупности. Тогда послѣдствія его дѣйствій отражаются не только на немъ самомъ, но и на окружающихъ, и общество, въ качествѣ защитника каждаго изъ своихъ сочленовъ, должно отмщать за причиненное имъ зло; должно заставить его страдать съ преднамѣренною цѣлью наказанія его и должно наблюдать за тѣмъ, чтобы наказаніе это было достаточно строгимъ. Въ этомъ случаѣ онъ является передъ судомъ общества какъ виновный и мы должны не только произнести свой приговоръ надъ нимъ, но и въ той или иной формѣ приводить въ исполненіе этотъ приговоръ на дѣлѣ. Въ другомъ же случаѣ мы не вправѣ подвергать его ка-

кому-либо наказанію, кромѣ того наказанія, которое можетъ случайно послѣдовать, если мы дадимъ себѣ такую же волю образу нашихъ дѣйствій, какую допустили въ его поведеніи.

Многіе, вѣроятно, не согласятся признать указанное здѣсь различіе между той стороной жизни человѣка, которая касается только его самого лично, и той стороной, которая затрагиваетъ интересы окружающихъ. Какимъ образомъ, могутъ задать вопросъ, можетъ какая-нибудь сторона образа дѣйствій одного члена общества быть безразличной для другихъ членовъ общества? Ни одинъ человѣкъ не есть совершенно обособленное отъ другихъ существо; невозможно допустить, чтобы человѣкъ могъ причинить серьезный или долговременный вредъ самому себѣ, не причиняя въ то же время вреда по крайней мѣрѣ своимъ ближнимъ, а часто и людямъ, съ которыми онъ мало соприкасается.

Если человѣкъ расточаетъ свое имущество, то этимъ причиняетъ вредъ тѣмъ, которые прямо или косвенно извлекали изъ этого имущества необходимыя для нихъ средства существованія, и обыкновенно уменьшаетъ на большую или меньшую сумму общіе источники дохода общества. Если онъ разрушаетъ свои тѣлесныя или умственныя силы, то не только вредитъ всѣмъ тѣмъ, благополучіе которыхъ такъ или иначе находится отъ него въ зависимости, но и дѣлаетъ самаго себя непригоднымъ къ выполненію тѣхъ обязанностей, которыя онъ обязанъ нести по отношенію къ своимъ братьямъ, и можетъ стать бременемъ для тѣхъ, кто привязанъ или благоволитъ къ нему. И если бы случаи подобнаго поведенія повторялись часто, то едва-ли найдется какой-либо другой проступокъ, который могъ бы при-

чинять столько вреда общему благу человечества, какъ подобное поведеніе человѣка. Наконецъ, если человѣкъ своимъ порочнымъ или безразсуднымъ поведеніемъ не причиняетъ другимъ прямого вреда, то тѣмъ не менше, могутъ возразить, онъ уже вредитъ окружающимъ, подавал имъ дурной примѣръ, и такой человѣкъ долженъ быть принуждаемъ къ тому, чтобы взять власть надъ самимъ собой, въ интересахъ тѣхъ людей, которые, только видя или зная о его поступкахъ, могли бы со-
вратиться и пойти по ложному пути жизни.

Даже (могли бы добавить мои противники) если послѣдствія его дурного поведенія падали бы лишь только на самихъ порочныхъ и безразсудныхъ людей, то слѣдуетъ-ли обществу предоставлять собственному контролю надъ своимъ поведеніемъ тѣхъ людей, которые явно вовсе неспособны къ такому контролю? Если мы обязаны оказывать покровительство дѣтямъ и несовершеннолѣтнимъ и охранять ихъ отъ ихъ же собственныхъ проступковъ, то неужели общество не обязано въ такой же мѣрѣ охранять людей и зрѣлаго возраста, которые оказываются столь же неспособными владѣть собой какъ и дѣти? Если азартныя игры, пьянство, невоздержанность, лѣнь или неряшливость столь-же вредно отражаются на благѣ людей и являются такими же преградами къ совершенствованію, какъ и многія или большинство закономъ воспрещенныхъ дѣйствій человѣка, то почему (могутъ спросить) законъ не можетъ стремиться учредить опеку и надъ этими поступками, насколько это примѣнимо на практикѣ и совмѣстимо съ требованіями общественной жизни. И не должно-ли съ своей стороны общественное мнѣніе, какъ-бы въ помощь неизбѣжному несовершенству

законовъ, установить свой собственный строгій полицейскій контроль надъ такими порочными людьми и подвергать строгимъ общественнымъ наказаніямъ тѣхъ лицъ, которыя завѣдомо проявляютъ эти порочныя наклонности? Здѣсь рѣчь идетъ (могутъ возразить) не о стѣсненіи индивидуальности или о намѣреніи препятствовать попыткамъ установить новыя и самобытныя преобразованія жизненнаго строя. Здѣсь предполагается препятствовать совершенію только того, что уже подвергалось испытанію и осуждалось еще съ начала міра и осуждается еще и понынѣ, того, что, какъ доказалъ опытъ, не можетъ служить ни на пользу обществу, ни быть пригоднымъ или полезнымъ для индивидуальности людей. Лишь съ теченіемъ времени и при наличности извѣстной суммы опыта можно признать извѣстную нравственную или разумную истину окончательно установленною; и только желательно предохранить новыя поколѣнія отъ ошибокъ, которыя оказывались столь гибельными для предшествовавшихъ поколѣній людей.

И вполнѣ признаю, что вредъ, который человекъ причиняетъ самъ себѣ, можетъ сильно затрагивать какъ чувства расположенія, такъ и интересы близко стоящихъ къ нему людей, и, хотя въ меньшей степени, также чувства и интересы цѣлаго общества людей. Если подобный образъ поведенія человека доводитъ его до того, что онъ нарушаетъ опредѣленную и очевидную обязанность по отношенію другаго лица или другихъ лицъ, то такой случай исключается изъ области дѣяній, касающихся лишь лично совершившаго ихъ, и переходитъ въ область дѣяній, подлежащихъ нравственному порицанію общества въ настоящемъ значеніи этого слова. Если, напр., человекъ влѣдетвіе-ли невоздерж-

ности или расточительности, не въ состояніи платить своихъ долговъ, или, взявъ на свою нравственную отвѣтственность семью, становитея вѣлѣдствіе тѣхъ-же причинъ неспособнымъ содержать и воспитывать ее, то онъ заслуживаетъ осужденія и можетъ быть по праву наказанъ, но и то только за то, что онъ нарушаетъ обязанности свои по отношенію къ семейству или кредиторамъ, а не за свою расточительность. Если-бы онъ лишилъ семейство необходимыхъ средствъ существованія съ тѣмъ, чтобы употребить эти средства даже на самое выгодное предпріятіе, то все-таки его нравственная вина несколько-бы отъ этого не умалялась. Нѣкто Баривелль убилъ своего дядю для того, чтобы имѣть возможность снабдить деньгами свою любовницу но если-бы онъ совершилъ это преступленіе ради того; чтобы на добытыя деньги начать какое нибудь полезное дѣло, то онъ все равно былъ-бы повѣшенъ. Сказанное относится также и къ другимъ многочисленнымъ случаямъ. Если кто-либо своимъ дурнымъ поведеніемъ причиняетъ горе своему семейству, то заслуживаетъ порицанія за свою жестокость или неблагодарность; это одинаково касается и тѣхъ склонностей, которыя, не будучи въ сущности порочными, тѣмъ не менѣе могутъ огорчать тѣхъ людей, съ которыми человѣку приходится проводить жизнь, или тѣхъ, которыя вѣлѣдствіе связующихъ ихъ узъ нуждаются въ его помощи. Человѣкъ, который не питаетъ должнаго чувства уваженія къ интересамъ и чувствамъ окружающихъ, не будучи вынуждаемъ къ этому какими-либо другими, болѣе уважительными обязанностями, или заслуживающей оправданія въ силу преслѣдованія имъ какихъ либо законныхъ личныхъ цѣлей, такой человѣкъ можетъ под-

вергаться нравственному осужденію за неоказаніе такого уваженія, но не за причину, не за тѣ заблужденія, которыя могли довести его до такого неуваженія. Точно также, если человекъ становится неспособнымъ, въ слѣдствіе своего образа поведенія, касающагося его собственной личности, къ выполненію какой-либо определенной лежащей на немъ обязанности по отношенію къ обществу, то онъ является виновнымъ въ преступленіи противъ общества. Никто не долженъ быть наказываемъ вообще за пьянство; но солдатъ или полицейскій служитель заслуживаютъ наказанія, если будутъ пьяны при исполненіи своихъ обязанностей. Говоря короче, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ доказанъ явный вредъ или явная опасность нанесенія вреда одному-ли лицу или обществу, то случаи подобнаго рода уже исключаются изъ области индивидуальной свободы и переносятся въ область общественной нравственности или закона.

Что касается непреднамереннаго или, какъ его можно было-бы назвать, конструктивнаго вреда, который какое-либо лицо можетъ причинить обществу своимъ образомъ дѣйствій, не нарушающимъ какихъ-либо его особыхъ обязанностей по отношенію общества и не причиняющимъ явнаго вреда какому либо данному лицу, а только лично ему самому, то такой вредъ можно считать только неудобствомъ, которое общество вполне въ состояніи терпѣть ради охраненія неприкосновенности свободы личности. Если взрослые люди должны вообще быть наказываемы за то, что недостаточно заботятся о самихъ себѣ, то я, съ своей стороны, предпочитаю, чтобы это дѣлалось ради только ихъ самихъ, а не подъ предлогомъ того, что это дѣлается съ цѣлью воспрепят-

ствовать имъ подрывать свою способность быть полезнымъ обществу,—приносить пользу, которой общество вовсе не считаетъ себя вправе требовать отъ этихъ лицъ. Но я никакъ не могу согласиться съ тѣмъ, что будто общество не имѣетъ иныхъ способовъ для удержанія на уровнѣ разумнаго образа дѣйствій своихъ безвольныхъ сочленовъ, кромѣ того, чтобы выжидать момента, когда они совершатъ какой-либо безразсудный поступокъ и за это навлекутъ на себя нравственную или легальную кару. Общество имѣетъ безусловную власть надъ человѣкомъ въ теченіи всего ранняго періода его развитія; въ распоряженіи общества имѣется все дѣтство и ранняя юность человѣка для того, чтобы убѣдиться на опытѣ, возможно-ли сдѣлать его человѣкомъ способнымъ къ разумному образу поведенія въ жизни. Настоящее поколѣніе является создателемъ какъ въ дѣлѣ воспитанія, такъ и всѣхъ условій жизни грядущаго поколѣнія; общество не въ силахъ сдѣлать это воспитаніе и эти условія вполнѣ разумными и безукоризненными влѣдствіе того, что и само оно сильно страдаетъ отъ недостаточнаго развитія въ немъ чувствъ добра и разума, и наилучшія усилія общества далеко не всегда въ единичныхъ случаяхъ оказываются самыми усильными; но зато общество вполнѣ способно содѣйствовать по крайней мѣрѣ тому, чтобы подрастающее поколѣніе въ цѣломъ было бы не менѣе хорошимъ, чѣмъ оно само, и даже насколько возможно лучше его самаго. Если общество относится равнодушно къ тому, чтобы значительное число его членовъ достигало зрѣлаго возраста, оставаясь какъ-бы въ состояніи дѣтства и было неспособно руководиться разумными основаніями отвлеченныхъ побужденій, то въ данномъ случаѣ вся

вина за послѣдствія подобнаго уцущенія всецѣло падаетъ на само общество. Оно обладаетъ не только всеми средствами къ образованію и воспитанію людей, но еще пользуется такою властью, какъ авторитетъ общественнаго мнѣнія, которому всегда покоряются люди, неспособные выработать свое собственное сужденіе; сверхъ того, общество еще имѣетъ возможность прибѣгать къ содѣйствію тѣхъ естественныхъ каръ которымъ неизбежно подвергаются тѣ лица, которыя навлекаютъ на себя нерасположеніе или неуваженіе соприкасающихся съ ними людей. Имѣя, слѣдовательно, въ своемъ распоряженіи все эти могущественныя средства, общество уже не выравѣ домогаться того, чтобы его сверхъ того еще облакали властью издавать приказанія и принуждать людей къ повиновенію въ дѣлахъ, касающихся личной жизни этихъ людей, въ дѣлахъ, рѣшеніе которыхъ, по всемъ правиламъ справедливости и праведности, должно быть всецѣло предоставлено тѣмъ самымъ членамъ общества, которые и несутъ на себѣ все послѣдствія этого рѣшенія. Ничто такъ сильно не подрываетъ довѣрія людей и дѣлаетъ тщетными все усилія къ наилучшему воздѣйствію на ихъ поступки какъ именно примѣненіе неосновательныхъ, дурныхъ средствъ. Если среди тѣхъ лицъ, которыхъ хотятъ превратить въ людей разумныхъ, воздержанныхъ, найдутся такіе люди, у которыхъ имѣются задатки для развитія въ нихъ сильнаго и независимаго характера, то такіе люди неминуемо возмутятся противъ подобнаго гнета. Ни одинъ подобный человекъ съ независимымъ характеромъ никогда не признаетъ, что другіе люди имѣютъ такое-же право контролировать его въ дѣлахъ, лично его касающихся,

какое они имѣютъ для предупрежденія вреда, который онъ можетъ причинить окружающимъ въ дѣлахъ ихъ касающихся. Подобное вторженіе общества въ дѣла, касающіяся частной жизни людей, обыкновенно ведетъ къ тому, что люди считаютъ признакомъ силы воли и мужества открытое сопротивленіе такой незаконной власти, а также и всякіе поступки, которые идутъ наперекоръ велѣніямъ общества. Подобная грубость нравовъ обнаруживалась во времена Карла II въ видѣ контраста послѣ доведенной до фанатизма нетерпимости Пуританъ въ вопросахъ, касавшихся нравственности. Что же касается требованій, которыя приводятся въ пользу необходимости охранять общество отъ дурныхъ примѣровъ, подаваемыхъ окружающимъ людьми порочными или безвольными, то несомнѣнно, что дурные примѣры могутъ дѣйствительно оказывать вредное влияніе, въ особенности же такіе примѣры, когда человекъ, поступаая дурно съ другими, остается, тѣмъ не менѣе, безнаказаннымъ. Но мы говоримъ теперь о такомъ образѣ поведенія человека, который не причиняетъ никакого вреда другимъ, но предполагаетъ нанесеніе вреда лично самому нарушающему правила нравственности; и я не постигаю, какъ могутъ люди, придерживающіеся сказаннаго взгляда, полагать, будто примѣръ долженъ дѣйствовать вредно на общество, тогда какъ онъ вообще имѣетъ скорѣе обратное дѣйствіе, такъ какъ при обнаруживаніи какого-либо дурнаго поступка обнаруживаются также и тѣ грустные и унижительныя послѣдствія, которыя при безпристрастномъ обсужденіи явно выступаютъ наружу.

Самый-же убѣдительный доводъ противъ вмѣшательства общества въ чисто личный образъ дѣйствій человека состоитъ въ томъ, что когда общество допускаетъ

такое вмѣшательство, то имѣеть все шансы за то, что его вмѣшательство окажется несправедливымъ и неумѣстнымъ. Въ вопросахъ-же общественной нравственности или въ вопросахъ объ обязанностяхъ по отношенію постороннихъ лицъ, приговоръ общественнаго мнѣнія, т. е. мнѣнія господствующаго большинства хотя и можетъ весьма часто оказаться ошибочнымъ, но въ большинствѣ случаевъ все-таки оказывается правильнымъ, такъ какъ въ подобнаго рода вопросахъ оно принимаетъ въ соображеніе лишь собственные интересы, а также и то, какое вліяніе извѣстный образъ поведения людей, если на него не наложить запрета, будетъ имѣть на нихъ самихъ. Но возможно, что мнѣніе господствующаго большинства, налагаемое какъ законъ на меньшинство въ вопросахъ, касающихся только лично самаго индивида, въ этомъ случаѣ имѣеть столько же шансовъ оказаться правильнымъ, какъ и ошибочнымъ, такъ какъ въ подобныхъ случаяхъ общественное мнѣніе выражаетъ собою, и то въ самомъ благопріятномъ лишь случаѣ, мнѣніе не болѣе какъ нѣсколькихъ людей о томъ, что пригодно или что непригодно для всехъ остальныхъ людей; но чаще всего общественное мнѣніе выражаетъ собою нѣчто несравненно менѣе вѣское, такъ какъ люди съ величайшимъ равнодушіемъ обходятъ вопросы, касающіеся благополучія или удобства тѣхъ, чьи поступки они порицають, заботясь лишь только о томъ, что они сами предпочитаютъ. Есть много такихъ людей, которые считаютъ за личное оскорбленіе всякій, почему либо имъ несимпатичный образъ дѣйствій другихъ лицъ и которые метяъ этимъ людямъ какъ-бы за насильственное покушеніе на ихъ чувства, т. е. поступаютъ такъ, какъ поступилъ религіозный

фанатикъ, который, на сдѣланный ему упрекъ, что онъ не уважаетъ религіозныхъ чувствъ другихъ, будто-бы возразилъ, что и другіе люди точно также не уважаютъ его личныхъ чувствъ когда настаиваютъ на религіозныхъ убѣжденіяхъ и вѣрованіяхъ, противоположныхъ его ученію и вѣрованію. Однако, существуетъ большая разница между чувствами, которыя человекъ питаетъ къ своему личному мнѣнію, и чувствомъ другаго лица, считающаго себя оскорбленнымъ тѣмъ, что первый придерживается своего личного мнѣнія; въ этомъ случаѣ существуетъ такое-же различіе во взглядахъ, какъ между желаніемъ вора похитить кошелекъ и желаніемъ обладателя его сохранить этотъ кошелекъ. Личныя склонности каждаго человека представляютъ собой такую-же его неотъемлемую собственность, какъ и его мнѣнія и его кошелекъ. Всякій легко можетъ вообразить себѣ такое идеальное общество, которое каждому своему члену предоставляетъ свободу дѣйствій и выборъ во всѣхъ спорныхъ дѣлахъ и требуетъ отъ него лишь только того, чтобы онъ воздерживался отъ извѣтнаго образа дѣйствій, по общепризнанному опыту считающагося предосудительнымъ. Но гдѣ-же можно найти такое общество, которое-бы соблюдало границы въ своихъ приговорахъ? или такое общество, которое считало бы нужнымъ сколько-нибудь заботиться о томъ, что добыто путемъ опыта? Общество, вмѣшиваясь въ личный образъ дѣйствій человека, обращаетъ вниманіе въ этомъ случаѣ почти только исключительно на непростительный въ его глазахъ фактъ, что люди поступаютъ и думаютъ иначе, чѣмъ оно само; и это иногда едва замѣтное, но все-таки существующее мѣрло сужденія предъявляется человечеству почти всеми безъ исклю-

ченія моралистами и философами въ видѣ требованія религіи и философіи. Они учатъ, что все существующее на свѣтѣ хорошо, потому что оно въ порядкѣ вещей и потому, что наше внутреннее сознаніе говоритъ намъ, что все такъ и быть должно. Они совѣтуютъ намъ самимъ искать въ своемъ умѣ и сердцѣ законы для нашего образа поведенія въ жизни, которые должны быть обязательны для насъ самихъ и для всѣхъ другихъ. Что-же въ такомъ случаѣ остается обѣдному человечеству какъ не примѣнять на дѣлѣ всѣ ихъ ученія, и своимъ личнымъ чувствамъ о добрѣ и злѣ, если они пользуются какимъ-либо сочувствіемъ общества, придавать значеніе обязательныхъ правилъ, которыя должны признать весь свѣтъ.

Указанное нами зло существуетъ не только въ теоріи, и читатели были-бы въ правѣ ожидать, что я представляю здѣсь примѣры того, какъ общество въ Англіи въ наше время незаконно возводитъ свои личныя, излюбленныя наклонности въ нравственные законы. Но я пишу не изслѣдованіе объ уклоненіяхъ нравственнаго чувства людей, существующаго въ наше время. Это—предметъ столь огромной важности, что не представляется никакой возможности трактовать его лишь мимоходомъ и въ видѣ приведенія примѣра къ данному случаю. Тѣмъ не менѣе, однако, необходимо привести примѣры, указывающіе на то, что принципъ, который я защищаю, имѣетъ серьезное и практическое значеніе и что вышесказаннымъ я вовсе не имѣлъ намѣренія строить преграды лишь воображаемому злу. При помощи многочисленныхъ примѣровъ не трудно доказать, что расширеніе границъ того, что можно было бы назвать нравственною полиціей, до такихъ предѣловъ,

когда она уже посягаетъ на безспорно законную индивидуальную свободу, является самымъ общераспространеннымъ стремленіемъ всего человѣчества.

Въ видѣ перваго примѣра укажемъ на чувства ненависти, которыя люди питаютъ другъ къ другу, ненависти, основанной лишь на томъ, что люди, религіозныя убѣжденія которыхъ не согласуются съ ихъ собственными убѣжденіями, не исполняютъ одинаковыхъ съ ними религіозныхъ обрядностей, причемъ особенно напирается на несоблюденіе ими правилъ воздержанія. Приведемъ здѣсь весьма избитый примѣръ: въ глазахъ магометанина самымъ ненавистнымъ для него въ вѣрѣ и обычаяхъ христіанъ оказывается фактъ употребленія христіанами въ пищу свинины. Мало найдете такихъ фактовъ, къ которымъ христіане и европейцы относились-бы съ такимъ вовсе ненанускимъ отвращеніемъ, съ какимъ относятся мусульмане къ употребленію указанного выше пищевого продукта. Во-первыхъ, фактъ этотъ они считаютъ оскорбленіемъ своей религіи, хотя этою ссылкою на религію нисколько еще не выясняется крайняя степень ихъ чувства отвращенія; потребленіе вина, напр., то-же воспрещается ихъ религіей и потребленіе его магометане считаютъ за грѣхъ, тѣмъ не менѣе, однако, фактъ употребленія вина не возбуждаетъ въ нихъ подобнаго чувства отвращенія. Ихъ отвращеніе къ мясу „нечистаго животнаго“, напротивъ, носитъ въ себѣ особый оттѣнокъ антипатіи, какая часто замѣчается относительно всякаго представленія о нечистомъ въ умахъ даже такихъ людей, образъ жизни которыхъ далеко не отличается безусловной опрятностью; яркимъ примѣромъ вышесказаннаго служитъ сильно вкоренившеся въ Индусахъ чувство религіозной непристойности. Пред-

ставимъ себѣ существованіе такого народа, большинство котораго составляли-бы мусульмане, и это большинство стало-бы настаивать на воспрещеніи всѣмъ жителямъ въ предѣлахъ своей страны ѣсть свинину. Это конечно не представляло-бы ничего новаго въ магометанскихъ странахъ*). Но могло-ли бы подобное воспрещеніе считаться законнымъ примѣненіемъ нравственной власти общественнаго мнѣнія? И если нѣтъ, то почему? Употребленіе свинаго мяса возбуждаетъ въ магометанахъ непритворное отвращеніе; они совершенно искренно убѣждены въ томъ, что это воспрещается и отвергается самимъ Богомъ. Точно также воспрещеніе это нельзя было-бы считать незаконнымъ религіознымъ преслѣдованіемъ. Оно могло быть религіознымъ по своему про-

*) Пары въ Бомбей представляютъ собой любопытный примѣръ подобнаго рода случая. Когда это трудолюбивое и предпріимчивое племя, — потомки персидскихъ огнепоклонниковъ, — спасаясь отъ Калифа бѣгствомъ изъ своего отечества, прибыло въ Западную Индію, то Индійскіе властители согласились допустить пребываніе Паровъ тамъ лишь подъ условіемъ, чтобы они не употребляли въ пищу говядину. Когда-же позднѣе эти области перешли во владѣчество магометанъ, то завоеватели согласились продолжать данное Парамъ раніше позволеніе оставаться въ странѣ, но съ новымъ условіемъ, чтобы они отказались употреблять въ пищу свинину. Такимъ образомъ, то, что въ началѣ дѣлалось лишь изъ чувства повинновенія власти, потомъ обратилось уже въ привычку — во вторую натуру, и Пары до настоящаго времени воздерживаются отъ употребленія какъ говядины, такъ и свинины. Хотя этого вовсе не требовалось ихъ религіей, но это двойное воздержаніе съ теченіемъ времени обратилось въ обычай этого племени, а на Востокъ обычай—все равно что религія.

исхожденію, но не составляетъ строго религіознаго преслѣдованія потому, что ни одна религія не дѣлаетъ обязательнымъ потребленіе свинины. Единственная причина, по которой это воспрещеніе могло-бы заслуживать осужденія, заключается въ томъ, что общество не имѣетъ никакого права вмѣшиваться въ личные вкусы и личные дѣла отдѣльныхъ лицъ.

Приведемъ теперь примѣръ изъ болѣе современной намъ эпохи: большинство испанцевъ считаетъ великимъ беззаконіемъ, въ высшей степени оскорбительнымъ для Творца, всякое богослуженіе, совершаемое не по обряду Римско-Католической церкви, и никакое иное богослуженіе не разрѣшается закономъ на испанской землѣ. Народы всей южной Европы считаютъ всякаго женатаго священника не только нечестивымъ, но даже прелюбодѣемъ, непристойнымъ человѣкомъ. Какъ-же, спрашивается относятся протестанты къ этимъ вполне искреннимъ чувствамъ католиковъ и къ ихъ попыткамъ навязать насильно эти чувства всѣмъ некатоликамъ? Но если-бы признавалось, что люди должны имѣть право вмѣшиваться въ свободу людей въ дѣлахъ, не затрагивающихъ интересовъ окружающихъ лицъ, то на какихъ-же основаніяхъ можно, не грѣша противъ послѣдовательности, допустить исключеніе для указанныхъ выше случаевъ, или возможно-ли обвинять людей, которые стремятся подавить то, что они считаютъ грѣхомъ и передъ Богомъ и передъ людьми? Едва-ли возможно привести какое-либо иное болѣе вѣское основаніе для воспрещенія чего-либо, признаваемого личною безирравственностью, нежели то основаніе, которымъ руководствуются при воспрещеніи какихъ-либо дѣйствій, считающихся противнымъ религіи. И до тѣхъ поръ, пока

люди не согласятся признать логику, которою руководятся преслѣдователи, и не станутъ увѣрять, что они имѣютъ право преслѣдовать другихъ потому, что они правы, и что другіе люди не должны преслѣдовать ихъ потому, что эти люди заблуждаются — до тѣхъ поръ люди должны остерегаться признавать такой принципъ, который, будучи примѣненъ къ нимъ самимъ, показался-бы имъ въ высшей степени несправедливымъ.

Противъ вышеприведенныхъ примѣровъ могутъ сдѣлать возраженіе, хотя и не вполне основательное, что эти примѣры основаны на такихъ условіяхъ, которые не имѣютъ мѣста въ Англіи, такъ какъ въ этой странѣ общественное мнѣніе врядъ-ли въ наши дни стало-бы заставлять людей воздерживаться отъ употребленія въ пищу мяса, вмѣшиваться въ дѣло отправления богослуженія или-же въ супружескія дѣла.

Мы приведемъ теперь примѣръ, указывающій на такой родъ вмѣшательства въ свободу, которое можетъ проявиться и въ наши дни. Вездѣ, гдѣ только Пуритане оказывались достаточно могущественными, какъ напр., въ Новой Англіи и Великобританіи во времена Республики, они стремились и съ успѣхомъ добивались уничтоженія всѣхъ общественныхъ и почти всѣхъ частныхъ мѣстъ развлеченій, въ особенности-же преслѣдовали музыку, танцы, общественныя игры или всякія увеселительныя собранія и театры. Въ Англіи и въ настоящее время найдется не малое число людей, которые по своимъ религіознымъ и нравственнымъ понятіямъ считаютъ эти развлеченія предосудительными; а такъ какъ такого рода люди главнымъ образомъ принадлежатъ къ среднему классу общества и принадлежатъ къ высшему соціальному и политическому положенію

государства представляют собой нарастающую силу, то весьма вѣроятно, что со временемъ люди, придерживающіеся вышесказанныхъ взглядовъ, составятъ изъ себя преобладающее большинство въ Парламентѣ. Спрашивается, какъ отнесется тогда остальная часть общества къ тому, если дозволенные развлечения будутъ направляемы въ религіозномъ и нравственномъ духѣ строгихъ кальвинистовъ и методистовъ? Не станеть-ли она выражать настойчиво желаніе, чтобы эти докучливые благочестивые сочлены общества заботились больше о своихъ собственныхъ дѣлахъ и оставили-бы ихъ въ покоѣ. Совершенно то-же самое слѣдовало-бы сказать каждому правительству и каждому обществу, которыя имѣютъ притязаніе воспрещать наслаждаться какими-либо развлечениями, которыя они считаютъ предосудительными. Но если будетъ допущено въ принципѣ примѣненіе на дѣлѣ подобнаго притязанія, то никто не будетъ вправѣ возставать противъ него, если это притязаніе будетъ согласоваться съ духомъ большинства или съ духомъ какой-либо преобладающей въ странѣ общественной власти; и въ такомъ случаѣ все общество должно быть готово къ тому, чтобы сообразоваться съ понятіемъ о христіанскомъ ученіи, какое существовало у первыхъ поселенцевъ Новой Англіи, если когда либо вновь установится это ученіе, какъ это нерѣдко случалось съ религіозными вѣрованіями, повидимому утратившими свое значеніе.

Сдѣлаемъ другое предположеніе, осуществленіе котораго можетъ быть скорѣе допустимо, нежели вышеприведенное. Въ современномъ обществѣ, по общему признанію, господствуетъ сильная склонность къ устройству обществъ съ демократическимъ направленіемъ

при совместномъ участіи или безъ него народныхъ политическихъ установленій. Утверждаютъ, что въ тѣхъ странахъ, гдѣ это стремленіе уже всего болѣе осуществилось на дѣлѣ, гдѣ большинство людей, какъ изъ общества, такъ и лицъ правительственныхъ, отличается демократическимъ духомъ, какъ, напр., въ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ большинство относится неодобрительно къ показному или слишкомъ роскошному образу жизни, нежели какой себѣ можетъ позволить это большинство весьма успѣшно примѣняется законъ, направленный противъ роскоши; и во многихъ частяхъ Американскаго Союза человеку, имѣющему большое состояніе, дѣйствительно трудно найти способъ проживать свой доходъ, не навлекая на себя порицанія общественнаго мнѣнія. Хотя въ вышеизложенномъ несомнѣнно преувеличены существующіе факты, тѣмъ не менѣе описываемое не только понятно и возможно, но является слѣдствіемъ демократическаго чувства, связаннаго съ мнѣніемъ, что общество имѣетъ право налагать свое veto на способности траты своихъ доходовъ отдѣльными личностями. Предположивъ далѣе, что въ какомъ либо обществѣ установилось прочное социалистическое направленіе, то можно легко понять, что большинство членовъ этого общества будетъ уже считать безчестіемъ обладаніе крупною собственностью или доходомъ, который не заработанъ ручнымъ трудомъ. Нѣсколько схожіи въ своей основѣ взгляды сильно уже распространены и теперь среди рабочихъ и уже производятъ замѣтное давленіе на тѣхъ, кто находится главнымъ образомъ въ зависимости отъ ихъ убѣжденій, т. е. на

своихъ-же сочленовъ. Всякій знаетъ, что плохіе работники, составляющіе большинство во многихъ отрасляхъ промышленнаго производства, держатся того взгляда, что плохіе работники должны получать такую же плату, какъ и хорошіе, и что никому не слѣдуетъ позволять зарабатывать, поштучной ли работой или инымъ способомъ, благодаря своему искусству или прилежанію, болѣе того, что они могутъ заработать при отсутствіи этихъ условій. И они учреждаютъ, такъ сказать, нравственный надзоръ, который по временамъ прибѣгаетъ къ физическимъ мѣрамъ, чтобы слѣдить затѣмъ, чтобы искусные работники не получали, а хозяева не платили больше, чѣмъ получаютъ плохіе работники. Если допустить, что общество вправѣ вмѣшиваться въ частныя дѣла людей, то я не нахожу, чтобы и эти рабочіе были неправы или что какая-нибудь особая группа людей была не вправѣ проявлять такой-же власти надъ отдѣльнымъ членомъ этой группы, какую общество вообще проявляетъ надъ каждымъ изъ своихъ сочленовъ въ отдѣльности.

Но, не настаивая на предпологаемыхъ случаяхъ, мы укажемъ на то, что въ наше время дѣйствительно встрѣчаются случаи грубаго посягательства на свободу частной жизни людей и что еще болѣе грубыя посягательства угрожаютъ намъ въ будущемъ; укажемъ также на выражаемыя мнѣнія, признающія за обществомъ неограниченное право не только преслѣдовать закономъ все то, что оно считаетъ зловреднымъ, но преслѣдовать даже и многое изъ того, что оно признаетъ безвреднымъ, только ради того, чтобы нечаянно не упустить чего-либо, что оно считаетъ вреднымъ.

Подъ предлогомъ предупрежденія пьянства было закономъ запрещено жителямъ одной англійской колоніи и жителямъ почти половины Соединенныхъ Штатовъ употреблять горячительныя напитки для какихъ бы то ни было цѣлей, кромѣ какъ лекарственныхъ; воспрещеніе-же продажи этихъ напитковъ въ сущности было равносильно воспрещенію ихъ употребленія, котораго и желали достигнуть вышесказаннымъ воспрещеніемъ. И хотя велѣдствіе трудности выполненія этого закона на практикѣ были принуждены его отмѣнить въ нѣкоторыхъ Штатахъ—даже въ томъ самомъ Штатѣ, имя котораго носитъ законъ,—тѣмъ не менѣе была сдѣлана попытка, проводимая съ большимъ рвеніемъ многими филантропами, добиться введенія подобнаго-же закона и въ Англій. Общество или „Союзъ“, какъ оно само себя называетъ, образовавшееся съ этою цѣлью, заставило о себѣ говорить благодаря обнародованію перенески секретаря этого общества съ однимъ изъ тѣхъ немногихъ общественныхъ дѣятелей Англій, которые полагаютъ, что мнѣнія политическаго дѣятеля должны всегда быть основаны на извѣстныхъ принципахъ. Участіе лорда Станлэя въ этой перенескѣ указываетъ какъ не напрасны были надежды, возлагаемыя на него людьми, которымъ извѣстно какъ рѣдко такія качества, какія онъ проявлялъ выстуная публично, встрѣчаются среди политическихъ дѣятелей. Органъ „Союза“, который „глубоко скорбѣлъ-бы о признаніи какого-бы ни было принципа, которымъ-бы оправдывалось лицемѣріе и притѣненіе“, рѣшился указать на „широкую и непреодолимую преграду“, которая отдѣляетъ подобныя принципы отъ тѣхъ принциповъ, которыхъ придерживается Союзъ. „Все, что касается мысленія, убѣжденій, совѣти“,

говорится въ органѣ этого Союза; лежить, по нашему мнѣнію, въ сферѣ закона; все, что касается общественныхъ дѣяній, привычекъ, отношеній людей, все это подлежитъ только благоусмотрѣнію государственной власти, а не власти индивида“. При этомъ, однако, вовсе не упоминается о третьемъ родѣ дѣйствій, отличающемся отъ обонхъ другихъ, т. е. о дѣйствіяхъ и привычкахъ, которыя отнюдь не касаются общества, а суть чисто личныя; хотя несомѣнно, что именно къ этому-то роду дѣйствій и относится употребленіе горячительныхъ напитковъ. Продажа спиртныхъ напитковъ, однако, есть торговля, а торговля есть дѣяніе общественное. Но жалобы на вмѣшательство законодательства относятся къ нарушенію свободы не продавца, а покупателей и потребителей этихъ напитковъ, причемъ государство могло-бы прямо воспретить людямъ пить вино, не прибѣгая къ мѣрамъ сдѣлать для него невозможнымъ приобрѣтеніе вина. Секретарь Союза, однако, говорить: „Я въ качествѣ гражданина имѣю право требовать кары закона въ каждомъ случаѣ, когда мои общественныя права нарушаются какимъ-либо общественнымъ дѣяніемъ другаго лица“. А затѣмъ онъ далѣе разъясняетъ эти права такъ: „Ничто такъ сильно не нарушаетъ мои общественныя права, какъ именно торговля спиртными напитками. Она нарушаетъ мои основныя права на безопасность, такъ какъ постоянно порождаетъ и поддерживаетъ общественный безпорядокъ. Она посягаетъ на мои права равенства тѣмъ, что извлекаетъ выгоду изъ порождаемой ею нищеты, вынуждая меня платить налогъ въ пользу бѣдныхъ. Она нарушаетъ мои права на мое нравственное и умственное развитіе тѣмъ, что устилаетъ путь этого развитія опасностями, ослабляетъ и развращаетъ

общество, отъ котораго я имѣю право требовать взаимной помощи“. Вышеизложенное представляетъ собой такую теорію „общественныхъ правъ“, которая раньше почти еще никѣмъ не была выражена съ такою ясностью; она требуетъ, выражаясь короче, только того, что-бы каждый индивидъ имѣлъ безусловное право требовать отъ другаго индивида, чтобы онъ поступалъ во всѣхъ обстоятельствахъ жизни такъ, какъ онъ долженъ поступать, и что тотъ, кто хотя нѣсколько уклоняется отъ этого, нарушаетъ наши общественныя права и мы вправе требовать отъ законодательной власти устранения этого нарушенія. Но такой чудовищный принципъ оказывается опаснѣе чѣмъ какое-бы то ни было вмѣшательство въ свободу; тогда уже не будетъ существовать такого нарушенія свободы, которое не оправдывалось-бы этимъ принципомъ; онъ не признаетъ никакого права на какую-бы то ни было свободу, за исключеніемъ развѣ свободы держать въ тайнѣ свои мнѣнія, никогда не выражая ихъ гласно; такъ какъ съ того момента, когда такіа зловредныя мнѣнія будутъ выражены чьими либо устами, будутъ нарушены всѣ установленныя Союзомъ „общественныя права“. Этимъ ученіемъ внушается, что прямая выгода и обязанность каждаго человѣка состоитъ въ томъ, чтобы заботиться о нравственномъ, умственномъ и даже физическомъ совершенствованіи каждаго своего собрата и что границы этихъ заботъ всецѣло зависятъ отъ усмотрѣнія каждаго даннаго лица.

Укажу еще на другой важный примѣръ незаконнаго посягательства на индивидуальную свободу, которое не только намъ угрожаетъ, но уже съ давнихъ временъ усиленно практикуется; я подразумѣваю здѣсь законы о праздно-

ваніи воскреснаго дня. Несомнѣнно, что отдыхъ въ теченіе одного дня въ недѣлю, насколько это позволяютъ условія жизни, отъ обычныхъ ежедневныхъ трудовъ является весьма благодѣтельнымъ обычаемъ, хотя ни въ какомъ отношеніи не составляетъ какого-либо религіознаго долга, кромѣ какъ у евреевъ. Но такъ какъ этотъ обычай можетъ быть соблюдаемъ лишь при условіи всеобщаго соглашенія трудящагося класса людей, то, имѣя въ виду, что нѣкоторые люди, вопреки условію, все-таки будутъ работать и этимъ вынуждать и другихъ трудиться, вполнѣ дозвоительно и справедливо, чтобы законъ гарантировалъ соблюденіе этого правила всеми членами общества воспрещеніемъ производства большихъ промышленныхъ операцій въ извѣстный опредѣленный день. Но такое узаконеніе, основанное на прямомъ интересѣ, вытекающемъ для другихъ членовъ изъ соблюденія этого правила каждымъ индивидуомъ, не можетъ быть примѣняемо къ избраннымъ самимъ индивидуомъ собственнымъ его занятіямъ, которымъ-бы извѣстное лицо нашло нужнымъ посвятить своей досугъ; равнымъ образомъ оно лишь въ очень слабой степенн можетъ относиться къ законному воспрещенію развлеченій. Правда, существуютъ такіа удовольствія, которыя покушаются не иначе какъ цѣною труда другихъ людей; но мы должны принять въ этомъ случаѣ въ соображеніе, что доставленіе удовольствія многимъ лицамъ, а можетъ быть и стремленіе способствовать полезному препровожденію времени многихъ лицъ вполнѣ вознаграждается уже однимъ сознаніемъ исполненія долга по отношенію къ окружающимъ. Рабочіе совершенно правы полагая, что если бы они всё безъ исключенія работали по воскреснымъ днямъ, то въ резуль-

татѣ оказалось бы, что они будутъ получать не большую а такую же плату какъ за шестидневную работу; но если бѣольшая часть работъ прекращается въ одинъ изъ дней недѣли, то въ этомъ случаѣ малое число рабочихъ, которые трудятся, чтобы доставить возможность пользоваться большинству развлеченіями, должны получать соотвѣтственно большее вознагражденіе, причемъ, конечно, они не обязаны непремѣнно работать, если они отдыхъ предпочитаютъ выгодѣ. Если-же понадобилось-бы искать иное средство улучшенія подобныхъ условій, то оно могло-бы заключаться въ установленіи въ видѣ обычая праздника въ какой-либо другой день недѣли для подобнаго класса людей. Единственнымъ основаніемъ, слѣдовательно, въ пользу запрещенія увеселеній въ воскресные дни, служило-бы только то оправданіе, что эти увеселенія не согласуются съ правилами религіи; но противъ такого довода необходимо возставать. „Deorum injuria Diis curae“. Необходимо, однако, еще доказать въ подтвержденіе подобнаго притязанія, что общество или кто-либо изъ его представителей обладаетъ такимъ дарованнымъ ему свыше полномочіемъ метить за всякое предполагаемое оскорбленіе Всевышняго, если это мнимое оскорбленіе не наноситъ вреда окружающимъ. Мнѣніе, что люди обязаны заботиться о соблюденіи религіозныхъ правилъ ихъ собратьями, всегда служило основой всѣхъ религіозныхъ распрій и преслѣдованій, и если бы такое мнѣніе сдѣлалось общепризнаннымъ, то вполне оправдало-бы подобныя преслѣдованія. Побужденія, которыми руководятся люди, дѣлающіе постоянныя попытки воспретить даже, напр., путешествія по желѣзнымъ дорогамъ въ воскресные дни, настаивающіе на закрытіи

входовъ въ музеи и проч., въ эти дни, хотя не носятъ на себѣ характера жестокости, какую отличались преслѣдованія за вѣру прежняго времени, но, тѣмъ не менѣе, служатъ выраженіемъ такого направленія мнѣній, которое немногимъ отличается отъ нихъ. Въ этомъ побужденіи въ сущности кроется стремленіе не терпѣть, чтобы бы люди дѣлали что-либо хотя и не противорѣчащее требованіямъ ихъ собственной религіи, но не согласующееся съ требованіями религіи ихъ противниковъ. Это побужденіе основывается на убѣжденіи, что Богъ не только гнѣвится неблагочестивыми дѣяніями невѣрующихъ людей, но даже и насъ самихъ считаетъ виновными, если мы оставляемъ безнаказанными дѣяніи невѣрующихъ.

Я не могу воздержаться, чтобы въ дополненіе къ этимъ примѣрамъ того неуваженія, которое люди обыкновенно питаютъ къ свободѣ человѣка, не упомянуть также о тѣхъ рѣзкихъ выраженіяхъ, къ которымъ прибѣгаетъ англійская пресса, когда она касается ученія мормоновъ, представляющаго собой столь любопытное явленіе. Многое можно было-бы сказать по поводу того назидательнаго факта, что мнимое новое откровеніе и основанная на немъ религія, являясь продуктомъ явнаго обмана, не поддерживаемое даже какимъ-либо обаяніемъ личныхъ достоинствъ основателя его, находитъ для себя сотни тысячъ вѣрующихъ и послужило основаніемъ цѣлаго общества въ нашъ вѣкъ, славящейся процвѣтаніемъ свободы прессы, усовершенствованіями путей сообщенія и новыми открытіями по части электрическихъ телеграфовъ и проч. Для насъ замѣчательно здѣсь еще то, что ученіе мормоновъ, подобно другимъ и даже лучшимъ религіознымъ ученіямъ, имѣетъ сво-

ихъ мучениковъ за вѣру, что ея пророкъ и основатель за пропаганду своего ученія погибъ отъ руки толпы, что другіе приверженцы этого ученія тоже сдѣлались жертвой того-же беззаконнаго насилія, что они были изгнаны изъ мѣста своей родины и въ то время, когда они были уже загнаны въ уединенное убѣжище среди степей, многіе въ Англіи открыто выражали мнѣніе, что слѣдовало бы (хотя эта мѣра и была бы сопряжена съ большими затрудненіями) выслать къ Мормонамъ уполномоченныхъ лицъ, которыя насильственно принудили бы ихъ подчиниться общепринятымъ правиламъ жизни. Главнымъ пунктомъ, возбуждающимъ столь явную антипатію къ ученію Мормоновъ, что ради искорененія его люди готовы нарушить всякія границы религіозной терпимости, является именно тотъ пунктъ ученія, которымъ разрѣшается у Мормоновъ многоженство. Любопытно при этомъ, что многоженство среди магометанъ, индусовъ, китайцевъ не возбуждаетъ подобной неукротимой злобы въ людяхъ, какую оно возбуждаетъ, если практикуется у людей, причисляющихъ себя къ англійской расѣ и считающихся приверженцами христіанской религіи. И, можетъ быть, не менѣе многихъ другихъ глубоко порицаю этотъ пунктъ ученія Мормоновъ по многимъ причинамъ и въ особенности именно потому, что онъ не только ни малѣйшимъ образомъ не опирается на принципъ свободы, но является прямымъ нарушеніемъ этого принципа, сковывая еще лишними узами цѣпи цѣлой половины представителей общества, и, одновременно съ этимъ, освобождая отъ этихъ цѣпей и отъ всякихъ обязательствъ другую половину этихъ людей. Тѣмъ не менѣе, однако, не слѣдуетъ упускать изъ вида, что подчиненіе правиламъ ученія Мормоновъ со сторо-

ны женщинъ, являющихся въ данномъ случаѣ жертвами этихъ правилъ, столь же добровольное, какъ и при всякой иной формѣ заключенія браковъ. И какъ ни кажется страннымъ этотъ фактъ, онъ тѣмъ не менѣе находитъ себѣ объясненіе въ общераспространенныхъ понятіяхъ и обычаяхъ, которые учатъ женщину, что единственное благо для нея есть замужество, вѣдѣствіе чего многія женщины предпочитаютъ быть хотя-бы одной изъ числа многихъ жентъ, нежели быть ничьей женой. Мормоны, однако, вовсе не требуютъ, чтобы другія страны признавали законность ихъ брачныхъ союзовъ или чтобы кто-либо отрѣшался отъ собственныхъ правилъ законодательства ради принятія ихъ ученія. Но, принимая въ соображеніе, что Мормоны сдѣлали уступку враждебнымъ чувствамъ другихъ, не раздѣляющихъ ихъ убѣжденія, и даже гораздо большую, чѣмъ по праву можно было отъ нихъ требовать когда они покинули тѣ страны, гдѣ къ ихъ ученію относились несочувственно, и основались въ отдаленномъ уголкѣ земнаго шара, который они первые сдѣлали обитаемымъ,—трудно усмотрѣть, на какихъ иныхъ основаніяхъ, кромѣ какъ на основаніяхъ деспотизма, имъ можетъ быть воспрещаемо жить подъ управленіемъ законовъ, которымъ они сами сочувствуютъ, при условіи, само собою разумѣется, что они не будутъ совершать какихъ-либо посягательствъ на убѣжденія другихъ народовъ и допустить полную свободу своимъ приверженцамъ отказываться отъ ихъ ученія, если у кого либо изъ нихъ зародилось неудовольствіе на существующіе у нихъ порядки. Одинъ современный и во многомъ весьма достойный писатель предлагаетъ (какъ онъ самъ выражается) не крестовый походъ, а „походъ цивилизаціи“

противъ обществъ, придерживающихся многоженства, дабы положить конецъ этому, какъ онъ выражается, отсталому явленію цивилизаціи. Справедливость поелѣднаго мнѣнія я вполнѣ признаю, но не могу согласиться съ тѣмъ, чтобы какое-либо общество было въ правѣ принуждать силою другое общество къ принятію цивилизаціи. До тѣхъ поръ, пока жертвы какого-либо, хотя-бы и весьма дурнаго закона не взываютъ о помощи къ другимъ обществамъ, я не допускаю, чтобы люди, совершенно неприкосновенные къ этимъ жертвамъ, имѣли-бы право вступаться за нихъ и требовать измѣненія положенія вещей, которымъ, очевидно, удовлетворяются сами непосредственно заинтересованныя въ нихъ лица и при томъ вступаться лишь только потому, что данный порядокъ вещей скандализуетъ людей, живущихъ отъ первыхъ на разстояніи нѣсколькихъ тысячъ миль и вовсе ничего съ ними общаго не имѣющихъ. Если же эти люди хотятъ во чтобы то ни стало вмѣшаться въ это дѣло, пусть они въ такомъ случаѣ шлютъ въ эту страну своихъ миссіонеровъ, которые своими проповѣдями противоудѣйствовали-бы установленному ученію, и пусть они силятся всякими разумными мѣрами (изъ числа которыхъ, однако, должно быть исключено право лишенія наставниковъ извѣтнаго ученія свободы слова) препятствовать распроостраненію подобныхъ ученій среди жителей своей собственно страны. Если цивилизаціи удалось одержать верхъ надъ варварствомъ, нѣкогда владычествовавшимъ надъ міромъ, то это не дастъ намъ права теперь опасаться, что однажды уже побѣжденное варварство можетъ вновь возродиться и покорить цивилизацію. Цивилизаціи, которая могла-бы такимъ образомъ подпасть подъ власть

однажды побѣжденнаго ею варварства, должна прежде сама выродиться до той степени, когда ни духовные, ни свѣтскіе наставники, ни кто-либо иной не будутъ уже обладать ни умѣніемъ, ни желаніемъ взять на себя трудъ встать на защиту ея. И если нѣчто подобное можетъ случиться, то чѣмъ раньше исчезнетъ такая цивилизація, тѣмъ лучше. Она можетъ только падать все выше и ниже, пока, наконецъ (какъ въ Западной Римской Имперіи), не подвергнется окончательному разрушенію и потомъ возстановленію, но уже лишь только усилями энергичныхъ варваровъ.

ГЛАВА V.

Примѣненія изложенныхъ принциповъ.

Обстоятельное примѣненіе изложенныхъ мною принциповъ къ различнымъ отраслямъ административнаго и нравственнаго круга дѣятельности можетъ воспослѣдовать съ какою-либо надеждою на успѣхъ въ томъ лишь случаѣ, если эти принципы будутъ служить также основой при разрѣшеніи частныхъ вопросовъ, касающихся ихъ примѣненія. Тѣ немногія замѣчанія, которыя я намѣренъ сдѣлать относительно нѣкоторыхъ частныхъ вопросовъ, имѣютъ цѣлью скорѣе истолкованіе самихъ принциповъ, а не послѣдствій ихъ примѣненія. Я изложу здѣсь, слѣдовательно, не самыя примѣненія этихъ принциповъ, а скорѣе примѣры этихъ примѣненій, могущіе служить къ выясненію значенія и границъ тѣхъ

двухъ основныхъ положеній, которыя въ совокупности представляютъ собою всю сущность ученія, изложеннаго въ настоящемъ трактатѣ, и могутъ послужить подспорьемъ при рѣшеніи вопроса, которымъ изъ двухъ основныхъ положеній отдать предпочтеніе въ тѣхъ случаяхъ, когда возникаетъ сомнѣніе относительно того, которое изъ двухъ наиболѣе примѣнимо къ данному случаю. Эти основныя положенія суть слѣдующія: 1) отдѣльное лицо не отвѣтственно передъ обществомъ за свои поступки въ томъ случаѣ, когда эти поступки не затрагиваютъ интересовъ другихъ лицъ, а касаются лишь только его собственныхъ интересовъ. При этомъ единственныя средства, которыя общество можетъ съ полнымъ правомъ примѣнять для выраженія своего одобренія или неодобренія образа поведенія этихъ лицъ, суть: подача имъ совѣтовъ, наставленій; вліяніе на нихъ путемъ убѣжденія и устраненіе отъ всякаго съ ними сношенія, если общество будетъ считать это для себя полезнымъ; 2) отдѣльныя личности отвѣтственны за тѣ свои поступки, которые наносятъ вредъ интересамъ другихъ лицъ и такія лица должны за эти поступки подвергаться карамъ закона или общественнымъ карамъ, если общество признаетъ необходимымъ прибѣгнуть къ тѣмъ или другимъ ради собственной безопасности. Прежде всего необходимо установить фактъ, что хотя вмѣшательство общества въ дѣла, касающіеся частныхъ лицъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда страдаютъ или могутъ пострадать интересы окружающихъ должно считать вполне законнымъ, тѣмъ не менѣе, однако, изъ этого не слѣдуетъ, что подобное вмѣшательство можетъ всегда и во всѣхъ случаяхъ быть съ полнымъ правомъ примѣнимо на дѣлѣ. Во многихъ случаяхъ человѣкъ, пре-

слѣдующій какую-либо законную цѣль, по необходимости и слѣдовательно исполнивъ законно причиняетъ вредъ или ущербъ другимъ людямъ или же лишаетъ ихъ возможности получить то благо, на пріобрѣтеніе котораго они имѣли полное основаніе рассчитывать. Подобная противоположность интересовъ отдѣльныхъ личностей часто рождается отъ неудовлетворительности общественныхъ установленій и неизбежна пока существуютъ подобныя установленія, хотя подобная противоположность интересовъ можетъ проявляться иногда даже при всякаго рода установленіяхъ.

Человѣкъ, которому удается выдвинуться въ извѣстной сферѣ, имѣющей уже множество другихъ конкурентовъ, или же одержавшій верхъ на конкуренномъ испытаніи, или то лицо, которому отдается предпочтеніе передъ остальными конкурентами въ погонѣ за обладаніе какимъ-либо предметомъ ихъ общаго желанія, пожинаетъ выгоду изъ ущерба другихъ лицъ за счетъ потраченныхъ этими послѣдними понапрасно энергіи или ихъ разочарованія. Общепризнано, однако, что для блага человѣчества желательно, чтобы люди стремились къ достиженію своихъ цѣлей, не останавливаясь передъ подобными послѣдствіями. Иначе говоря, общество не признаетъ за людьми, обойденными конкуренціей, никакихъ правъ, ни легальныхъ, ни нравственныхъ, требовать ихъ огражденія отъ подобнаго рода ущербовъ, и считаетъ себя вправе вмѣшиваться лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда люди для достиженія своихъ искательствъ прибѣгаютъ къ средствамъ, противнымъ общимъ интересамъ, которыя, слѣдовательно, не должны быть вовсе терпимы обществомъ, т. е. къ обману, предательству или насилію. Такимъ образомъ, торговлю

должно считать социальнымъ актомъ. Тотъ, кто начинаетъ торговать какими-либо предметами потребления, продавая ихъ публикѣ, предпринимаетъ такое дѣло, которое касается интересовъ другихъ лицъ и цѣлаго общества; слѣдовательно, образъ его поведенія въ принципѣ долженъ подчиняться контролю общества. Въ силу этого обстоятельства въ былое время считалось обязанностью правительства во всѣхъ наиболѣе важныхъ случаяхъ устанавливать цѣны на мануфактурные товары и контролировать ихъ производство. Въ наше же время послѣ продолжительной борьбы съ противниками этой мѣры уже признано за правило, что общество выигрываетъ какъ въ отношеніи удешевленія цѣнъ на товаръ, такъ и относительно ихъ доброкачественности въ томъ случаѣ, если производителямъ и торговцамъ предоставляется полная свобода дѣйствія, при томъ лишь условіи, чтобы покупателямъ предоставлялась такая же неограниченная свобода приобрѣтать эти товары у тѣхъ торговцевъ, у которыхъ они сами пожелаютъ. Въ этомъ и заключается теорія такъ называемой свободной торговли (Free Trade), которая хотя и зиждется на основахъ, отличныхъ отъ основъ личной свободы индивидовъ, о которой трактуется въ этомъ изслѣдованіи, но основы ея столь же прочны какъ и основы послѣдней теоріи. Ограниченіе права торговли или производства предназначенныхъ для торговли предметовъ въ сущности есть стѣсненіе свободы и, какъ всякое стѣсненіе оно есть зло; но означенное стѣсненіе касается только такихъ дѣйствій людей, которыя общество вправе ограничивать, и если оказывается зломъ, то только потому, что на самомъ дѣлѣ этимъ стѣсненіемъ не достигается тѣхъ результатовъ, на ко-

торые разсчитывали. Подобно тому, какъ принципъ индивидуальной свободы не причастенъ доктринѣ Свободной Торговли, такъ точно этотъ принципъ не причастенъ и большинству тѣхъ вопросовъ, которые касаются предѣловъ этой доктрины, такъ, напр., вопросу о томъ, до какихъ предѣловъ можетъ простираться право общественного контроля, введеннаго съ цѣлью предотвращенія поддѣлокъ торговыхъ продуктовъ; насколько дозволительны принудительныя мѣры по отношенію къ тѣмъ хозяевамъ, у которыхъ рабочіе занимаются вредными для здоровья работами, съ цѣлью установленія санитарныхъ предосторожностей или иныхъ мѣръ для защиты рабочихъ отъ вреда. Подобные вопросы касаются нарушенія свободы личности только настолько, насколько можно во всѣхъ случаяхъ жизни считать предпочтительнымъ предоставлять людей ихъ собственной совѣсти (*caeteris paribus*), нежели подвергать ихъ контролю; но въ принципѣ не подлежитъ никакому сомнѣнію, что ради достиженія означенныхъ цѣлей люди безусловно должны подлежать законному контролю общества. Съ другой же стороны, существуютъ такіе вопросы о вмѣшательствѣ въ торговля дѣла, которыя въ сущности являются уже вопросомъ о свободѣ личности. Къ такимъ вопросамъ относится, напр., законъ Мэна, о которомъ мною упомянуто раньше; законъ о запрещеніи ввоза опиума въ Китай, ограниченіе продажи ядовъ; однимъ словомъ, сюда относятся все случаи, когда цѣль вмѣшательства общества сводится къ тому, чтобы сдѣлать вовсе невозможнымъ или затруднительнымъ пріобрѣтеніе какого-либо извѣстнаго предмета потребленія. Вмѣшательство въ данныхъ случаяхъ можетъ считаться предосудительнымъ, но не потому, что

оно является посягательством на свободу производителей или торговцевъ, но потому, что является посягательством на свободу покупателей.

Относительно одного изъ вышеприведенныхъ примѣровъ, именно о продажѣ ядовъ, возникаетъ новый вопросъ, вопросъ о границахъ вмѣшательства такъ сказать полицейской власти; причемъ спрашивается, какъ далеко можетъ на законныхъ основаніяхъ простираться сила этой власти надъ свободою отдѣльныхъ личностей при отправленіи этою властью своихъ обязанностей по предупрежденію преступленій или несчастныхъ случаевъ. Принятіе заблаговременныхъ мѣръ къ предупрежденію преступленій, является такою же обязанностью правительства какъ и преслѣдованіе и наказаніе преступниковъ, совершившихъ преступленіе. Приэтомъ примѣненіе правительственныхъ мѣръ, относящихся къ предупрежденію преступленій, можетъ повлечь къ злоупотребленіямъ въ видѣ посягательства на личную свободу индивидовъ несравненно чаще, нежели примѣненіе карательныхъ мѣръ, такъ какъ не найдете почти ни одного законнаго дѣйствія, касающагося личной свободы, котораго нельзя было-бы привести и даже съ полнымъ правомъ въ той или иной формѣ въ пользу смягчающаго вину обстоятельства. Тѣмъ не менѣе, однако, если правительственные власти или даже частное лицо усмотрятъ, что кто либо явно намѣревается совершить какое-либо преступленіе, то эти власти или это лицо не должны оставаться въ бездѣйствіи выжидая, пока преступленіе будетъ совершено, но обязаны употреблять мѣры къ предотвращенію преступленія. Если-бы яды покупались единственно только съ цѣлью совершенія убійствъ и не употреблялись бы

ни съ какой иной цѣлью, то въ этомъ случаѣ было бы вполне законно запрещать ихъ производство и продажу. Яды, однако, употребляются не только для безвредныхъ, но даже и для полезныхъ цѣлей и запрещеніе продажи ядовъ не можетъ распространяться на одинъ изъ случаевъ, не распространяясь въ тоже время и на случаи послѣдняго рода. Законною же обязанностью общественныхъ властей является, какъ уже было сказано выше, принятіе мѣръ для охраненія частныхъ лицъ отъ несчастныхъ случаевъ. Если бы какое либо должностное или даже частное лицо усмотрѣло, что кто-либо намѣревается перейти черезъ мостъ завѣдомо непрочный, и не имѣло бы времени предупредить прохожаго объ опасности, которой онъ подвергается, то имѣло бы полное право, не нарушая законовъ свободы личности, схватить этого прохожаго и силою заставить его сойти съ моста, такъ какъ свобода личности предполагаетъ главнымъ образомъ право человека совершать то, что онъ желаетъ, а въ вышеприведенномъ случаѣ подвергающееся опасности лицо не могло желать упасть въ воду. Тѣмъ не менѣе, однако, въ тѣхъ случаяхъ, когда люди подвергаются не неминуемой опасности, а могутъ причинить себѣ только предполагаемый вредъ, никто иной, какъ только само причастное известному случаю лицо можетъ судить о томъ, существуетъ ли у него достаточно вѣскій поводъ, чтобы подвергать себя риску въ данномъ случаѣ; поэтому, по моему крайнему разумѣнію, въ подобныхъ случаяхъ, за исключеніемъ именно случаевъ, когда лицо, подвергающееся риску, находится въ еще незрѣломъ возрастѣ или въ состояніи умопомѣнательства или въ какомъ-либо иномъ состояніи крайняго душевнаго возбужденія, которое

лишаетъ его возможности свободно пользоваться своими умственными способностями, означенное лицо должно быть только предостерегаемо объ опасности, которой оно подвергаетъ себя, но силою нельзя заставить его не подвергать себя риску. Подобныя соображенія, примененныя къ вопросу о продажѣ ядовъ, помогутъ намъ также и при рѣшеніи вопроса о томъ, какія законныя мѣры для урегулированія этой продажи вполне совмѣстимы съ общимъ принципомъ о неприкосновенности личной свободы и какія мѣры противорѣчатъ ему по существу. Такая мѣра предосторожности, напр., какъ ясное обозначеніе на посудѣ какого-либо ядовитого средства его опасныхъ свойствъ, можетъ считаться вполне законной, какъ не нарушающая правъ свободы личности, такъ какъ покупатель не можетъ не желать, чтобы ядовитыя свойства пріобрѣтеннаго имъ ядовитого средства оставались неизвѣстны ему. Требованіе же въ каждомъ случаѣ удостовѣренія врача сопряжено съ такими затрудненіями, которыя могутъ повести лишь къ тому, чтобы сдѣлать иногда невозможнымъ пріобрѣтеніе какихъ-либо ядовитыхъ веществъ даже для дозволеннаго употребленія ихъ и во всякомъ случаѣ къ повышенію цѣны на эти вещества. Единственный путь къ тому, чтобы затруднить возможность совершенія преступленій при посредствѣ подобныхъ ядовитыхъ веществъ, не нарушая свободы тѣхъ, которые пріобрѣтаютъ ихъ для иныхъ какихъ-либо цѣлей, состоитъ, по моему мнѣнію, въ установленіи такъ назыв. „предупредительнаго показанія“ (preappointed evidence) попрекрасному опредѣленію Бенгтама. Всякій, кому приходилось заключать какіе-либо договоры, долженъ знать объ этой мѣрѣ предосторожности. Обыкновенно принято

и совершенно справедливо, чтобы законъ требовалъ при заключеніи какого-либо договора, какъ условіе его обязательнаго выполненія, соблюденія извѣстныхъ формальностей касательно подписей, удостовѣренія свидѣтелей и т. подобн.; это необходимо съ цѣлью, чтобы въ спорныхъ случаяхъ было на лицо доказательство того, что контрактъ дѣйствительно заключенъ по закону и что въ немъ не существуетъ ничего, что могло бы по закону сдѣлать его недѣйствительнымъ; при этомъ имѣется въ виду затруднить заключеніе фиктивныхъ договоровъ или договоровъ, совершенныхъ при такихъ обстоятельствахъ, влѣдствіе которыхъ, если они впоследствии обнаружатся, договоръ этотъ теряетъ свою силу. Къ соблюденію подобнаго рода мѣръ предосторожности могутъ быть примѣняемы принудительныя мѣры также въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло касается продажи предметовъ, могущихъ служить орудіемъ для совершенія преступленій. Отъ продавца, напр., можно было бы требовать, чтобы онъ выдавалъ росписку, въ которой точно обозначалось бы время совершенія продажи, имя и мѣстожительство покупателя, а также точно были указаны родъ и количество проданныхъ предметовъ; чтобы продавецъ спрашивалъ у покупателя, съ какою цѣлью онъ пріобрѣтаетъ предметъ, и отмѣчалъ на роспискѣ отвѣтъ покупателя. Въ случаяхъ, напр., неизмѣнія у покупателя рецепта врача можно было бы требовать при продажѣ ядовитаго вещества присутствія третьяго лица на тотъ случай, если бы впоследствии, при возникновеніи какихъ-либо сомнѣній, представилась необходимость провѣрить былъ ли данный предметъ (или данное средство) употребленъ съ преступною цѣлью или нѣтъ. Подобныя правила не могли

бы въ общемъ существенно стѣснить приобрѣтеніе ядовитыхъ веществъ, но въ значительной мѣрѣ способствовали бы тому, чтобы злоупотребленія ими не совершались безнаказанно.

Присущее обществу право охранять себя отъ направленныхъ противъ него преступленій предупредительными мѣрами неизбежно влечетъ за собою нѣкоторыя ограниченія основнаго принципа, что дурное поведеніе человѣка, касающееся только его собственной личности, не должно подлежать ни предупредительнымъ, ни карательнымъ мѣрамъ. Пьянство, напр., обыкновенно не составляетъ случая требующаго вмѣшательства закона. По моему мнѣнію, было бы вполне справедливымъ, чтобы каждое лицо, обвиняющееся въ какихъ-либо насильственныхъ дѣйствіяхъ противъ другихъ лицъ, совершенныхъ имъ подъ влияніемъ опьяненія, было подвергаемо особому, относящемуся только лично до него, законному ограниченію употребленія спиртныхъ напитковъ, а въ случаѣ совершенія имъ новаго проступка въ пьяномъ состояніи, то чтобы это лицо было еще строже наказуемо, чѣмъ въ первый разъ. Напивающійся до состоянія опьяненія человѣкъ, которому извѣстно, что онъ въ этомъ состояніи можетъ подъ влияніемъ сильнаго возбужденія причинять вредъ другимъ людямъ, совершаетъ уже тѣмъ преступленіе противъ этихъ людей, что не поддерживается отъ пинья. Такъ точно люди праздные, незанимающіеся какимъ-либо трудомъ, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда эти люди содержатся на счетъ общества, или случаевъ, когда, не занимаясь трудомъ, они совершаютъ нарушеніе какого-либо договора, не подлежатъ карѣ закона и наказаніе ихъ было бы самоуправствомъ. Но если какое-либо лицо велѣд-

ствіе ли своей дѣльности или какой-либо иной устранимой причины пренебрегаетъ своими законными обязанностями по отношенію другихъ лицъ, не заботится, напр., о содержаніи своихъ дѣтей, то въ подобномъ случаѣ уже нельзя считать насиліемъ вмѣшеніе такому лицу въ обязанность выполненіе этого прямого долга, при чемъ дозвоительно заставить его работать прибѣгая къ принудительнымъ мѣрамъ, если всякія иныя средства окажутся неэффективными. Наконецъ, есть много такихъ дѣяній, которыя, причиняя вредъ только самому лицу ихъ совершившему, не должны быть воспрещаемы закономъ, но которыя, будучи совершены публично, являются нарушеніемъ правилъ приличія, и, подходя поэтому подъ категорію проступковъ оскорбительныхъ для другихъ лицъ, могутъ быть караемы закономъ. Къ такого рода дѣяніямъ относятся проступки противъ общественной благопристойности. Здѣсь нѣтъ надобности останавливаться на подобныхъ проступкахъ, такъ какъ они имѣютъ лишь косвенное отношеніе къ трактуемому нами предмету; равнымъ образомъ, къ числу проступковъ, которые должны быть воспрещаемы, относятся и такіе, которые хотя и не считаются предосудительными сами по себѣ, но оказываются таковыми, если они совершаются публично.

Существуетъ еще одинъ вопросъ, требующій разрѣшенія, которое должно согласоваться съ вышеизложенными принципами. Можетъ ли быть предоставлено право постороннимъ лицамъ давать совѣты другимъ и склонять ихъ совершать такія личныя дѣйствія, которыя хотя и достойны порицанія, но изъ уваженія къ свободѣ личности не подвергаются ни предупрежденію, ни наказанію на томъ основаніи, что вредныя послѣдствія

этихъ дѣйствій непосредственно и всецѣло падаютъ на совершившаго ихъ?

Отвѣтъ на подобный вопросъ дать не легко. Случай, когда какое-либо лицо склоняетъ другое совершить дѣяніе, строго говоря, не есть случай только личнаго поведенія. Казалось бы, что тотъ, кто даетъ кому-либо совѣты или склоняетъ къ чему либо данное лицо, совершаетъ дѣяніе общественное, которое должно, поэтому, подобно всякимъ дѣяніямъ, касающимся интересовъ другихъ лицъ, подлежать контролю общества. По нѣкоторомъ размысленіи, однако, оказывается, что такой взглядъ не совѣмъ правиленъ, доказывая, что хотя данный случай не можетъ быть строго отнесенъ къ вопросу личной свободы, однако, тѣмъ не менѣе, допускаетъ примѣненіе къ нему тѣхъ же основаній, на которыхъ построенъ принципъ личной свободы. Если признать, что людямъ должно быть дано право во всеѣхъ случаяхъ, которые касаются только лично ихъ самихъ, поступать такъ, какъ это кажется имъ лучше, на ихъ собственный страхъ, то, равнымъ образомъ, имъ должна быть предоставлена свобода совѣтоваться другъ съ другомъ о томъ, какъ и что имъ слѣдуетъ дѣлать, т. е. обмѣниваться мыслями и давать и принимать совѣты. Если людямъ дозволяется поступать извѣстнымъ образомъ, то слѣдуетъ разрѣшать и давать совѣты поступать такимъ или инымъ образомъ. Вопросъ можетъ возбудить сомнѣніе только въ томъ случаѣ, если дающій совѣтъ извлекаетъ личную выгоду изъ своего совѣта, если онъ подачу совѣтовъ обращаетъ въ ремесло или если такое лицо ради добыванія средствъ къ существованію или ради денежной выгоды споспѣшествуетъ распространенію того, что общество и государство счи-

таютъ зломъ. Въ подобномъ случаѣ вопросъ еще болѣе осложняется введеніемъ въ него новаго элемента, относящагося къ существованію въ обществѣ цѣлаго класса людей, интересы которыхъ противоположны тому, что считается общественнымъ благомъ, и все поведеніе которыхъ основано на противодѣйствіи этому благу. Можно ли допустить въ этомъ случаѣ вмѣшательство власти или нѣтъ? Если допустить, что прелюбодѣяніе, напр., должно быть терпимо обществомъ точно такъ же, какъ и азартная игра, то можно ли, спрашивается, позволять кому-либо заниматься сводничествомъ или держать игорный домъ? Случай этотъ занимаетъ какъ разъ мѣсто на границѣ между двумя разнородными принципами и трудно съ перваго же взгляда отличить, къ которому изъ нихъ слѣдуетъ его отнести. Здѣсь можно съ одинаковымъ правомъ отнести этотъ случай какъ къ той, такъ равно и къ другой сторонѣ. Съ точки зрѣнія терпимости можно было бы сказать, что фактъ избранія какого-либо образа дѣйствій въ видѣ ремесла и употребленіе добытой отъ этого образа дѣйствія выгоды какъ средства къ существованію, а также и извлеченіе изъ него какой-либо иной пользы для себя еще не можетъ придать значеніе преступленія такому дѣянію, которое при иныхъ обстоятельствахъ считалось бы непроступнымъ; что такого рода дѣянія должны быть или воспрещаемы безъ всякихъ ограниченій или дозволяемы безъ всякихъ ограниченій; что если принципы, которые мы до сихъ поръ отстаивали, должно признать правильными, то общество, именно какъ общество, не выравъ рѣшать, вредно ли или нѣтъ извѣстное дѣяніе, коль скоро оно касается лишь самой личности даннаго индивида; общество, слѣдовательно, должно

ограничиваться только тѣмъ, чтобы совѣтовать, не поступать извѣстнымъ образомъ, и каждому человѣку должна быть предоставлена свобода давать совѣтъ другому лицу или отклонять его своими совѣтами отъ извѣстныхъ дѣйствій. Въ видѣ возраженія на вышесказанное можно замѣтить, что если общество или государство не вправѣ безусловно, рѣшать въ видахъ примѣненія мѣръ обуздыванія людей или наказанія ихъ, что тотъ или иной поступокъ, затрогивающій интересы только одного лица, хорошъ или дуренъ, то все-таки они имѣютъ полное право, если находятъ поступокъ дурнымъ, считать вопросъ о его вредности или невредности вопросомъ спорнымъ. Допустивъ это предположеніе, нельзя будетъ признать несправедливостью, если общество или государство будутъ желать ослабить вліяніе подстрекательства, заинтересованныхъ въ извѣстномъ дѣлѣ лицъ, которыя не могутъ быть вполне безпристрастны и прямой личный интересъ которыхъ склоняется именно на ту сторону, которую государство признаетъ неправою, и которые явно поощряютъ къ извѣстнымъ дѣйствіямъ только ради собственныхъ выгодъ. На сказанное могутъ возразить, что ничто, безъ сомнѣнія, не пострадаетъ, ничего хорошаго не будетъ принесено въ жертву, если каждому индивиду будетъ предоставлена свобода выбора, будетъ ли такой выборъ разуменъ или неразуменъ, поступать по его собственной склонности, насколько возможно независимо отъ подстрекательства лицъ, старающихся воздѣйствовать на его склонности изъ своихъ корыстныхъ цѣлей. Если, поэтому, могутъ сказать, постановленія закона относительно азартныхъ игръ не могутъ быть безусловно оправдываемы, если каждому будетъ предоставляемо право вести игру въ своемъ или чужомъ домѣ или

въ какомъ-либо существующемъ, устроенномъ на общія средства заведеніи, куда допускаются только свои члены и ихъ гости, тѣмъ не менѣе открытіе общественныхъ игорныхъ домовъ все-таки не должно быть дозволяемо.

Правда, что это запрещеніе рѣдко достигаетъ своей цѣли на дѣлѣ и какую бы власть ни предоставляли полиціи, все-таки игорные дома будутъ существовать подъ тѣмъ или инымъ предлогомъ; конечно, они тѣмъ не менѣе будутъ вынуждены соблюдать до извѣстной степени въ тайнѣ свое существованіе и скрывать свою дѣятельность, такъ чтобы о существованіи ихъ никто не зналъ, кромѣ лицъ, которыя сами ищутъ возможности предагься азартнымъ играмъ, и обществу остается удовольствоваться уже и этимъ. Несомнѣнно, что эти аргументы достаточно вѣски. Но я не беруся рѣшать, достаточно ли они оправдываютъ ту правительственную аномалію, что наказаніе несетъ участникъ проеука, тогда какъ главный виновникъ признается (и справедливо признается) не подлежащимъ наказанію; что наказуется денежнымъ штрафомъ или тюремнымъ заключеніемъ не сводникъ, а любодѣй, содержатель игорнаго дома, а не игрокъ. Тѣмъ менѣе слѣдуетъ на подобныхъ же основаніяхъ допускать вмѣшательство въ совершаемыя обычныя сдѣлки по куплѣ и продажѣ. Почти всякій предметъ, который продается и покупается, можетъ быть употребленъ въ излишество и денежная выгода продавца состоитъ именно въ томъ, чтобы поощрять такое излишество потребленія. Но никакого аргумента нельзя основывать на этомъ фактѣ въ защиту, напр., закона Мэна, такъ какъ существованіе класса продавцовъ спиртныхъ напитковъ, хотя бы и заинтересованныхъ въ томъ, чтобы покупатели

злоупотребляли этими напитками, тѣмъ не менѣ является необходимымъ ради продажи этихъ напитковъ для законныхъ цѣлей. Та выгода, однако, которую продавцы извлекають для себя отъ поощренія пьянства, составляетъ дѣйствительно зло, которое даетъ государству право налагать ограниченія на продажу напитковъ и требовать поручительствъ за лицъ, занимающихся ихъ продажей, и если бы не существовало этого оправданія, то означенныя ограниченія и требованіе поручительствъ можно было бы считать посягательствомъ на личную свободу.

Дальнѣйшій вопросъ заключается въ слѣдующемъ: должно ли государство, дозволяя извѣстный образъ дѣйствій, тѣмъ не менѣ косвенно воспрепятствовать этотъ же самый образъ дѣйствій, если государство признаетъ его противорѣчающимъ интересамъ того лица, которое совершаетъ эти дѣйствія. Напр., должно ли государство принимать какія-либо мѣры къ тому, чтобы увеличивать цѣну горючѣйшихъ напитковъ или стѣнять доступъ къ ихъ пріобрѣтенію ограниченіемъ числа мѣстъ продажи такихъ напитковъ. При рѣшеніи этого вопроса, какъ и многихъ другихъ практическихъ вопросовъ, слѣдуетъ принимать въ соображеніе много различныхъ условій. Устанавливать налоги на спиртные напитки единственно съ цѣлью затруднить пріобрѣтеніе ихъ, значитъ—пріобрѣтать къ такой мѣрѣ, которая лишь въ очень малой степени отличается отъ совершеннаго воспрепятствія ихъ продажи и могла бы считаться законной только въ томъ случаѣ, если бы признавалось законнымъ также и воспрепятствіе продажи ихъ. Всякое увеличеніе цѣны на какой-либо предметъ равносильно запрещенію пріобрѣтенія его для людей, которые по своимъ средствамъ

не въ состояніи платить такихъ высокихъ цѣнъ, тогда какъ для людей состоятельныхъ, такое увеличеніе цѣнъ является какъ бы своего рода штрафомъ, налагаемымъ на нихъ за возможность удовлетворенія ихъ прихотливаго вкуса. Выборъ средствъ для удовлетворенія своихъ прихотей и способъ расходованія своихъ денегъ, послѣ выполненія человѣкомъ его законныхъ и нравственныхъ обязанностей по отношенію государства и своихъ согражданъ, составляютъ личное дѣло каждаго человѣка и должны быть предоставлены собственному благоусмотрѣнію каждаго человѣка. Вышесказанныя соображенія съ перваго взгляда какъ бы дѣлаютъ достойнымъ осужденія избраніе спиртныхъ напитковъ особымъ предметомъ обложенія налога съ цѣлью полученія дохода. Но не слѣдуетъ забывать, что налоги ради фискальныхъ цѣлей безусловно неизбежны, что для большинства странъ необходимо, чтобы налоги въ значительной части были косвенными, что государство, слѣдовательно, не можетъ обойтись безъ наложенія особаго штрафа за потребленіе извѣстныхъ предметовъ, штрафа, который для нѣкоторыхъ людей равняется запрещенію. Поэтому при установленіи извѣстнаго налога государство обязано руководствоваться соображеніемъ того, безъ какихъ именно предметовъ потребленія могутъ легче всего обходиться потребители, и, соглашаясь съ этимъ, а fortiori отдавать предпочтеніе тѣмъ предметамъ, неумѣренное потребленіе которыхъ оно считаетъ безусловно вреднымъ. Поэтому не только можетъ быть допускаемо, но даже одобряемо обложеніе спиртныхъ напитковъ хотя-бы и высокимъ налогомъ, приносящимъ государству значительный доходъ (предполагая, что государство нуждается въ доходѣ, который

оно можетъ выручитьъ этимъ путемъ). На вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли продажу такихъ предметовъ потребления обращать въ болѣе или менѣе исключительную привилегію, можно отвѣчать различно, смотря по тѣмъ цѣлямъ, которымъ должна служить такая привилегія. Всѣ мѣста общественныхъ развлеченій должны находиться подъ надзоромъ полиціи, какъ требующія строгаго контроля, потому что въ нихъ чаще всего могутъ совершаться проступки противъ общественнаго порядка. На этомъ же основаніи торговлю такими предметами какъ спиртные напитки (по крайней мѣрѣ въ мѣстахъ ихъ употребленія) слѣдуетъ разрѣшать только лицамъ, завѣдомо извѣстнымъ своей честностью, и за благоправіе которыхъ можетъ быть представлено поручительство; наконецъ, слѣдуетъ назначать часъ закрытія и открытія мѣстъ общественныхъ развлеченій, сообразуясь съ требованіями общественнаго надзора, и установить право отобранія выданнаго разрѣшенія, какъ только нарушеніе тишины и порядка будетъ повторяться вслѣдствіе потворства или небрежности къ своимъ обязанностямъ содержателей увеселительныхъ заведеній, или если такія заведенія превратятся въ мѣста для сборищъ людей неблагонамѣренныхъ или замышляющихъ совершить какое либо нарушеніе общественнаго порядка. Всякаго рода другія стѣсненія личной свободы я считаю въ принципѣ несправедливыми. Напр., ограниченіе числа пивныхъ или винныхъ лавокъ единственно съ цѣлью стѣснить доступъ въ нихъ и сократить поводы къ соблазну не только является обременительнымъ для всѣхъ членовъ общества, обязанныхъ терпѣть отъ этого неудобства только потому, что находятся нѣкото-

рыи лица, злоупотребляющія легкостью добыванія этихъ нанитковъ, но пригодно лишь только при томъ низкомъ уровнѣ общества, когда съ рабочимъ классомъ людей открыто обращаются какъ съ дѣтьми или дикими и заставляютъ его подчиниться воспитательнымъ мѣрамъ принужденія ради подготовки ихъ къ воспринятію тѣхъ преимуществъ, которыя предоставляются свободой. Это, однако, уже есть отступленіе отъ того принципа, которымъ должно руководствоваться при обращеніи съ рабочимъ классомъ въ свободной странѣ, и ни одинъ человекъ, признающій истинное значеніе свободы, не допуститъ мысли, что рабочіе должны быть подчинены такой опеке, за исключеніемъ развѣ только случаевъ когда уже все усилия, чтобы воспитать ихъ для свободы и обходиться съ ними, какъ съ свободными гражданами будутъ окончательно истощены и явно обнаружится, что съ рабочими можно обходиться только какъ съ несовершеннолѣтними дѣтьми. Одно уже возникновеніе подобной постановки вопроса указываетъ на нелѣпость примѣненія подобныхъ попытокъ, какъ вышеприведенныя, въ какихъ либо случаяхъ, достойныхъ нашего вниманія. Только влѣдствіе того, что англійское законодательство представляетъ собою рядъ противорѣчащихъ постановленій, случается, что тамъ допускается практическое примѣненіе такихъ мѣръ, которыя могли бы имѣть мѣсто лишь при деспотической или такъ назыв. патріархальной системѣ правленія, между тѣмъ какъ свободный духъ англійскихъ учрежденій исключаетъ возможность примѣненія какого либо насильственного надзора надъ личностью достаточно сильнаго, чтобы это стѣсненіе личности могло служить средствомъ для нравственнаго воспитанія людей.

Еще въ началѣ этого трактата мною было указано на то, что, допуская свободу одного индивида въ дѣлахъ, лично только его касающихся, необходимо также допустить соответственную свободу и для любого числа индивидовъ ради установленія съ обоюднаго ихъ соглашенія такихъ правилъ, которыя касаются всѣхъ этихъ индивидовъ въ совокупности, касаются лишь ихъ самихъ и никого другаго. Вопросъ этотъ не представляетъ никакихъ затрудненій до тѣхъ поръ, пока воли всѣхъ участниковъ остается въ полномъ соглашеніи; но въ виду того, что воли эта можетъ измѣниться, то часто необходимо, чтобы такія лица въ дѣлахъ, хотя бы даже только ихъ однихъ касающихся, заключали бы другъ съ другомъ договоры, а разъ такіе договоры будутъ заключены, то необходимо, въ видѣ общаго правила, чтобы условія этихъ договоровъ обязательно выполнялись всѣми. Тѣмъ не менѣе, однако, въ законахъ почти каждой страны, какъ надо полагать, существуютъ отступленія отъ этого общаго правила. Не только считается необязательнымъ выполнение договоровъ, которыми нарушаются права третьей стороны, но иногда считается достаточнымъ поводомъ къ нарушенію договора уже то, если таковой можетъ причинить вредъ той или другой изъ сторонъ заключившихъ договоръ. Въ Англіи и въ большинствѣ другихъ цивилизованныхъ странъ, напр., договоръ, на основаніи котораго человекъ будетъ продавать себя какъ раба, или изъявить свое согласіе на это, считается вовсе недействительнымъ; сила подобнаго договора не можетъ быть признаваема ни закономъ, ни судомъ общественнаго мнѣнія. Основаніе для подобнаго ограниченія власти человека надъ своею собственною судьбой очевидно и

очень ясно обнаруживается въ этомъ крайнемъ случаѣ. Причиной того, почему не слѣдуетъ допускать вмѣшательства въ добровольные поступки человѣка, пока ими не затрогиваются интересы окружающихъ, является уваженіе къ свободѣ его личности; но хотя добровольный выборъ въ вышеприведенномъ случаѣ доказываетъ, что названное лицо желаетъ или, по крайней мѣрѣ, находитъ себя способнымъ терпѣть послѣдствія своего выбора, и имѣя въ виду благо этого лица, всего лучше предоставлять ему самому выборъ средствъ для достиженія этого блага, тѣмъ не менѣе, однако, если этотъ человѣкъ продастъ самого себя въ рабство, то этимъ самымъ отрекается отъ свободы и лишаетъ себя этимъ добровольнымъ поступкомъ права пользоваться ею и въ будущемъ. Въ этомъ случаѣ онъ, слѣдовательно, самъ добровольно уничтожаетъ самую цѣль, которою оправдывается его право распорядиться самимъ собой; онъ уже болѣе не свободенъ; съ этого времени онъ становится въ положеніе, не имѣющее за собою никакихъ преимуществъ, которыя давали бы возможность предположить, что онъ добровольно останется въ этомъ положеніи рабства. Принципъ свободы не можетъ требовать, чтобы человѣкъ могъ пользоваться своею свободою для того, чтобы сдѣлаться рабомъ. Нельзя назвать свободой право человѣка лишать себя свободы. Эти основанія, значеніе которыхъ столь ярко обнаруживается въ вышеприведенномъ исключительномъ случаѣ, могутъ имѣть, очевидно, и гораздо болѣе широкое примѣненіе; но они повсюду встрѣчаются съ неизбѣжными условіями жизни, которыя постоянно вынуждаютъ людей не отрекаться отъ своей свободы, а добровольно подчиняться извѣстному ограниченію ея. Тотъ же самый прин-

цпнть, на основаніи котораго требуется безконтрольная свобода дѣйствій во всемъ, что касается только самаго даннаго лица, требуетъ также, чтобы тѣ, которые заключили между собой взаимный договоръ по дѣлу, не касающемуся третьей стороны, могли бы равнымъ образомъ освобождать другъ друга отъ выполненія заключеннаго договора. Впрочемъ, и помимо упомянутаго права добровольнаго освобожденія отъ извѣстнаго договора едва-ли существуютъ такіе контракты и условія, за исключеніемъ только денежныхъ или имущественныхъ обязательствъ, по отношенію къ которымъ можно было бы вовсе отрицать возможность отступленія лицъ, принявшихъ на себя извѣстные обязательства. Баронъ Вильгельмъ фонъ-Гумбольдтъ въ своемъ прекрасномъ трактатѣ, о которомъ я уже упоминалъ выше, выражаетъ убѣжденіе, что договоры, касающіеся личныхъ отношеній или услугъ, не должны считаться дѣйствительными на законномъ основаніи далѣе опредѣленнаго срока времени и что для расторженія даже самаго важнѣйшаго изъ договоровъ—договора брачнаго—отличающагося той особенностью, что самое значеніе его исчезаетъ какъ только нарушается взаимное согласіе супруговъ, должно требовать лишь только заявленія желанія одной изъ сторонъ расторгнуть брачный договоръ. Этотъ вопросъ, впрочемъ, слишкомъ большой важности и слишкомъ сложенъ, чтобы его разсматривать только мимоходомъ, и я касаюсь его лишь настолько, насколько это необходимо для разъясненія занимающаго насъ предмета. Если бы Гумбольдтъ не былъ вынужденъ вълѣдствіе сжатости и общности трактуемаго имъ вопроса ограничиться лишь изложеніемъ своихъ выводовъ, не вдаваясь въ обсужденіе посылкъ, то онъ несомнѣнно

призналъ бы, что этотъ вопросъ не можетъ быть разрѣшенъ удовлетворительно, если рѣшеніе его строить на тѣхъ простыхъ основаніяхъ, которыми онъ ограничился въ своемъ трактатѣ. Если какое-либо лицо посредствомъ выраженныхъ имъ обѣщаній или своими поступками склонитъ другое лицо довѣриться тому, что онъ будетъ и впредь держаться извѣстнаго образа дѣйствій, и этимъ вселитъ въ этомъ другомъ человѣкѣ извѣстныя надежды или дастъ ему право разсчитывать на будущее и тѣмъ самымъ понудитъ его основать на этихъ обѣщаніяхъ свои дальнѣйшіе жизненные планы, то въ подобномъ случаѣ для перваго изъ этихъ лицъ возникаетъ новый рядъ нравственныхъ обязанностей по отношенію ко второму лицу, которыя могутъ быть по какимъ-либо обстоятельствамъ имъ не выполнены, но которыми онъ не имѣетъ права пренебрегать. Далѣе, если союзъ двухъ сторонъ, заключившихъ между собой договоръ, имѣлъ какія-либо послѣдствія для другихъ лицъ, если влѣдствіе этого союза третье лицо было поставлено въ какое-либо неблагопріятное положеніе или же, какъ напр. при заключеніи брака, даже вызвалъ появленіе на свѣтъ третьяго лица, то для обѣихъ договаривающихся сторонъ возникаютъ по отношенію къ такому третьему лицу такія нравственныя обязанности, выполненіе которыхъ или по крайней мѣрѣ способъ выполненія которыхъ ставить это третье лицо въ полную зависимость отъ того, будетъ ли продолжаться или будетъ нарушенъ союзъ двухъ первоначально совершившихъ договоръ сторонъ. Изъ этого не слѣдуетъ заключать и я не допускаю, чтобы эти обязательства распространялись такъ далеко, чтобы требовалось выполненіе договора

во что бы то ни стало, даже цѣною счастья одной изъ спорящихъ сторонъ; но эти обязательства являются элементомъ разсматриваемаго нами вопроса и если даже, какъ утверждаетъ Гумбольдтъ, они не должны были бы имѣть никакого вліянія на законное право сторонъ освободить себя отъ выполненія договора (я же съ своей стороны полагаю, что эти обязательства во всякомъ случаѣ не должны слишкомъ сильно на нихъ вліять), то они по необходимости должны имѣть большое значеніе для нравственной свободы этихъ лицъ. Всѣ эти обстоятельства должны быть непременно принимаемы въ соображеніе каждымъ лицомъ, прежде чѣмъ оно рѣшится на такой шагъ, который можетъ затронуть столь важные интересы другихъ лицъ; если же это лицо не придаетъ должнаго значенія этимъ интересамъ, то должно подлежать нравственной отвѣтственности за причиненное имъ зло. Я сдѣлалъ эти замѣчанія съ цѣлью представить наглядное объясненіе общаго принципа свободы, а вовсе не потому, чтобы считать ихъ необходимыми для частныхъ случаевъ, которые, наоборотъ, обыкновенно трактуются такъ, какъ будто бы интересы дѣтей представляютъ собой все, а интересы взрослыхъ—ничто.

Я уже выше говорилъ о томъ, что вслѣдствіе отсутствія какихъ-либо общепризнанныхъ принциповъ свобода часто допускается въ такихъ случаяхъ, когда ее вовсе не слѣдовало бы допускать, и, наоборотъ, подвергается стѣпненію въ тѣхъ случаяхъ, когда бы ее слѣдовало допускать такъ, напр., въ современной Европѣ чувство свободы весьма часто обнаруживается наисильнѣе именно въ такихъ случаяхъ, когда, по моему мнѣнію, свобода оказывается совсѣмъ неумѣстной. Че-

ловѣку должна быть дана свобода поступать по своему желанію во всемъ томъ, что лично его касается; но ему нельзя предоставлять свободу дѣйствовать по своему усмотрѣнію тогда, когда его дѣйствія касаются окружающихъ лицъ, подъ предлогомъ того, что дѣла другихъ лицъ суть вмѣстѣ съ тѣмъ столько же и его дѣла. Въ то время, какъ государство оказываетъ уваженіе свободѣ каждаго отдѣльнаго лица во всемъ, что касается его лично, оно, вмѣстѣ съ тѣмъ, обязано строго слѣдить за тѣмъ, какъ выполняется та власть, которую оно предоставляетъ одному лицу надъ другими лицами. Этою обязанностью, однако, государство почти вовсе пренебрегаетъ, коль скоро дѣло касается семейныхъ отношеній, т. е. такого дѣла, которое, вслѣдствіе своего прямого вліянія на благополучіе человѣчества, оказывается важнѣе всѣхъ вмѣстѣ взятыхъ другихъ дѣлъ. Мы не будемъ уже распространяться о почти деспотической власти мужей надъ своими женами, такъ какъ для полнаго устраненія этого зла достаточно только одного условія: чтобы женамъ были даны одинаковыя съ мужьями права и чтобы онѣ пользовались такимъ же покровительствомъ закона какъ и мужчины; не будемъ, наконецъ, распространяться потому, что защитники укоренившагося несправедливаго отношенія мужей къ женамъ основываютъ свои доводы не на свободныхъ правахъ женщинъ, а открыто выступаютъ борцами за власть мужей. Что же касается вопроса о дѣтихъ, то превратно примѣняемая къ нему понятія о свободѣ являются настоящимъ камнемъ преткновенія къ правильному выполненію государствомъ своихъ прямыхъ обязанностей. Можно было бы думать, что дѣти составляютъ въ буквальномъ, а не въ иносказатель-

номъ смыслѣ часть самого отца, до такой степени враждебно относятся люди къ малѣйшему вмѣшательству закона въ ихъ неограниченную и исключительную власть надъ ихъ дѣтьми; они проявляютъ въ этомъ случаѣ столь враждебное отношеніе къ вмѣшательству закона, какого не предъявляютъ къ вмѣшательству государства даже въ ихъ личную свободу; по этому факту можно вообще судить о томъ, насколько люди цѣнятъ больше власть, нежели свободу. Разсмотримъ, напр., вопросъ о воспитаніи. Развѣ не сдѣлалось почти аксіомой, что государство обязано предъявлять требованіе и даже принуждать людей къ выполненію этого требованія, чтобы каждый малолѣтній, появившійся на свѣтъ гражданиномъ даннаго государства, получалъ извѣстное опредѣленное воспитаніе? А между тѣмъ найдется ли такой человѣкъ, который рѣшится открыто признать и отстаивать право государства принуждать родителей къ выполненію этого требованія? Дѣйствительно, врядъ-ли кто-нибудь будетъ отрицать, что одна изъ самыхъ священныхъ обязанностей родителей (по существующимъ же нынѣ законамъ не родителей, а именно отца) заключается въ томъ, чтобы, послѣ того, какъ они произвели на свѣтъ ребенка, дать ему такое воспитаніе, которое сдѣлало бы его пригоднымъ къ добросовѣстному выполненію его общественныхъ обязанностей какъ по отношенію къ самому себѣ, такъ и по отношенію другихъ лицъ. Несмотря, однако, на то, что воспитаніе своего ребенка всеми единодушно признается обязанностью отца, врядъ ли кто-либо въ Англіи согласится признать, чтобы можно было отца насильно принудить къ выполненію этой обязанности. Въмѣсто того, чтобы требовать отъ отца усилій и жертвъ для

обезпеченія воспитанія его ребенку, предоставляется воли на его добрую волю воспользоваться тѣми средствами воспитанія своего ребенка, которыя предлагаются государством совершенно безвозмездно, или отказаться отъ нихъ. До сихъ поръ еще очень немногіе соглашаются признать, что тотъ, кто производитъ ребенка на свѣтъ, не имѣя достаточныхъ средствъ не только къ тому, чтобы дать ему необходимое для существованія пропитаніе, но чтобы быть въ состояніи дать ему практическое и нравственное воспитаніе, совершаетъ нравственное преступленіе какъ по отношенію несчастнаго ребенка, такъ и по отношенію общества; что если самъ родитель не выполняетъ этой обязанности, то о выполненіи ея должно заботиться государство за счетъ, насколько это возможно, родителя ребенка.

Если было-бы признано, что воспитаніе всѣхъ безъ исключенія людей необходимо должно быть обязательнымъ, тогда сами собою исчезли-бы всѣ препятствія къ разрѣшенію вопроса о томъ, чему и какъ государство должно учить; между тѣмъ этотъ вопросъ въ настоящее время сталъ предметомъ жестокой борьбы между различными сектами и партіями, и въ этихъ спорахъ о воспитаніи дѣтей тратится время и трудъ, которые было-бы гораздо цѣлесообразнѣе употребить на самое дѣло воспитанія. Если-бы правительство раз навсегда пришло къ рѣшенію установить за правило, что каждый ребенокъ обязательно долженъ получать хорошее воспитаніе, то этимъ оно избавило-бы себя отъ труда заботиться объ этомъ воспитаніи. Оно могло-бы предоставить родителямъ заботу о томъ, какъ и гдѣ воспитывать дѣтей, ограничиваясь лишь тѣмъ, чтобы

оказывать помощь въ видѣ платы за школьные расходы на дѣтей болѣе бѣднаго класса людей, освобождая вовсе отъ школьныхъ расходовъ тѣхъ лицъ, у кого нѣтъ никого, кто-бы могъ платить за нихъ. Возраженія, которыя совершенно справедливо раздаются противъ государственнаго воспитанія, приводятся не противъ обязательнаго воспитанія, а приводятся противъ того, чтобы это воспитаніе сосредоточивалось исключительно въ рукахъ правительства—что составляетъ два совершенно противоположныхъ другъ другу вопроса. И столь-же рѣшительно какъ и многіе другіе отрицаю необходимость того, чтобы все дѣло или большая часть народнаго воспитанія находилось въ рукахъ правительства. Все, что было раньше сказано нами о важномъ значеніи индивидуальности и разнообразій во мнѣніяхъ и образѣ дѣйствій людей, имѣеть такое-же важное значеніе и по отношенію къ разнообразію воспитательныхъ системъ. Общее для вѣхъ обязательное государственное воспитаніе есть ничто иное какъ искусно придуманное средство для формированія людей по одному общему образцу, для подведенія людей подъ мѣрку, которая устанавливается согласно желанію господствующей власти, и будетъ-ли это власть монарха, духовенства, аристократіи или большинства представителей страны, эта мѣрка будетъ находиться въ полной зависимости отъ степени того успѣха, который имѣеть данная господствующая власть для подчиненія своему деспотическому велѣнію не только умы людей, но и по естественному закону даже и самое ихъ тѣло. Воспитаніе, установленное и контролируемое государствомъ, можетъ быть допускаемо, (если только вообще оно сколько нибудь желательно),

единственно въ видѣ одного изъ многочисленныхъ опытовъ воспитанія, чтобы служить стимуломъ и примѣромъ для поддержанія другихъ способовъ воспитанія на извѣстномъ уровнѣ совершенства. До тѣхъ поръ, однако, пока само общество въ общемъ стоитъ еще на столь низкой степени развитія, что не въ силахъ самостоятельно заботиться объ устройствѣ надлежащихъ воспитательныхъ учреждений, предоставляя правительству брать на себя вынолненіе этой задачи, до тѣхъ поръ правительство дѣйствительно должно, избравъ меньшее изъ двухъ золъ, взять на себя дѣло учрежденія школъ и университетовъ, поступаая въ этомъ случаѣ точно такъ, какъ оно поступаетъ, напр., въ дѣлѣ учрежденія акціонерныхъ компаній, когда въ извѣстной странѣ отсутствуетъ частная предпримчивость для устройства обширныхъ промышленныхъ предпріятій. Въ общемъ-же говоря, если въ странѣ найдется достаточное число людей, способныхъ вести дѣло воспитанія подъ надзоромъ и покровительствомъ государства, то эти-же самыя лица окажутся въ состояніи вести и весьма охотно стануть вести съ одинаковымъ усердіемъ это-же дѣло воспитанія на началахъ свободныхъ отъ правительственной опеки подъ условіемъ, что имъ будетъ обезпечено вознагражденіе, равносильное тому, которое установлено для правительственныхъ учреждений тѣмъ лицамъ, которыя будутъ не въ состояніи на иныхъ условіяхъ жертвовать своимъ трудомъ.

Вмѣшательство правительственнаго обязательнаго контроля надъ воспитательными учреждениями должно было-бы ограничиться тѣмъ, чтобы подвергать публичнымъ экзаменамъ всѣхъ дѣтей, начиная съ ихъ ран-

ного возраста. Можно было-бы установить предѣльный возрастъ для дѣтей когда они должны подвергаться испытанію для удостовѣренія въ томъ, умѣеть-ли мальчикъ или дѣвочка читать и писать. Если-бы оказалось, что ребенокъ не умѣеть читать, то отецъ, если не представитъ какихъ-либо уважительныхъ причинъ, присуждается къ уплатѣ умѣреннаго денежнаго штрафа, который онъ можетъ, если окажется необходимымъ, отработать своимъ трудомъ, причемъ ребенокъ помѣщается въ школу за его счетъ. Ежегодныя испытанія должны повторяться каждый разъ съ постепенно возрастающею программю предметовъ, такъ чтобы сдѣлать въ сущности обязательнымъ общее приобрѣтеніе знанія или, что еще важнѣе, удержаніе образованія на извѣстномъ минимумѣ. За предѣлами этого минимума должно быть установлено для желающихъ испытаніе по всеѣмъ научнымъ предметамъ, на основаніи котораго, въ случаѣ удовлетворительнаго запаса знанія, экзаменующійся могъ-бы требовать законное удостовѣреніе.

Съ цѣлью-же воспринять-тому, чтобы государство, вслѣдствіе такого своего вмѣшательства, не обратило-бы дѣло воспитанія въ орудіе для управленія мнѣніями и убѣжденіями людей, слѣдовало бы установить, чтобы знанія, необходимыя для прохожденія испытаній (за исключеніемъ вспомогательныхъ знаній, каковы, напр., теоретическое и практическое знаніе языковъ и ихъ примѣненія) ограничивались, даже въ высшихъ испытательныхъ классахъ, исключительно изложеніями фактовъ и положительныхъ наукъ. При испытаніяхъ по наукамъ богословскимъ, по государствовѣдѣнію или по другимъ спорнымъ предметамъ не

должно требовать отъ испытываемыхъ толкованій истинъ или сомнительнаго значенія обще - принятыхъ мнѣній, но должно ограничиваться одной лишь фактической стороною этихъ предметовъ, указаніями на то, что такіе то писатели, школы или церкви, придерживаясь такихъ-то взглядовъ, основываются на такихъ-то данныхъ. При такой системѣ испытанія подростящее поколѣніе стало бы нисколько не ниже настоящаго поколѣнія по своимъ познаніямъ всѣхъ спорныхъ истинъ; молодые люди оставались-бы по своему воспитанію такими-же точно приверженцами господствующей ли церкви или иновѣрцами, какъ и въ настоящее время, но въ указанномъ случаѣ стремленія государства были-бы, по крайней мѣрѣ, направлены къ тому, чтобы изъ этихъ молодыхъ людей образовались во всякомъ случаѣ, не на половину, а вполнѣ научно-подготовленные приверженцы той или иной господствующей церкви, или же вполнѣ научно-подготовленные иновѣрцы. При этомъ ничто не будетъ препятствовать тому, чтобы молодые люди, еслибы этого пожелали ихъ родители, обучались богословію въ той-же школѣ, гдѣ они обучаются и другимъ научнымъ предметамъ. Всякія попытки со стороны государства имѣть какое либо вліяніе на направленіе мнѣній своихъ гражданъ относительно спорныхъ вопросовъ—составляютъ зло; но вполнѣ желательно участіе правительства въ выдачѣ удостовѣреній и свидѣтельствъ въ томъ, что извѣстное лицо обладаетъ достаточными свѣдѣніями, чтобы давать какія-либо вѣскія заключенія по какому либо данному предмету. Было-бы, конечно, лучше, если бы изучавшій философію, напр., могъ выдержать испытаніе, доказывающее, что онъ одинаково знакомъ какъ съ ученіемъ Канта, такъ и съ ученіемъ Локка,

хотя-бы лично онъ отдавалъ предпочтеніе воззрѣніямъ того или другаго философа или вовсе не сочувствовалъ ни тому, ни другому ученію. Я съ своей стороны полагаю, сверхъ того, что нѣтъ никакой уважительной причины почему - бы атеистамъ не подвергаться испытаніямъ въ знаніи христіанскаго ученія, при условіи, конечно, чтобы отъ нихъ не требовалось, чтобы они исповѣдовали христіанскую вѣру. Впрочемъ, испытанію по высшимъ отраслямъ наукъ должны, по моему мнѣнію, подвергаться лишь только тѣ лица, которыя этого сами домогаются. Но предоставлять правительству право отказывать кому либо въ возможности заниматься какою-либо профессіей, даже профессіей учителя, единственно на основаніи того, что какое-либо данное лицо не имѣетъ надлежащихъ правъ, значитъ вручать въ руки правительства слишкомъ опасную власть надъ индивидуомъ.

И я вполне согласенъ съ мнѣніемъ Вильгельма фонъ Гумбольдта, что ученныя степени или какія-либо свидѣтельства о научныхъ или профессиональныхъ познаніяхъ должны быть выдаваемы всемъ безъ исключенія лицамъ, которыя домогаются публичнаго испытанія и усильно выдержать его; причемъ, однако, выдача подобныхъ свидѣтельствъ не должна быть совмѣстима съ дарованіемъ какихъ-либо особыхъ преимуществъ соревнующимся, кромѣ развѣ того значенія, которое придаетъ этимъ свидѣтельствамъ общественное мнѣніе.

Впрочемъ, неправильныя понятія о свободѣ личности не въ одномъ только дѣлѣ воспитанія являются препятствіями къ установленію правилъ, относящихся къ нравственной обязанности родителей по отношенію къ своимъ дѣтямъ; эти превратныя понятія не менѣе

того вліяють на правильне подчиненіе законодательной власти этих же самыхъ обязанностей, между тѣмъ какъ для выполненія первыхъ обязанностей родителей всегда существуютъ самыя вѣскія основанія, а для обязательнаго выполненія правилъ законодательства — весьма часто. Самъ по себѣ фактъ произведенія на свѣтъ ребенка, т. е. будущаго человѣка, является однимъ изъ самыхъ отвѣтственныхъ дѣяній въ сферѣ человеческой жизни. Брать на себя эту великую отвѣтственность — даровать жизнь мыслящему существу, не вѣдая о томъ, принесетъ ли эта жизнь счастье ему или будетъ для него тяжкимъ бременемъ, и не обезпечивъ этому существу хотя бы сносное существованіе предоставленіемъ ему извѣстныхъ средствъ къ борьбѣ съ обстоятельствами жизни — значитъ совершать преступленіе по отношенію къ такому мыслящему существу. Производить же на свѣтъ неограниченное число дѣтей, вліяя этимъ на уменьшеніе вознагражденія за трудъ вслѣдствіе чрезмѣрной конкуренціи въ такихъ странахъ, напр., гдѣ и безъ того уже ощущается избытокъ народонаселенія или гдѣ можно опасаться такого избытка — значитъ совершать тяжкое преступленіе противъ всѣхъ живущихъ на свои собственные заработки. Законы, существующіе во многихъ странахъ Европы, которыми разрѣшается вступленіе въ бракъ лишь тѣмъ лицамъ, которые могутъ представить удостовѣреніе въ томъ, что они имѣютъ средства содержать свою семью, вовсе не преступаютъ за предѣлы законной власти государства; оставляя въ сторонѣ вопросъ: оказываются ли такіе законы дѣйствительными или нѣтъ (вопросъ, зависящій главнымъ образомъ отъ мѣстныхъ условій и общихъ сочувствій къ нему), дол-

жно сказать, что во всякомъ случаѣ эти законы не заслуживаютъ упрековъ въ томъ, будто они нарушаютъ права личной свободы человѣка. Такіе законы устанавливаются только въ видѣ предотвращенія вреднаго дѣянія — дѣянія, которымъ наносится значительный ущербъ людямъ и которое заслуживаетъ не только порицанія, но и самаго строгаго общественнаго осужденія, даже если бы оно не подлежало наказанію по закону. Не смотря, однако, на общераспространенныя невѣрно усвоенныя понятія о свободѣ, вслѣдствіе которыхъ люди столь склонны допускать всякое ограниченіе свободы индивида въ дѣлахъ только лично его касающихся, что они единодушно возстаютъ самымъ энергичнымъ образомъ противъ какихъ бы то ни было попытокъ, направленныхъ къ обуздыванію людскихъ увлеченій, хотя послѣдствіемъ этихъ увлеченій является дарованіе жизни одному или нѣсколькимъ существамъ, заранѣе обреченнымъ на то, чтобы почти неминуемо влечить жалкое и полное страданій существованіе, помимо тѣхъ многообразныхъ золъ, которыя вынадаютъ въ этихъ случаяхъ и на тѣхъ лицъ, которыя сколько-нибудь причастны къ поведенію даннаго лица. Если мы сопоставимъ съ одной стороны развитое въ людяхъ до крайней степени чувство уваженія къ свободѣ и съ другой — совершенно несоразмѣрное съ этимъ чувствомъ отсутствіе въ людяхъ этого уваженія, то можно было бы полагать, что каждый человѣкъ имѣетъ безусловное право безнаказанно вредить другимъ и не имѣетъ ни малѣйшаго права удовлетворять своимъ желаніямъ, не причиняя страданія окружающимъ.

Я оставилъ для заключенія этого трактата значительное число вопросовъ, касающихся границъ вмѣша-

тельства правительства, вопросовъ, которые хотя и тѣсно соприкасаются съ предметомъ моего трактата, тѣмъ не менѣе, строго говоря, не относятся прямо къ нему. Я подразумѣваю здѣсь такіе случаи, когда возраженія противъ вмѣшательства правительства не затрагиваютъ принципа личной свободы, когда вопросъ этотъ въ сущности сводится не къ ограниченію извѣстныхъ дѣйствій личности, а къ поощренію этихъ дѣйствій. Спрашивается, должно ли само правительство поощрять или допускать, чтобы оказывалось поощреніе такимъ дѣйствіямъ, которыя клонятся ко благу людей, вмѣсто того, чтобы предоставлять людямъ каждому человеку въ отдѣльности такъ и нѣсколькимъ добровольно сплотившимся лицамъ, общими усиліями добиваться самимъ собственными усиліями этого блага?

Возраженія, которыя можно было бы привести противъ права вмѣшательства правительства, если такое вмѣшательство не влечетъ за собой нарушенія личной свободы, суть тройкаго рода.

Во-первыхъ, вмѣшательство правительства не должно имѣть мѣста, если есть вѣроятность, что дѣло, которое предстоитъ совершить, каждый отдѣльный индивидъ совершить гораздо лучше, нежели это можетъ быть сдѣлано правительствомъ. Говоря вообще, всего лучше вести извѣстное дѣло или рѣшать вопросъ о томъ, какъ и кѣмъ оно должно быть совершено, могутъ лишь тѣ лица, которыя лично заинтересованы въ дѣлѣ.

Этимъ принципомъ осуждается нѣкогда столь обычное явленіе, какъ вмѣшательство законодательства или администраціи въ обыкновенныя промышленныя предпріятія. Но эта сторона вопроса была достаточно обслѣдована политико-экономистами и не

имѣть особаго отношенія къ излагаемымъ въ этомъ трактатѣ принципамъ.

Второе возраженіе имѣетъ болѣе близкую связь съ предметомъ нашего трактата. Если допустить, что во многихъ случаяхъ отдѣльныя лица не въ состояніи, въ общемъ, выполнить данное дѣло столь удовлетворительно какъ лица административныя, тѣмъ не менѣе всегда предпочтительнѣе, чтобы это дѣло выполнялось первыми, а не администраціей, такъ какъ ихъ дѣятельность въ данномъ случаѣ служитъ полезнымъ стимуломъ для развитія умственныхъ способностей людей, укрѣпляя и развивая ихъ способность сужденія и давая имъ возможность ближе ознакомиться съ обстоятельствами, которыя соприкасаются съ ихъ жизнью. Въ этомъ заключается главный, хотя и далеко не единственный доводъ въ пользу суда присяжныхъ (въ вопросахъ не относящихся къ политическимъ дѣламъ), въ пользу свободныхъ мѣстныхъ и муниципальныхъ учреждений, а также и въ пользу веденія промышленныхъ и благотворительныхъ предпріятій при посредствѣ добровольныхъ ассоціацій. Все сказанное въ сущности не относится къ вопросу о свободѣ личности и связано съ нашимъ предметомъ лишь косвеннымъ образомъ, тѣмъ не менѣе это суть вопросы о развитіи. Здѣсь не мѣсто, конечно, касаться этихъ вопросовъ, тѣсно связанныхъ съ вопросомъ о народномъ образованіи; въ сущности на представленіе дѣла народнаго образованія частнымъ лицамъ можно смотрѣть какъ на дѣло, способствующее развитію самобытнаго типа гражданъ, какъ на наилучшее практическое условіе для образованія свободнаго народа, благодаря которому народу предоставляется возможность вырваться изъ узкой сферы личнаго

и семейнаго эгоизма, приобрести способность правильно понимать общіе жизненные интересы, способность къ веденію общественныхъ дѣлъ; эти же условія пріучаютъ его дѣйствовать согласно общественнымъ побужденіямъ и руководствоваться въ своихъ дѣйствіяхъ такими цѣлями, которыя способствуютъ сближенію людей другъ съ другомъ, а не разъединенію ихъ. При отсутствіи такихъ качествъ и способностей у самихъ гражданъ, никакія свободныя учрежденія не могутъ ни достигать своей цѣли, ни утвердиться на прочныхъ основаніяхъ, въ чемъ наглядно убѣждаютъ насъ примѣры измѣниваго характера политической свободы въ тѣхъ странахъ, гдѣ она недостаточно обосновывается установленными мѣстными общими гражданскими правами. Въ пользу управленія чисто мѣстныхъ дѣлъ при участіи лицъ мѣстнаго самоуправленія, а большихъ промышленныхъ предпріятій—союзами лицъ, добровольно жертвующихъ на это свои денежныя средства, свидѣтельствуютъ все тѣ выгоды, на которыя было указано въ настоящемъ трактатѣ, когда говорилось о пользѣ индивидуальнаго развитія и разносторонности образа дѣйствій людей. Всякія правительственныя же учрежденія всегда и вездѣ обнаруживаютъ склонность къ образованію однообразнаго общаго типа характера. Индивидуальная дѣятельность и дѣятельность добровольныхъ товариществъ, наоборотъ, всегда имѣетъ склонность ко введенію разнообразныхъ опытовъ дѣятельности и поощряетъ проявленіе самыхъ разностороннихъ условій дѣятельности и жизни. Дѣйствительную пользу государство окажетъ уже тѣмъ, если оно явится центральнымъ хранилищемъ и дѣятельнымъ распределителемъ и распространителемъ добытыхъ путемъ опыта резуль-

татовъ дѣятельности частныхъ лицъ. Дѣло государства заключается лишь въ томъ, чтобы каждому человѣку, стремящемуся къ примѣненію къ жизни какихъ-либо новыхъ начинаній, предоставлять все средства для извлечения пользы изъ опытовъ другихъ лицъ, а не въ томъ, чтобы запрещать людямъ приступать къ какимъ-либо новымъ начинаніямъ, присвоивая это право исключительно только себѣ.

Третья и самая убѣдительная причина, почему слѣдуетъ по возможности ограничивать вмѣшательство правительства въ общественныя дѣла, заключается въ томъ, что, усиливая власть правительства безъ особой надобности, ему дается въ руки еще новое средство для проявленія той силы, которою оно уже и безъ того обладаетъ. Всякая новая обязанность, возлагаемая на правительство сверхъ тѣхъ обязанностей, которыя оно уже несетъ, способствуетъ только тому, что люди привыкаютъ все свои упованія и опасенія за будущее возлагать на попеченіе правительства и постепенно обращаются изъ дѣятельныхъ и самостоятельныхъ людей въ прихвостней правительства или какой-либо партіи, стремящейся забрать въ свои руки правительственную власть. Если бы въ какой-либо странѣ пути сообщенія, желѣзныя дороги, банки, страховыя общества, большія акціонерныя общества, университеты и общественныя благотворительныя учрежденія находились въ вѣдѣніи правительства; если бы, кромѣ того, все городскія корпораціи и мѣстныя управленія, а также и благотворительныя учрежденія обратились въ отдѣленія центральной администраціи; если бы служащіе во всехъ этихъ различныхъ учрежденіяхъ назначались исключительно правительствомъ и получали бы отъ него все свои средства къ

существованію и всякое повышеніе ихъ по службѣ зависѣло бы только отъ правительства, то все усилія свободы печати и даже всякія народныя установленія законодательства были бы безвѣдны едѣлать страну свободною иначе какъ только номинально, тогда какъ въ дѣйствительности она была бы вовсе несвободной, и зло было бы тѣмъ сильнѣе, чѣмъ искуснѣе и совершеннѣе было бы устройство всего механизма управленія и чѣмъ искуснѣе совершался бы подборъ наиболѣе способныхъ труженниковъ и администраторовъ, занимающихся приведеніемъ въ дѣйствіе этого механизма. Въ Англіи уже давно было предложено ввести слѣдующую мѣру: чтобы все служащія на гражданской государственной службѣ выбирались не правительствомъ, а назначались на службу послѣ конкурснаго экзамена, причемъ имѣлось въ виду привлекать къ занятію этихъ должностей лицъ наиболѣе интеллигентныхъ и свѣдущихъ; предложеніе это возбудило большія пререканія и много было высказано мнѣній какъ за, такъ и противъ введенія его. Одинъ изъ аргументовъ, на которомъ больше всего настаивали противники этой мѣры, заключался въ томъ, что служба постоянного оффиціального служащаго государственнаго дѣятеля не представляетъ настолько матеріальныхъ преимуществъ, которыми пользуется лицо, занимающее извѣстный постъ, чтобы привлечь людей талантливыхъ, которые, состоя на частной службѣ въ профессиональныхъ или иныхъ общественныхъ учрежденіяхъ, всегда могутъ разсчитывать на болѣе высокое вознагражденіе и болѣе высокую оцѣнку ихъ труда. Если бы этотъ аргументъ былъ приведенъ приверженцами введенія упомянутаго предложенія какъ доказательство трудности осуществленія его

на дѣлѣ, то это было бы вовсе не удивительно, тогда какъ невольно поражаетъ, будучи приведенъ противниками этого предложенія. Если бы на самомъ дѣлѣ можно было привлечь на государственную службу всѣхъ наиболѣе талантливыхъ людей, то естественно, что предложеніе, имѣвшее въ виду такую цѣль, могло бы возбудить серьезныя опасенія. Если бы каждая отрасль общественныхъ дѣлѣ, требующихъ организованнаго совмѣстнаго труда нѣсколькихъ лицъ или участія въ нихъ людей многосторонняго и пытливаго ума, сосредоточивалась бы въ рукахъ правительства и если бы правительственныя учрежденія были повсюду перенесены самыми способными во всѣхъ отношеніяхъ людьми, тогда область распространенія умственной культуры и вся область умственной дѣятельности страны, за исключеніемъ области чисто умозрительныхъ наукъ, сосредоточивалась бы въ рукахъ могущественной бюрократіи, къ которой вся остальная часть общества принуждена была бы обращаться за рѣшеніемъ всевозможныхъ вопросовъ: народная масса обращалась бы къ ней за тѣмъ, чтобы ее направляли и указывали бы ей, какъ и что ей дѣлать, а способные и честолюбивые люди некали бы у нея покровительства. Тогда единственная цѣль стремленій каждаго честолюбиваго чловека заключалась бы въ томъ, чтобы попасть въ ряды этой бюрократіи, а разъ добившись этого—желать выдвинуться. При такомъ строѣ общества не только люди, не стоящіе въ рядахъ этой бюрократіи, были бы, за неизмѣнимъ опытности, не въ силахъ критиковать или ограничивать образъ дѣйствій бюрократіи, но даже, если бы по случайному стеченію обстоятельствъ или велѣд-

ствіе установленія народнаго образа правленія, главенство въ странѣ перешло бы въ руки правителя или нѣсколькихъ правителей, склонныхъ произвести реформу, то и въ такомъ случаѣ имъ немислимо было бы бороться съ установившимся порядкомъ и произвести какую-либо реформу, которая противорѣчила бы интересамъ бюрократіи. Въ такомъ плачевномъ положеніи находятся тѣ страны, въ которыхъ даже сами правители оказываются безсильными идти противъ бюрократіи, въ которыхъ эти правители не въ силахъ править страной безъ участія или противно желаніямъ бюрократіи. На всякій указъ правителя бюрократія можетъ всегда наложить свое veto, можетъ фактически вовсе не приводить въ исполненіе указы правителя. Въ странахъ болѣе цивилизованныхъ и, сравнительно, болѣе свободомыслящихъ, но гдѣ народъ все-таки пріобылъ къ тому, что обо всемъ заботилось за него государство, или, во всякомъ случаѣ, гдѣ народъ не предпринимаетъ ничего, не испросивъ у правительства не только разрѣшенія, но и указанія, какъ ему слѣдуетъ поступить, въ такихъ странахъ народъ возлагаетъ всю отвѣтственность за зло, постигающее его, на правительство, но зато, если зло возрастаетъ до такой степени, что переходитъ границы терпѣнія народа, то онъ возстаетъ противъ своего правительства и производитъ такъ называемую революцію. А вельдъ за нею является какое-либо лицо, облеченное законнымъ полномочіемъ отъ народа или даже и безъ этого полномочія, садится на мѣсто отстраненнаго правителя, издаетъ свои приказанія бюрократіи и все начинаетъ идти по старому порядку: бюрократія опять забираетъ все дѣла въ руки, какъ и до переворота, и въ странѣ не оказывается ни-

кого кто былъ бы способенъ принять въ свои руки бразды правленія и замѣтить бюрократію.

Совершенно иное явленіе представляютъ народы, которые привыкли вести все свои дѣла самостоятельно. Во Франціи, напр., гдѣ большая часть населенія состоитъ изъ военнаго сословія и многія лица занимаютъ по крайней мѣрѣ мѣста унтеръ-офицеровъ, при каждомъ народномъ возстаніи всегда находитея значительное число людей, которые оказываются вполне способными взять на себя предводительство надъ народной массой и начертать болѣе или менѣе толковый планъ дѣйствій. Тѣми благопріятными условіями, которыми французы отличаются въ военномъ отношеніи, тѣми же условіями американцы отличаются во всехъ гражданскихъ дѣлахъ; отнимите у нихъ, напр., ихъ правительство и каждый американецъ окажется способнымъ создать новое правительство и вести какъ управленіе государствомъ, такъ и всякое другое общественное дѣло съ достаточнымъ запасомъ знанія дѣла, порядка и увѣренности. Американцы, слѣдовательно, могутъ служить примѣромъ того, чѣмъ долженъ быть каждый свободный народъ, и народъ, одаренный способностью сдѣлаться такимъ, каковы американцы, будетъ дѣйствительно въ полномъ смыслѣ слова народомъ свободнымъ; онъ никогда не допуститъ, чтобы его могъ ввергнуть въ рабство одинъ какой либо человѣкъ или хотя бы цѣлая группа людей и никогда не дозволитъ, чтобы кто либо забралъ въ свои руки бразды центральной администраціи и принялся бы самовластно управлять странюю. Ни одна бюрократія въ мірѣ не можетъ надѣяться на то, что будетъ въ силахъ заставить такой свободный народъ отступиться отъ его собственной воли или хотя бы на одинъ

шагъ подчинить его какой либо власти вопреки его желанію. Но тамъ, гдѣ все дѣлается черезъ посредство бюрократіи, уже не представляется рѣшительно никакой возможности предпринять какое либо дѣло, иначе какъ черезъ ее посредство. Государственное устройство такихъ странъ представляетъ собой воплощеніе въ одно дисциплинированное тѣло всей суммы опыта и практическихъ дарованій націи, примененной къ дѣлу съ цѣлью управленія страной; и чѣмъ совершеннѣе такая организація, тѣмъ успешнѣе она привлекаетъ къ себѣ людей и воспринимаетъ для себя самыхъ даровитыхъ представителей всѣхъ слоевъ общества и тѣмъ сильнѣе становится поработеніе всѣхъ гражданъ страны, не исключая и самихъ представителей бюрократіи; такъ какъ при подобномъ управленіи правители суть настолько же рабы всей взятой въ совокупности организаціи страны, насколько управляемые суть рабы правящихъ ею.

Китайскій мандаринъ въ сущности есть такое же орудіе и такая же креатура деспотизма, какъ и самый скромный крестьянинъ. Каждый іезуитъ есть въ сущности не болѣе какъ самый презрѣнный рабъ своего ордена, хотя самый орденъ созданъ для того, чтобы служить представителемъ сплоченной силы и высокаго достоинства его членовъ.

Не слѣдуетъ также забывать, что поглощеніе правящимъ классомъ общества всѣхъ лучшихъ умственныхъ силъ страны рано или поздно должно пагубно отразиться на умственной дѣятельности и ходѣ развитія самого этого общества. Будучи тѣсно связаны вмѣстѣ въ выработкѣ системы, которая, подобно всѣмъ системамъ, обязательно въ главномъ основывается на

строго опредѣленныхъ правилахъ, представители правительственной власти подвергаются постоянному искушенію погрузиться въ безнечную рутину или же, если имъ отъ до времени удастся избѣжать ея, ринуться очертя голову въ какую либо плохо изслѣдованную или незрѣлую затѣю, зародившуюся въ фантазіи изъ руководящихъ членовъ правительства. Не единственнымъ выходомъ изъ этихъ тѣсно сродныхъ, хотя повидимому и противоположныхъ наклонностей, единственнымъ стимуломъ, который могъ бы поддерживать на значительной высотѣ дѣятельность общества, является контроль зоркой критики не менѣе даровитыхъ людей, находящихся, однако, виѣ сферы правящаго класса людей. Поэтому то безусловно необходимо, чтобы существовали независимыя отъ правительства средства для воспитанія людей даровитыхъ, которымъ былъ бы открытъ доступъ къ примѣненію на дѣлѣ плодовъ ихъ опытности, столь необходимой для правильнаго сужденія обо всѣхъ важныхъ практическихъ дѣлахъ. Если мы стремимся къ тому, чтобы постоянно имѣть некусный и дѣятельный составъ должностныхъ лицъ—главнымъ образомъ людей, способныхъ и готовыхъ къ введенію всякихъ улучшеній; если мы не хотимъ, чтобы наша бюрократія, постепенно вырождаясь, превратилась бы, наконецъ, въ педантократію, то мы должны всячески препятствовать тому, чтобы всѣ занятія, которыя содѣйствуютъ образованію и развитію будущихъ общественныхъ дѣятелей, сосредоточивались въ ея рукахъ.

Опредѣлить ту точку, гдѣ именно берутъ свое начало всѣ препятствующія свободѣ и прогрессу человечества зловредныя условія или, вѣрнѣе, гдѣ именно эти условія начинаютъ преобладать надъ благопріят-

ными для свободы условіями, которыя протекають изъ совокупныхъ усилій общества, направляемыхъ опытными руководителями къ преодолѣнію препятствій, преграждающихъ путь къ достиженію и процвѣтанію свободы людей; стремиться къ обезпеченію преимуществъ централизованной власти людей и интеллигенціи, насколько только возможно не допуская, однако, чрезмернаго притока въ правительственныя сферы общей дѣятельной силы страны, — все сказанное составляетъ одинъ изъ самыхъ труднѣйшихъ и запутанныхъ вопросовъ, относящихся къ искусству государственнаго управления. Въ общемъ рѣшеніе этого вопроса оказывается весьма сложнымъ именно потому, что весь онъ раздробляется на множество самыхъ разнообразныхъ мелочей, которыя должны быть приняты во вниманіе, и для разрѣшенія котораго нельзя установить никакихъ точныхъ правилъ. Я полагаю, однако, что можно принять за надежный практической принципъ, олицетворяющій собою тотъ идеаль, къ которому должно стремиться, то мѣрило, которымъ должно измѣрять все попытки къ преодолѣнію препятствующихъ свободѣ условій, слѣдующее общее правило: должно быть установлено самое наиболѣе широкое раздробленіе власти, какое только возможно для наилучшаго достиженія цѣлей, намѣченныхъ этою властью, но вмѣстѣ съ тѣмъ — насколько только возможно большая централизація образованія и распространеніе его отъ центра по всемъ направленіямъ. При такихъ условіяхъ образовалось-бы управленіе городской администраціею по образцу того, какое уже существуетъ въ Ново-Англійскихъ Штатахъ, гдѣ все дѣла, которыми не могутъ управлять непосредственно сами заинтересованныя въ нихъ лица, раздроблены на

мелкіе отдѣлы и поручены вѣдѣнію особыхъ служащихъ, избранныхъ самими мѣстными обывателями; но, сверхъ, того, придерживаясь вышензложеннаго мною принципа въ каждомъ отдѣлѣ управленія мѣстными дѣлами долженъ быть установленъ центральный надзоръ, составляющій собой какъ-бы вѣтвь главнаго управленія всѣми дѣлами. Такой наблюдательный органъ отражалъ-бы въ себѣ какъ въ фокусѣ сумму всѣхъ многостороннихъ свѣдѣній и опытовъ, добытыхъ изъ образа дѣйствій этой вѣтви общественной дѣятельности во всѣхъ округахъ страны, а также сумму всего того, что было сдѣлано соотвѣтственнаго по данному предмету въ другихъ странахъ свѣта, а также и изъ всѣхъ общихъ основъ науки о государственномъ управленіи. До свѣдѣній этого центрального органа должны доходить доклады обо всѣхъ начинаніяхъ и обо всемъ, что предпринимается въ странѣ, и его спеціальная обязанность должна состоять въ томъ, чтобы добытые въ одной какой либо мѣстности результаты опытовъ по какому либо предмету, относящемуся къ дѣлу управленія, могли-бы быть съ пользою примѣнены и во всѣхъ другихъ учрежденіяхъ страны. И такъ какъ благодаря занимаемому имъ высокому положенію и обширной сферѣ наблюденія этотъ центральный органъ будетъ свободенъ отъ мелкихъ предразсудковъ и мѣстныхъ узкихъ взглядовъ, то предлагаемые этимъ органомъ совѣты должны будутъ, естественнымъ образомъ, оказываться уже весьма авторитетными; его-же дѣйствительная власть должна была-бы, какъ я полагаю, ограничиваться лишь тѣмъ, чтобы обязывать мѣстныхъ должностныхъ лицъ къ исполненію законовъ, которые установлены для ихъ руководства. Во всѣхъ-же дѣлахъ, которые не

предусмотрѣны общими правилами закона, этимъ должностнымъ лицамъ должно быть предоставлено право поступать по собственному усмотрѣнію подѣ отвѣтственностью передъ ихъ избирателями. За нарушение же установленныхъ правилъ они должны были-бы отвѣчать передъ администраціею и самыя эти правила должны быть установлены законодательною властью, причемъ центральной административной власти вмѣнялось-бы въ обязанность лишь только наблюдать за выполненіемъ этихъ правилъ, и еслибы обнаружилось, что эти правила не исполняются надлежащимъ образомъ, то администрація имѣла-бы право обращаться, судя по роду данного случая, или къ суду за требованіемъ обязательнаго выполненія закона или къ избирателямъ съ требованіемъ объ устраненіи отъ службы тѣхъ служащихъ, которые не выполняютъ данныхъ имъ предписаній согласно духу закона. Въ общихъ чертахъ на подобный образецъ составленъ уставъ центрального надзора, который въ Англіи установленъ комитетомъ о бѣдныхъ надъ завѣдующими сборомъ налога въ пользу бѣдныхъ (Poor-Rate) во всей странѣ. И хотя весьма возможно, что этотъ комитетъ при исполненіи своихъ обязанностей иногда и переступаетъ границы своей власти, но мѣры, къ которымъ онъ прибѣгаетъ, совершенно основательны и необходимы въ данномъ случаѣ, такъ какъ къ нимъ прибѣгаютъ ради искорененія вредныхъ послѣдствій причиняемыхъ несправною администраціею въ дѣлахъ, касающихся коренныхъ интересовъ не только отдѣльных мѣстностей, но и всего общества; такъ какъ должно считать нарушеніемъ всякихъ правственныхъ основъ справедливости, если какая либо отдѣльная мѣстность влѣдетвіе дурнаго управленія мѣстными

дѣлами превращаетъ свою общину въ гнѣздо нищенства, которое неминуемо будетъ распространяться далѣе по другимъ мѣстностямъ страны, развращая нравственное и физическое благосостояніе всего рабочаго класса страны. Такое примѣненіе власти административныхъ лицъ и обязательное подчиненіе законодательству комитета о бѣдныхъ хотя и можетъ быть оправдываемо въ примѣненіи къ указанному закону о бѣдныхъ (тѣмъ болѣе, что на дѣлѣ къ этому примѣненію власти прибѣгается въ весьма рѣдкихъ случаяхъ благодаря контролю общественнаго мнѣнія), такъ какъ тутъ дѣло касается условія такой первостепенной важности, какова забота объ общемъ народномъ благѣ страны, но примѣненіе подобной власти надъ дѣлами, касающимися единственно только мѣстныхъ интересовъ было-бы совершенно неумѣстно. Существованіе центрального органа, въ которомъ сосредоточивался бы сводъ всего запаса знанія и уметвеннаго развитія всѣхъ округовъ страны, было-бы одинаково драгоценнымъ для руководства всѣхъ отдѣловъ администраціи. Правительству полезно располагать не въ ограниченной мѣрѣ, но даже въ избыткѣ, всѣми средствами не для пренятствованія личнымъ успліямъ людей, направляемымъ къ дѣятельности и саморазвитію, но для поощренія и возбужденія въ людяхъ этихъ стремленій. Зло начинается только въ томъ случаѣ, когда правительство, вмѣсто того, чтобы поощрять къ дѣятельности отдѣльныхъ лицъ или общества, стремится замѣнить ихъ дѣятельность своею собственною; когда вмѣсто того, чтобы учить, совѣтывать, а временами также порицать, оно заставляетъ людей трудиться, связавъ ихъ путами, или-же вовсе отстраняетъ ихъ отъ

всякой дѣятельности, беря на себя ту часть работы, которая по праву должна быть исполнена самими гражданами страны. Оцѣнить достоинство государства, въ концѣ концовъ, возможно только оцѣнивъ достоинство отдѣльныхъ гражданъ этого государства. И то государство, которое жертвуетъ прямыми выгодами, какія приносятъ умственное развитіе и достоинство ея гражданъ, ради интересовъ болѣе или менѣе искусной администраціи или правильнѣе сказать — той административной способности, которая приобрѣтается практической дѣятельностью, государство, которое задерживаетъ нравственный ростъ своихъ гражданъ съ цѣлью обратить ихъ въ послушное орудіе для своихъ собственныхъ цѣлей, хотя-бы и ради благихъ намѣреній — убѣдитесь въ концѣ концовъ въ томъ, что при содѣйствіи такихъ уметвенно и нравственно недоразвитыхъ и отсталыхъ людей немислимо никакое процвѣтаніе важныхъ государственныхъ дѣлъ и что какъ-бы ни былъ совершененъ тотъ механизмъ, ради благоустройства котораго оно пожертвовало столь многимъ, онъ все-таки въ концѣ концовъ окажется ни къ чему непригоднымъ за отсутствіемъ въ немъ той жизненной силы, которую оно само заблагоразсудило воее устранить въ своемъ усердіи добиться того, чтобы ходъ этого механизма ничѣмъ не задерживался и чтобы царящій въ немъ порядокъ ничѣмъ не нарушался.

№11772

Областная
библиотека им. Гоголя
фундаментальное
отделение

СОДЕРЖАНІЕ.

	Стр.
ГЛАВА I.	
Введеніе	5
ГЛАВА II.	
О свободѣ мысли и слова	33
ГЛАВА III.	
Объ индивидуальности какъ объ одномъ изъ условій человѣческаго благополучія	107
ГЛАВА IV.	
О предѣлахъ власти общества надъ индивидуомъ	150
ГЛАВА V.	
Примѣненія изложенныхъ принциповъ	188

ВЪ КНИЖНОМЪ СКЛАДѢ

В. И. ГУВИНСКАГО,

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

Нравственныя сочиненія С. Смайльса.

Умъ и энергія. „Жизнь и трудъ“ (Life and labour). Большой томъ. Переводъ подъ редакціею Д. А. Короичевского. Характеристика изъ жизни великихъ людей. Сиб. 1890 г. Ц. 1 р. 50 к. Содержаніе: Глава I. Люди и благородные люди. Глава II. Великіе люди—великіе работники. Глава III. Великіе юности. Глава IV. Великіе старцы. Глава V. Родословная таланта и гения. Глава VI. Литературный недугъ. — Излишняя мозговая работа. Глава VII. Здоровье. — Пристрастія. Глава VIII. Городская и сельская жизнь. Глава IX. Одинокіе и женатые. — Подруги. Глава X. Закатъ жизни. — Поклѣдныя мысли великихъ людей.

Саморазвитіе уметвенное, нравственное и практическое съ дополнительной статьею „Русскіе дѣятели“ (самодѣятельность). — Переводъ и дополненіе В. Вольфсона. Сиб. 1895 г. 400 стр., ц. 1 р. 25 к., I. Самопомощь общественная и личная. II. Изобрѣтатели и промышленные дѣятели. III. Три гончара. IV. Прилежаніе и настойчивость. V. Научная дѣятельность. VI. Труженики изящныхъ искусствъ. VII. Труженики пера. VIII. Энергія и сила воли. IX. Дѣловые люди. X. Деньги — пользованіе и злоупотребленіе ими. XI. Саморазвитіе. XII. Значеніе примѣра. XIII. Значеніе характера. XIV. Русскіе дѣятели.

Характеръ. Воспитаніе и образованіе. Перев. С. Майковой. 1896 г. 7-е изданіе. Вліяніе семьи. — Товарищество и примѣръ. — Трудъ. — Мужество. — Самообладаніе. — Долгъ и правдивость. — Нравъ. — Манеры и изящество. — Общество книгъ. — Вліяніе брака. — Школа жизни. Ц. 1 р.

Вѣчный труженикъ. Жизнь и приключенія шотландскаго натуралиста Томаса Эдуарда. 2-е изданіе. Съ рисунками. Сиб. Цѣна 1 р. 25 к.

Долгъ. Нравственныя обязанности человѣка. Переводъ С. Майковой. Содержаніе: Долгъ. — Совѣтъ. — Честность. — Правдивость. — Мужество. — Терпѣніе. — Героизмъ добрыхъ дѣлъ. — Человѣколюбіе. — Гуманное обращеніе съ животными и лошадьми. — Отвѣтственность. — Послѣдній конецъ. 2-е изданіе. Сиб. Ц. 1 р. 50 к.

Бережливость. Переводъ Сысоевой. Сиб. 2-е изд. 1896 г. Ц. 1 р. Цѣль этой книги побудить людей употреблять свои средства на достойныя цѣли, а не растрачивать ихъ на удовлетвореніе пустыхъ прихотей. Въ стремленіи къ этой

цѣли встрѣтитея человѣку много враговъ: праздность, легкомысліе, тщеславіе, порокъ, невоздержность. Последняя—самый худшій изъ всѣхъ враговъ. Въ предлагаемой книгѣ приведено много примѣровъ, возбужденія старыхъ и молодыхъ людей къ соблюденію бережливости.

Путешествіе мальчика вокругъ свѣта. Съ рисунками. Перев. В. Вольскаго. Сиб. 1893 г. Ц. 1 р. 25 к.

Божественная комедія. Сочин. Данте-Алигъери.

Адъ. Переводъ В. В. Чуйко, со вступительною статьею переводчика о жизни и произведеніи автора. Съ 68 рисунками извѣстныхъ французскихъ художниковъ и съ портретомъ автора. Сиб., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

2 т. **Чистилище.** Перев. В. В. Чуйко, съ 72 рисунками. Ц. 1 р. 25 к.

3 т. **Рай.** Перев. В. В. Чуйко, съ 74 рисунками. Ц. 1 р. 25 к.

Наука о нравственности. (Этика). Изложеніе этическихъ принциповъ и ихъ примѣненіе къ частнымъ жизненнымъ отношеніямъ. Соч. профессора Копенгагенскаго университета д-ра Гаральда Геффдинга. Переводъ подъ редакцію Л. Е. Оболенскаго. Сиб. 1898 г. Ц. 1 р. 75 к.

Происхожденіе міра (Sur l'origine du monde). Космогоническія теоріи древнихъ и современная, критика гипотезы Лапласа и собственная теорія автора, съ добавленіемъ Гае (Фейе), члена Парижской Академіи наукъ. Защиты гипотезы Лапласа и теорій — Кирквуда, Тробріджа, Ньюкомба, Г. Х. Дарвина, а также критики теорій Гае, изъ соч. Космогоническія гипотезы (Les hypothèses cosmogoniques). К. Вольфа члена Парижской Академіи, астронома обсерваторіи. 2-е изданіе. Сиб., 1895 г., ц. 1 р. 35 к. Книга эта изложена популярнымъ языкомъ и коротко знакомитъ со всеми авторитетными ученіями, выражавшими свое мнѣніе о происхожденіи міра. Въ прибавленіи помѣщены защиты гипотезы Лапласа и др. Книга написана убогимъ прифтомъ и вышшій ея видъ не заставляетъ желать ничего лучшаго. Съ рисунками.

Этика наука о нравственности. Автора книги исторія философіи Фр. Кирхнера. Доктора философіи, переводъ подъ редакціей Оболенскаго 1899 г. ц. 1 р.

Книга Кирхнера написана популярнымъ языкомъ, а потому доступна всякому читателю даже мало подготовленному къ такого рода чтенію.

Первая помощь въ несчастныхъ случаяхъ. Краткое общедоступное руководетво. Д-ра Миллера съ рисунками переводъ д-ра М. Гесселевича. Сиб. 1899 г. ц. 30 к.